Чайлд Линкольн

Забытая комната

Посвящаю Веронике

1

Столь необычного зрелища почтенный и величественный Научный институт Глазго, основанный в 1761 году по милостивому повелению короля Георга, пожалуй, еще не видывал. На Большой лужайке, напротив административного здания, установили большой, заставленный микрофонами подиум. На складных стульях перед ним расселись десятка три репортеров, представлявших как местные издания, так и лондонские газеты «Таймс», «Нейчер», «Оушенографи», журнал «Тайм» и уйму других. Справа от подиума стояли две телекамеры – от Би-би-си и Си-эн-эн. Слева, на крепких деревянных подмостках, поместилась внушительных размеров и необычного вида машина из темного металла, своего рода гибрид сигарного туба и подушечки для булавок, футов тридцати в длину, с массивной насадкой, выступающей из верхнего края.

Нестройный гул голосов переговаривавшихся между собою репортеров стих, как только двери административного здания открылись и навстречу послеполуденному сентябрьскому солнцу вышли двое мужчин: один – низенький и толстенький, с шапкой седых волос и в плотном твидовом пиджаке; другой – высокий и худощавый, с суровыми чертами, светло-каштановыми волосами и внимательными серыми глазами. В отличие от своего спутника он был одет в консервативный темный костюм.

Оба подошли к подиуму, и тот, что постарше, прокашлявшись, обратился к публике:

– Дамы и господа, представители прессы… благодарю за внимание. Я – Колин Рид, ректор Научного института Глазго. Справа от меня – Джереми Логан.

Рид отпил воды из стоявшего на подиуме стакана и снова прочистил горло.

– Вы, наверное, хорошо знаете, чем занимается доктор Логан. Он, возможно, единственный и определенно самый выдающийся из действующих сегодня энигматологов. Его работа заключается в том, чтобы исследовать, интерпретировать и объяснять – иначе и не скажешь

– необъяснимое. Он проливает свет на загадки истории, отделяет миф от правды и естественное от сверхъестественного.

Стоявший слева от Рида Джереми Логан едва заметно нахмурился, словно смущенный этим панегириком.

– Около двух месяцев назад мы связались с доктором Логаном, находившимся тогда в своем родном Йельском университете, и попросили выполнить для нас одно поручение. Если коротко, это поручение можно сформулировать так: доказать или опровергнуть существование животного, более известного как Лох-несское чудовище. Последние шесть недель доктор Логан провел в Инвернессе, где именно этим и занимался. И сейчас я попрошу его поделиться с нами результатами своих изысканий.

Рид отошел от микрофона, уступив место Логану, который, прежде чем заговорить, бегло оглядел собравшихся. Голос его, негромкий и мягкий, со среднеатлантическим акцентом, контрастировал с зычным, раскатистым басом шотландца Рида.

– Лох-несское чудовище, – начал Логан, – самое известное из всех так называемых шотландских озерных чудовищ и, возможно, самое знаменитое из криптидов. Обращаясь ко мне, институт не ставил целью воспрепятствовать развитию местной индустрии туризма или вытеснить из бизнеса торговцев образчиками лох-несской иконографии. Скорее, его цель заключалась в том, чтобы положить конец попыткам разного рода любителей и энтузиастов отыскать это существо, попыткам, число которых возросло в последнее время и которые, по крайней мере дважды за прошлый год, приводили к трагической гибели людей.

Он сделал глоток из своего стакана.

– Я пришел к выводу, что для доказательства существования животного требуется одно: наблюдение объекта в его естественной среде. Доказательство же противного потребовало бы куда большей работы. Моим наилучшим союзником могла стать техника. Я обратился к командованию военно-морского флота Соединенных Штатов, в котором и сам некогда служил, с просьбой одолжить мне одноместный аппарат для подводных исследований. – Логан указал на необычного вида машину, установленную на деревянный помост. – Данный аппарат оборудован радаром непрерывного излучения, сонаром с синтезированной апертурой[1], эхолокационными устройствами, использующими технологию импульсной компрессии, и многими другими приборами для подводной картографии и обнаружения цели с последующим ее ведением.

Два фактора надлежало принять во внимание. Во-первых, Лох весьма протяжен и необычайно глубок, в некоторых местах глубина его

достигает семисот пятидесяти футов. Во-вторых, судя по описаниям так называемых очевидцев, мы имеем дело с существом, морфология которого предполагает близость к плезиозавру. В таком случае его длина может быть от двадцати до сорока футов. Некоторые параметры – такие как дальность перемещения и экологическое предпочтение – оставались неизвестными, но определить их не представлялось возможным до обнаружения объекта.

Для начала я ознакомился с особенностями спускаемого аппарата и топографией озера – как в надводном, так и в подводном режиме. В решении первой задачи мне помог опыт службы на флоте. Период обкатки занял примерно неделю, и за это время я не обнаружил никаких признаков существа.

Далее я обратился к институту с просьбой обеспечить меня сетью. Такая сеть, размером восемьсот на десять тысяч футов, была изготовлена с использованием нейлоновой нити военного назначения.

Публика удивленно зашумела.

– Дальше началась весьма скучная, однообразная, но понятная – после нескольких первых прогонов – работа. Задачу мне облегчал тот факт, что озеро, при длине около двадцати миль, не очень широкое – менее двух миль в самом широком месте. Мы начали с севера и двигались на юг. В работе мне помогали два аспиранта из института и две моторки из Инвернесса. Каждый день я совершал погружение и прочесывал участок озера протяженностью в одну милю в южном направлении. Все отрезки исследовались по трем осевым линиям – икс, игрек и зет. По каждому отдельному участку я делал три отдельных прохода на разной глубине, используя приборы наведения для обнаружения объектов определенного размера.

Оборудование, о котором идет речь, имеет значительный радиус действия и отличается высокой точностью; при наличии в исследуемом районе объекта заданных параметров я бы обязательно его обнаружил. В конце каждого дня я, с помощью аспирантов – по одному на каждом берегу – и двух моторок, перемещал сеть на одну милю вперед, к конечному пункту поисков на следующий день. Благодаря своему размеру она перекрывала все озеро в поперечнике, как противолодочное заграждение. Величина ячеек позволяла свободно проходить через нее обычным рыбам, но затрудняла проникновение объектов, ширина которых превышала сорок сантиметров.

В поисках существа я ежедневно исследовал участок озера длиной в одну милю. И в конце каждого дня, как уже упоминалось, мы переносили сеть на одну милю вперед. Таким образом, через двадцать дней мы достигли южной оконечности озера, но никого не обнаружили. Подводя итог, леди и джентльмены, я выражу его всего лишь в четырех словах,

которые произнесу не без некоторого сожаления, поскольку и сам, как любой из вас, люблю криптозоологические легенды: *никакой Несси не существует*.

Слушатели встретили заявление аплодисментами и разрозненными смешками.

Издалека донесся низкий и глухой, монотонно повторяющийся стук. По мере приближения в нем отчетливо проступал тяжелый ритм рубящих воздух вертолетных лопастей. Еще немного, и из-за ближайшего холма, застроенного домиками из красного кирпича, вынырнул пузатый военный вертолет. Снизившись – судя по опознавательным знакам, машина принадлежала военно-морскому флоту США, – он завис над Большой лужайкой и темно-серым подводным аппаратом. Заходила кругами прибитая ветром трава; репортеры похватали разлетающиеся бумаги и прижали к головам шляпы. Выбежавший из административного здания техник в комбинезоне прикрепил два выскользнувших из брюха вертолета огромных крюка к скобам на корпусе спускаемого аппарата. Потом, отступив, поднял два больших пальца, и вертолет начал осторожно подниматься. Подводное суденышко оторвалось от платформы и, раскачиваясь, устремилось вверх. Набрав высоту, вертолет медленно повернулся носом на восток, унося с собою висящий на двух тросах груз. Через шестьдесят секунд он исчез. Вся операция заняла меньше пяти минут.

Секунду-другую Логан еще смотрел на дальний горизонт. Потом повернулся к репортерам.

– А теперь я с удовольствием – и по мере возможности полно – отвечу на ваши вопросы.

Три часа спустя в уютном, обставленном в духе времен Эдуарда VII баре самого шикарного отеля Глазго те же двое – Колин Рид и Джереми Логан – угощались неразбавленным односолодовым виски с густым торфяным ароматом.

– Отличный спектакль, – сказал Рид. – И я имею в виду не только сегодняшнюю пресс-конференцию.

– Актерская игра мне в новинку, – скромно ответил Логан. – Теперь буду знать, что, если весь этот бизнес с охотой на привидения сойдет на нет, я всегда смогу подработать на театральных подмостках – как-никак будет прибавка к моей йельской зарплате.

– «А теперь я с удовольствием – и по мере возможности полно – отвечу на ваши вопросы», – повторил, усмехаясь, Рид. – Хорошая оговорка. – Он сделал глоток скотча. – Что ж, думаю, после сегодняшнего

объявления и введения новых правил в отношении использования на озере моторных судов поиски Лох-несского чудовища наконец-то прекратятся.

– Как мы и планировали.

– Ах да, – словно только что вспомнив о чем-то, пробормотал Рид и, сунув руку в карман, достал тонкий конверт. – Твое жалованье.

– Неудобно брать деньги у института, – сказал Логан, отправляя конверт в карман, – но я утешаю себя мыслью, что это компенсация за неизбежный удар по моей репутации, который последует, если правда все же вскроется.

– Позволь еще раз поблагодарить – от себя и, уверен, от имени Несси… – Ректор немного помолчал. – Информация у тебя?

Логан кивнул.

– И ты по-прежнему уверен, что ее следует уничтожить?

– Это всего лишь мое мнение. Что, если снимки окажутся в открытом доступе или – не дай бог – попадут в Интернет? Будет перечеркнуто все, чего мы достигли. Я сожгу их сразу же, как только доберусь до дома.

– Ты, конечно, прав… – Рид на секунду замялся. – Можно… Позволь взглянуть в последний раз?

– Конечно.

Логан огляделся, открыл лежавший рядом, на банкетке, кейс «Зеро Холлибертон», достал папку и передал ее Риду. Тот взял ее, перелистал страницы, и глаза его вспыхнули жадным блеском.

Представленные изображения были получены с помощью различных приборов: акустического рассеивателя, синтетического апертурного радара, активного лучеобразующего сонара. Все они показывали – под разным углом и в разных позициях – одно и то же: существо с массивным, яйцеобразным туловищем, боковыми плавниками и длинной тонкой шеей. Секунду-другую Рид рассматривал их, затем с печальным вздохом закрыл папку и вернул Логану.

Американец уже убирал ее в «дипломат», когда к столику подошел человек в форме служащего отеля.

– Доктор Логан?

Тот кивнул.

– Вам звонят. Пройдите, пожалуйста, к регистрационной стойке.

Логан нахмурился.

– Я сейчас занят. Это может подождать?

Служащий покачал головой.

– Нет, сэр. Они говорят, что дело неотложное. В высшей степени срочное.

2

Тому, кто едет по род-айлендскому шоссе номер 138 с запада, мост Верразано видится четырехполосным балочным сооружением весьма приятного – хотя и довольно рискованного – дизайна. Сезон активных поездок миновал, машин было немного, и Логан добавил немножко газу своему «Лотус Илан» 68-го года выпуска. Автомобиль послушно и без видимых усилий устремился вверх по въезду и дальше, по мостовому пролету. Внизу промелькнул узкий участок суши, а потом впереди показался другой мост: Клейборн-Пелл, намного более длинный и высокий. Неплохо разбираясь в строительных технологиях, Логан относился к висячим мостам с некоторой опаской, а потому слегка придавил педаль газа. Купе преодолело подъем, выскочило на вершину пролета, и все тревожные мысли о резонансных частотах вылетели у него из головы при виде открывшейся впереди и внизу картины.

Сияющий, подобно жемчужине под утренним осенним светом, перед ним, словно страна Оз в конце дороги из желтого кирпича, лежал Ньюпорт. Бухточки, марины, гавани, причалы и сверкающие здания, одетые в камень или обшитые выкрашенными белой краской досками и едва различимые издалека, растянулись вправо и влево. Ближе к мосту воду бороздили подгоняемые ветром одномачтовые яхты и швертботы под белыми тугими парусами. Картина эта никогда не приедалась, и Логан, въезжая в Род-Айленд, неизменно любовался ею.

Съехав с моста, он повернул вправо, на Фэйрвелл-стрит, пересек узкие, забитые машинами полосы старого даунтауна и наконец оказался на Мемориал-бульвар. Как и все туристы, Логан свернул сначала влево, потом вправо, на Беллвью. Но затем, вместо того чтобы взять курс на восток, в сторону Клифф-Уок с ее идеально ухоженными фасадами таких коттеджей, как «Марбл-хаус» или «Брейкерс», он направился на юг, а потом на запад, к Оушн-авеню. За окном промелькнули несколько маленьких пляжей, загородный клуб и ставшие уже привычными летние особняки. Проехав еще мили две, Логан сбросил скорость перед узкой мощеной улицей, уходившей на юг от главной транспортной артерии города и не имевшей иного наименования, кроме прикрученной к дорожному знаку таблички с надписью: «ЧАСТНОЕ

ВЛАДЕНИЕ». Останавливаться он не стал и ярдов через сто достиг высокой кирпичной стены, тянувшейся вдаль по обе стороны дороги, насколько хватало глаз. Впереди дорога упиралась в ворота и старомодное, с шиферной крышей строение, служившее контрольно-пропускным пунктом. Логан остановился и предъявил документы. Охранник быстро просмотрел их, кивнул и вернул гостю. Решетка ворот поднялась. Логан помахал охраннику и проехал.

Узкая, петляющая дорога пролегала через небольшую рощицу с двумя следующими один за другим подъемами и спусками. Логан еще раз повернул и остановился, впервые за последние десять лет увидев «Люкс».

Сейчас тот выглядел даже больше, чем ему помнилось. Песочного цвета строение, напоминающее увеличенную копию английского Небуорт-хаус, простиралось, казалось, на многие мили и в самом конце разделялось на два крыла, Восточное и Западное. Оно напоминало Логану страну Оз – причудливое смешение стилей, якобинского, палладианского и высокой готики, мигающие под солнцем окна из освинцованного стекла. Лишь темные жилы расползшегося по фасаду плюща, бдительно-настороженного, словно насупленного, фронтоны и башенки, да разбежавшиеся по крыше и будто приготовившиеся к сражению низкие зубцы придавали всему сооружению несколько зловещий облик. Впрочем, нет, не зловещий – это слово было бы слишком сильным, – но тревожащий, внушающий беспокойство. Такое определение пришло на ум при первом взгляде, и теперь Логан снова к нему вернулся. Высокая кирпичная стена, за которой он оказался, тянулась вдаль и то сбегала вниз, то карабкалась вверх, следуя капризам травянистого ландшафта, но в самом конце натыкалась на крутые, суровые, вознесшиеся над Атлантикой скалы. По бокам от главного здания разместились, словно разбросанные в беспорядке, еще с десяток строений, различных как по форме, так и по размеру: электростанция, оранжерея, склад и еще несколько сооружений без окон – Логан знал, что в них располагаются лаборатории. Все вместе они образовывали небольшой городок наподобие университетского кампуса, занимавший территорию около сотни акров.

Ученый неторопливо проехал к парковочной площадке на ближней стороне Восточного крыла. Передний вход, обрамленный четырьмя массивными соломоновыми колоннами, поддерживавшими мраморный фронтон, был излишне величественен, чтобы служить чем-то иным, кроме как украшением. Логан вышел из машины и направился по короткой дорожке, с обеих сторон обсаженной деревьями, к двойным дверям. И только здесь привинченная к фасаду потемневшая от времени и стихий бронзовая табличка извещала посетителя, что ему дозволено лицезреть «ЛЮКС».

Сбоку от двери имелось несколько устройств: цифровая панель, интерком с зуммером и еще один гаджет, назначение которого Логан установить не смог. Отпечатанное на принтере и прилепленное поверх всех этих технических штуковин бумажное объявление гласило:

ЖИЛЬЦЫ И ГОСТИ,

ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ КЛАВИАТУРОЙ

Поскольку к Логану это не относилось – был еще полдень, – он нажал кнопку звонка.

Через секунду из динамика донесся скрипучий женский голос:

– Да?

– Доктор Джереми Логан, – сказал он, наклоняясь к микрофону.

Ответ пришел с небольшой задержкой.

– Пожалуйста, входите.

В интеркоме зажужжало; двери распахнулись, и Логан вошел в длинный и широкий коридор, знакомый по прошлым посещениям и недвусмысленно оповещающий о двойном назначении громадного здания. Отделанные элегантным, почти вычурным молдингом, стены и потолок вполне могли отражать вкусовые предпочтения какого-нибудь «барона-разбойника» прошлого века, однако заваленные книгами столы, затоптанная ковровая дорожка, таблички на дверях и бросающиеся в глаза красные указатели запасных выходов намекали на нечто совершенно иное.

Пройдя с десяток ярдов по коридору, Логан повернул к двери с табличкой «ПРИЕМНАЯ». В комнате звонили телефоны, пальцы деловито щелкали кнопками клавиатур, однако ученый моментально распознал растворенное в воздухе непривычное, приглушенное ощущение, отчетливо пробивавшееся сквозь нормальный, профессиональный тон занятого работой офиса.

Сидевшая за длинным письменным столом женщина подняла голову и вопросительно посмотрела на него.

– Доктор Логан?

– Совершенно верно.

– Я предупредила директора. Он сейчас спустится.

Логан кивнул.

– Спасибо.

Он посмотрел на обтянутые кожей кресла и диванчики, дополнявшие обстановку приемной, и уже собирался сесть, когда в дверном проеме образовалась знакомая фигура. Грегори Олафсон, конечно, постарел – некогда густые черные волосы были теперь белее снега, морщинки у глаз, проступавшие, только когда он смеялся, врезались в кожу глубокими бороздками, – но не печать возраста, а нечто иное лежало на его лице. Увидев гостя, Олафсон улыбнулся, однако улыбка, едва появившись, тут же погасла.

– Джереми. – Он шагнул к Логану, протягивая руку. – Рад снова тебя видеть.

– Здравствуй, Грегори.

– Понимаю, ты, должно быть, спрашиваешь себя, что это все значит. Идем – я объясню в кабинете.

Он повернулся и вышел из приемной. Логан последовал за ним.

3

Кабинет Олафсона остался таким, каким и помнил его Логан. Темные, в эдвардианском стиле, деревянные панели, начищенные до блеска латунные ручки, сохранившиеся с незапамятных времен и изображавшие непонятно что картины на стенах – Олафсон предпочитал абстрактный экспрессионизм. Занимавшие одну стену высокие, с прочными рамами окна открывали вид на ухоженный ландшафт: зеленую лужайку, спускающуюся к скалистому обрыву над бурливым океаном. Тяжелые, с освинцованным стеклом, рамы были слегка подняты, и Логан слышал далекий шум бьющихся о берег волн и ощущал солоноватый запах моря.

Директор предложил гостю кресло и сам опустился в соседнее.

– Спасибо, что приехал так быстро.

– Ты сказал, что дело срочное.

– Таковым я его и считаю. Но почему… тут есть определенные затруднения. Это… – Олафсон на секунду замялся. – Это по твоей части. Вот я и решил, пока ты не занят, воспользоваться твоими услугами.

В комнате стало тихо, несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга.

– Прежде чем сказать что-то еще, – продолжил наконец Олафсон, – мне нужно быть уверенным, что на твою оценку не повлияют ни

предубеждения, ни недоброжелательность, которые могли возникнуть вследствие… э… наших прошлых разногласий.

За этим вступлением последовала еще одна пауза. Сидя в кресле, Логан задумчиво смотрел на директора «Люкса». Последний раз они с Олафсоном разговаривали лет десять назад, и тогда он сидел в этом же самом кресле. И время года было то же. И даже выражение лица у его собеседника – взволнованное, нетерпеливое. Продравшись через завесу времени и памяти, пришли обрывки тогдашней короткой речи Олафсона: «*Некоторые наши сотрудники больше озабочены… восприняли недостаток академической строгости… на первом месте должно стоять благо старейшего и самого престижного политического института нации…*»

Логан сел поудобнее.

– С этим проблем не будет.

Директор кивнул.

– Я могу положиться на твою полнейшую осмотрительность? Многое из того, что ты услышишь, является секретом даже для факультета, стипендиатов и штатных работников.

– Осмотрительность и осторожность – часть моей работы. Не стоило и спрашивать.

– В том-то и дело, что я обязан это сделать. Ладно, спасибо. – Олафсон бросил взгляд в окно и снова повернулся к гостю. – Помнишь доктора Стрейчи?

Логан на секунду задумался.

– Ты имеешь в виду Уилларда Стрейчи?

Олафсон кивнул.

– Он ведь занимается компьютерами, так?

– Верно. Некоторое время назад Стрейчи оказался в центре… э… весьма трагического происшествия, произошедшего здесь, в «Люксе».

Так вот откуда это непонятное ощущение напряженности, подумал Логан, вспомнив свое недолгое пребывание в приемной.

– Рассказывай.

Прежде чем продолжить, директор снова посмотрел в окно.

– Последние пару недель Стрейчи был сам не свой.

– А конкретнее? – спросил Логан.

– Беспокойный. По-видимому, не спал или сильно недосыпал. Раздраженный, что, если помнишь, совершенно ему несвойственно. И еще… – Олафсон снова замялся. – Начал разговаривать сам с собой.

– Неужели?

– Так мне докладывали. Разговаривал негромко, бормотал что-то под нос, но подолгу и временами весьма оживленно. А три дня назад у него вдруг случился нервный срыв.

– Продолжай.

– Потом вспылил, начал нападать на свою ассистентку. – Олафсон нервно сглотнул. – Какая у нас здесь служба безопасности, ты и сам знаешь – можно сказать, одно название, и регулировать такого рода… проявления мы не в состоянии. Кое-как удержали, изолировали в гостевой библиотеке на первом этаже, а потом позвонили девять-один-один.

Логан молчал, ожидая продолжения, но Олафсон поднялся, подошел к стене и отвел в сторону декоративную занавеску, скрывавшую проекционный экран. Потом он выдвинул ящик в той же стене, достал цифровой проектор, подключил к сети и направил на экран.

– Нам обоим – и тебе, и уж точно мне – будет легче, если ты увидишь все сам. – Директор шагнул к стене, щелкнул выключателем и включил проектор.

Некоторое время экран оставался темным. Потом по нему пробежали какие-то цифры. И лишь затем появилась «картинка», черно-белое, немного зернистое при данном уровне увеличения изображение: сигнал поступал с камеры системы видеонаблюдения. По нижнему краю рамки поползла отметка времени и даты. Помещение Логан узнал сразу. Это была, как и сказал Олафсон, гостевая библиотека «Люкса»: роскошно обставленная комната с изысканными канделябрами и кессонным потолком. Три стены были заставлены книгами, четвертая отдана нескольким высоким окнам с такими же, как в директорском кабинете, тяжелыми рамами. Повсюду в этом просторном помещении стояли кресла, оттоманки и банкетки. Библиотека не предназначалась для работы – настоящая, рабочая, находилась где-то в другом месте, и книгами была укомплектована гораздо полнее, поскольку ее создали с иной целью: производить впечатление на гостей и потенциальных клиентов.

В какой-то момент в поле зрения установленной где-то вверху камеры видеонаблюдения появился человек, который расхаживал взад-вперед по дорогому ковру и явно пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Он то рвал на себе одежду, то дергал себя за волосы. Присмотревшись,

Логан узнал доктора Стрейчи, изрядно постаревшего и выглядевшего лет на шестьдесят – шестьдесят пять. То и дело ученый останавливался и наклонялся вперед, зажимая ладонями уши и как будто пытаясь блокировать некий невыносимый звук.

– Мы поместили его туда, – объяснил Олафсон, – чтобы не навредил ни себе, ни кому-либо еще до прибытия помощи.

Тем временем на экране Стрейчи подошел к двери и принялся дергать ее, что-то при этом выкрикивая.

– Что он говорит? – спросил Логан.

Олафсон покачал головой.

– Не знаю. Боюсь, какой-то бред. Качество аудиозаписи очень низкое, встроенный микрофон имеют лишь немногие камеры видеонаблюдения.

Между тем Стрейчи не только не успокаивался, но и наоборот, возбуждался все сильнее. Он стучал по стенам, выдергивал с полок и швырял через комнату книги. Снова и снова ученый останавливался, затыкал пальцами уши и мотал головой, как поймавший крысу пес. Потом подошел к окну и принялся колотить по нему кулаками, но разбить освинцованное стекло оказалось не так-то просто. Потерпев неудачу, Стрейчи заметался, как слепой, по библиотеке, шатаясь, размахивая руками, натыкаясь на стены и переворачивая столы. В какой-то момент он оказался недалеко от камеры, и голос его стал яснее, но потом Стрейчи отвернулся, отдуваясь и оглядываясь по сторонам. И вдруг затих.

Краем глаза Логан заметил, что Олафсон перестал смотреть на экран.

– Должен предупредить, Джереми, эта часть чрезвычайно неприятная.

Человек на экране снова направился к окнам. Сначала медленно, потом быстрее, решительнее. Подойдя к ближайшему, он попытался поднять раму, но та сдвинулась лишь на несколько дюймов.

Стрейчи перешел к соседнему окну и принялся дергать раму вверх, но и здесь его успех измерялся парой дюймов. Старомодные, с металлическим кантом, рамы были очень тяжелы; кроме того, их десятилетия не чистили и не смазывали.

С третьим окном узнику повезло больше – уже со второй попытки рама поддалась и сравнительно легко пошла вверх. Сначала Стрейчи толкал ее обеими руками, потом приспособился делать это плечом. Логан даже расслышал, как он сопит от натуги. Старания наконец увенчались

успехом, и рама поднялась на максимальную высоту: почти на пять футов от подоконника.

Сетки на окне не было, поскольку библиотека находилась на первом этаже, и теперь ученому открылся путь к свободе. Оставалось только сделать еще один шаг. «Так в чем же здесь трагедия? – подумал Логан. – Ну поехала крыша у одного ученого, и что?»

Стрейчи, однако, выпрыгивать из окна не стал, но наклонился, протянул руку к правому краю и как будто нащупал что-то в пазе. Цепь, понял вдруг Логан и, заинтригованный, даже подался вперед. Держа цепь в одной руке, другой Стрейчи совершал какие-то манипуляции с неким предметом, который оставался скрытым от камеры наблюдения.

Потом он поднял руку, и Логан увидел в ней железный противовес, штуковину около десяти дюймов в длину и, по-видимому, довольно тяжелую. Отсоединив противовес от цепи, Стрейчи бросил его на пол. Теперь рама оставалась в поднятом положении лишь потому, что ученый удерживал цепь.

Логан вдруг поежился, словно его коснулось леденящее дыхание страха.

Не выпуская цепь, Стрейчи опустился на колени перед окном и положил голову на подоконник. Логан замер, не отрывая взгляд от экрана и слыша хриплое, прерывистое дыхание.

А потом Стрейчи выпустил цепь из пальцев… С резким пронзительным скрипом, напоминающим гудок поезда, тяжелая металлическая рама ухнула вниз. И даже грохот от удара не заглушил жуткий треск кости. Тело несчастного дернулось, словно от прикосновения оголенного электрического провода. Логан торопливо отвернулся, но еще раньше отрубленная голова улетела в цветочную клумбу под окном библиотеки, а бесстрастный глаз камеры наблюдения зафиксировал густой поток черной крови.

4

По меньшей мере с минуту мужчины оставались на месте. Потом директор включил свет, убрал в ящик проектор, завесил шторой экран и вернулся к своему креслу.

– Боже мой, – пробормотал Логан.

– Мы, разумеется, не могли скрыть факт самоубийства Стрейчи, – вздохнул Олафсон, – но по понятным причинам постарались свести к минимуму детали происшествия. Тем не менее какая-то информация просочилась… ходят слухи… – Он посмотрел на Логана. – Должен спросить, у тебя уже есть какие-то мысли?

– Боже мой, – повторил Логан.

Увиденное потрясло его. Он пытался вызвать из памяти образ Уилларда Стрейчи, сохранившийся с тех времен, когда они вместе работали в «Люксе», но каждый раз видел тихого, немного стеснительного мужчину с жидкими, мышиного цвета волосами. При встречах они обменивались ничего не значащими улыбками, кивали друг другу, однако никогда не разговаривали.

Стараясь отойти от шока, Логан повернулся к Олафсону.

– Думаю, – медленно начал он, – покончить с собой таким способом может только тот, кто совершенно не в состоянии прожить хотя бы еще одну минуту. Он не мог ждать, когда получит доступ к таблеткам, оружию, автомобилю или сумеет забраться на крышу. Ему требовалось умереть. Срочно. Не откладывая.

Директор кивнул и подался вперед.

– Я не занимаюсь повседневными делами «Люкса» – эта обязанность возложена на Перри Мейнарда. Но я знаю Уилла Стрейчи более тридцати лет. Человек психически стабильный, сдержанный, в высшей степени благоразумный. Ко всему прочему, был одним из моих лучших друзей и шафером на моей свадьбе. Чтобы Уилл напал на кого-то… такое невозможно. И он никогда бы – *никогда* – не совершил самоубийство. Тем более таким ужасным образом. Его всегда отталкивало уродство, он избегал любого рода сцен. Поступок, свидетелями которого мы были, глубоко противен самой его натуре.

Олафсон наклонился еще ниже.

– Власти, разумеется, просто зафиксировали самоубийство, и на этом все закончилось. Они вообще весьма туманно представляют, что такое политические институты и кто в них работает. А полицейский психиатр, насколько я помню, отделался такой отпиской: «Короткий реактивный психоз, вызванный состоянием фуги». – Он горько усмехнулся. – Но я же понимаю, что это не так. И я понимаю кое-что еще: *человек на видео – не тот, кого я знал*. Вот так. Все просто – и все сложно. Поэтому мы и пригласили тебя.

– Не вполне мое направление, – сказал Логан. – Я – энигматолог, а не частный детектив.

– А разве здесь не энигма? – спросил Олафсон, и голос его задрожал от сдерживаемых чувств. – Я ведь только что сказал: человек на видео – не Уиллард Стрейчи. Уилл никогда бы так не поступил. И тем не менее налицо факт, отрицать который невозможно: он покончил с собой. Ты

это видел. А я видел еще и тело. – Директор перевел дух и провел ладонью по лбу. – Нужно выяснить, что с ним случилось. И нужно это не мне, а «Люксу».

– Ты говоришь, что он был одним из лучших твоих друзей. Его что-нибудь беспокоило? В личной жизни? На работе?

– В последние год-два я видел Уилларда не так часто, как хотелось бы. – Олафсон махнул рукой в сторону заваленного бумагами стола. – Но, уверен, его ничто не беспокоило. Он не был женат, жил один, и такая жизнь вполне его устраивала. В финансовом плане был независим. Со здоровьем никаких проблем; весь здешний персонал проходит ежегодный медосмотр, и последний, два месяца назад, ничего не выявил – я сам проверял. Насколько мне известно, Уилл собирался уходить; однако об этом лучше поговорить с его ассистенткой Ким или же доктором Мейнардом. Но уверяю тебя, перспектива отставки ничуть его не пугала. В «Люксе» он был полным стипендиатом и внес огромный вклад в исследования, область которых сам же и выбрал. Ему было чем гордиться и ради чего жить. Когда мы обедали в последний раз, Уиллард много говорил о том, чем ему не терпится заняться в отставке. Он планировал тур по соборам Европы – увлекался архитектурой и архитектурным дизайном, много читал по этому предмету. Думал вернуться к музыке… Ты, наверное, не знал, что он был талантливым пианистом и получил классическое музыкальное образование? Долгое время, год за годом, ему приходилось отказываться от серьезной практики из-за занятости на работе. А еще Уиллард мечтал поплавать по Средиземному морю – он был неплохим моряком. Так что у него имелось все, ради чего стоит жить. *Всё*.

Почти минуту в кабинете стояла тишина. Потом Логан кивнул.

– Я согласен. Но только при одном условии. Мне понадобится полный, неограниченный допуск ко всем офисам, лабораториям и архивам «Люкса».

– Хорошо, – после секундной, почти незаметной паузы сказал директор.

– Мне нужно как-то представляться? Объяснять причину, почему я нахожусь здесь, что выискиваю и высматриваю, с какой стати задаю вопросы? Как-никак у меня ведь с «Люксом», скажем так, своя история, и ее надо принимать во внимание.

Олафсон огорченно поморщился.

– Я уже думал об этом. Многие из тех, кого ты знал десять лет назад, до сих пор работают здесь. Ты, конечно, за эти годы стал личностью весьма известной. Но, поскольку тебе потребуется свобода действий, я не вижу оснований ни скромничать, ни маскироваться, ни вводить людей в

заблуждение. Ты здесь по приглашению совета директоров, и твоя задача – изучить обстоятельства смерти доктора Стрейчи. Вот так. А уточнять я не собираюсь.

– Очень хорошо. Прежде чем приступлю к делу, надо ли мне знать что-то еще?

– Да. – Директор на секунду задумался. – Чтобы не было недосказанностей, хочу сразу предупредить: не все здесь будут рады тебя видеть. Я имею в виду не только твою, как ты выразился, историю с «Люксом». После тебя в организацию влилось много свежей крови, но по сути «Люкс» остался местом очень консервативным. Ты встретишь людей, которые будут сомневаться в твоих мотивах, людей, которые будут относиться к тебе с недоверием. Скажу больше, при обсуждении вопроса о твоем приглашении совет директоров разделился пополам, три на три. Так что для принятия решения голосовать пришлось мне.

Логан немного устало улыбнулся.

– К этому я привык. Похоже, такое уж невезучее место.

– Ты ведь все еще работаешь в Йеле, верно?

– Верно.

– Что ж, это обстоятельство может сыграть в нашу пользу. – Олафсон поднялся. – Идем – оформим все по правилам.

5

В половине пятого того же дня Логан стоял в своем кабинете на третьем этаже и задумчиво смотрел в окно. Окно было той же, что и в гостевой библиотеке, конструкции – тяжелое, с освинцованным стеклом и облицованное металлом, и Логан знал, что уже никогда больше не посмотрит на него так, как прежде. Сейчас оно было закрыто, но ученый все равно слышал глухой рокот Атлантики, бросающей волны на скалистый берег.

Логан поднял руку и провел пальцами по оконной раме. История «Люкса» началась с частного клуба, основанного в начале 1800-х шестью профессорами Гарварда для обсуждения вопросов искусства и философии. С годами амбиции и возможности заведения росли, цели расширялись, и в 1892-м клуб был реорганизован в «Люкс»; в нем появился свой устав, а финансовое положение укрепилось за счет щедрых пожертвований. Старейший в стране институт политических исследований – «мозговой центр» для непосвященных – более чем на два десятилетия опередил Институт Брукингса. В первые годы существования ему сопутствовал беспрецедентный успех. В условиях быстрого роста прежние помещения уже не соответствовали новым

требованиям, и «Люкс» перебазировался из Кембриджа сначала в Бостон, а потом, в начале 1920-х, в Ньюпорт, где у наследников одного эксцентричного миллионера был куплен особняк, известный как «Темные фронтоны». В последующие годы институт продолжал благоденствовать, проводя исследования в таких областях, как экономика, политика, прикладная математика, физика, а в последнее время и компьютерная наука. Единственной запретной темой – и это оговаривалось в уставе организации – являлись исследования, результаты которых могли быть в той или иной форме использованы в военных целях. Этим «Люкс» отличался от других «мозговых центров», которые с готовностью принимали прибыльные заказы на проведение соответствующих работ.

Логан отступил от окна и оглядел предоставленный в его распоряжение офис. Как и повсюду в здании, все здесь было пышное, богатое, изысканное. Помимо рабочего кабинета ученый мог пользоваться небольшой гостиной, спальней и ванной. Взгляд Логана остановился на письменном столе. Он уже разложил кое-что из своего обычного оборудования: ноутбук, камкордер, цифровой диктофон, детектор электромагнитного излучения, инфракрасный термометр и с десяток книг, в том числе и старинных, в кожаных переплетах.

В дверь осторожно постучали. Логан открыл – за порогом мялся парень в невыразительном деловом костюме.

– Извините. – Он протянул запечатанную папку с надписью: «ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». – Доктор Олафсон просил передать лично вам в руки.

– Спасибо, – кивнул Логан.

Парень повернулся и зашагал по коридору, застеленному дорогой ковровой дорожкой. Логан толкнул плечом дверь и распечатал папку. В ней оказался один-единственный, неподписанный DVD-диск.

Энигматолог вернулся к столу, сел, включил ноутбук, подождал, пока тот загрузится, и вставил диск. Через пару секунд на экране открылось окошко медиаплеера. Воспроизведение началось автоматически. Логан сразу понял, что перед ним та самая, черно-белая и не лучшего качества, запись с камеры наблюдения, которую он смотрел в кабинете директора: роскошная библиотека и человек, расхаживающий туда-сюда и дергающий себя за волосы.

Логан щелкнул кнопкой «пауза». Смотреть это еще раз не хотелось. Глядя на застывшего на экране Стрейчи, он вспомнил слова Олафсона: *«…я знаю Уилла Стрейчи более тридцати лет. Человек психически стабильный, сдержанный, в высшей степени благоразумный …у него*

было все, ради чего стоит жить ...человек на видео – не тот, кого я знал».

Логан закрыл окошко плеера и открыл утилиту для извлечения аудиодорожки из DVD. Потом открыл полученный файл с помощью специальной программы аудиоредактора и прослушал его целиком. Запись продолжалась четыре минуты и двадцать секунд. После первого прослушивания Логан стер последние тридцать секунд: визг падающей оконной рамы, тошнотворный хруст костей и два последовавших за этим глухих удара – слушать это было почти так же невыносимо, как и видеть воочию.

Теперь Логан прослушал аудиофайл еще раз. Первые сорок пять секунд занимали тяжелые шаги и хриплое дыхание. Эту часть он тоже стер. Оставшаяся, примерно трехминутная запись плохого качества содержала бормотание, шипение и цифровые артефакты.

В главном окне редактора аудиодорожка была представлена волновой формой: растянувшаяся слева направо жирная, рваная линия, нашпигованная острыми, похожими на иголки шипами. Логан открыл окно поменьше и выбрал функцию спектрального анализа аудиофайла. Некоторое время он смотрел на дисплей, изучая и подстраивая амплитуды и частоты. Потом, передвигая ползунки, прошелся по файлу шумоподавителем. И затем, усилив сигнал, провел файл через параметрический эквалайзер, совмещенный с фильтром высоких частот.

Теперь, очищенный от большей части посторонних шумов, файл звучал громче и яснее. Логан уже различал голос Стрейчи, но понять, что говорит ученый, все еще было трудно – отчасти по причине плохого качества записи и отчасти из-за того, что Стрейчи то вздыхал, то бурчал. Тем не менее Логан приложил максимум усилий для расшифровки, снова и снова проигрывая трудные куски, снова и снова вслушиваясь в невнятное бормотание. По мере возможности он старался поставить себя на место Стрейчи, представить, что тот мог чувствовать, и затем интерполировать результаты.

– Нет... Нет. Я не могу. Не могу.

Дальше – учащенное дыхание.

– Помогите. Пожалуйста, помогите мне. Оно следует за мной повсюду. Повсюду. Я не могу... не могу от него спастись!

Логан услышал, как Стрейчи дергает дверную ручку, сбрасывает с полок книги.

– Оно идет из... (неразборчиво). Я знаю... знаю...

Что-то загремело... перевернутый стол. Голос ненадолго зазвучал яснее.

– Голоса… слишком близко. Они словно яд. Надо уйти.

Стрейчи снова удалился от камеры, и голос стал доноситься издалека.

– Оно со мною. Они со мною. В темноте. Нет, господи, нет…

И вот… Внезапно дрожь, волнение ушли. Дыхание замедлилось, сделалось почти спокойным. Логан остановил запись; он знал, что будет дальше.

Сохранив расшифровку в виде текстового файла, Логан закрыл ноутбук, поднялся и подошел к окну с видом на угрюмо-серую Атлантику. Расшифровывая запись, он попытался поставить себя на место Стрейчи, но теперь уже жалел об этом. Там не было ничего, кроме необъяснимого, внезапного безумия. Безумия и смерти.

Они со мною. В темноте.

Солнце заливало зеленую лужайку, убегавшую от особняка к морю. В обшитом дубовыми панелями кабинете было тепло, но Логан невольно поежился, словно ощутив пробежавший по спине озноб.

6

В половине восьмого Логан вышел из офиса, спустился по широкой центральной лестнице и вошел в главную столовую. Ставшие для «Люкса» домом, «Темные фронтоны» являлись продуктом лихорадочного воображения Эдуарда Делаво. Во время строительства чудаковатый миллионер-затворник купил старинный французский монастырь, разобрал его камень за камнем и, перевезя в Род-Айленд, встроил в свой особняк. В бывшем монастыре нынешняя столовая служила трапезной. Просторное готическое помещение, с солидными деревянными балками, образующими сводчатый потолок, и декоративными арками, выстроившимися вдоль обитых гобеленами стен. Иллюзию нарушали две стоящие одна против другой соломоновы колонны с витой мозаикой – двойники тех, что стояли у главного входа. Служившие изначально опорами, такие колонны, хотя и разных размеров, встречались в «Люксе» повсюду.

Задержавшись на мгновение у входа, Логан скользнул взглядом по столам, обедающим за ними людям и официантам в смокингах, деловито снующим там и сям. Несколько лиц показались ему смутно знакомыми, но куда больше было тех, кого он не знал. Одинаковые, круглые, рассчитанные на шесть мест столы были накрыты белыми льняными скатертями.

Один из ближайших к двери столов оказался занят ровно наполовину. Двое, мужчина и женщина, уже сидели, а третий – на виртуальное присутствие которого указывало присутствие прибора, – скорее всего,

временно отлучился. В мужчине Логан узнал Джонатана Кинга, специалиста по теории игр. Во времена работы Логана в «Люксе» каких-либо близких отношений они не поддерживали, но Кинг всегда казался доброжелательным. Направившись к столу, энигматолог моментально привлек к себе внимание, к которому уже давно привык, поскольку его фотографии довольно часто появлялись на обложках различных журналов.

Кинг тоже поднял голову, но узнал бывшего коллегу не сразу, а когда узнал, расплылся в улыбке.

– Джереми! – Он поднялся из-за стола и протянул руку. – Какой сюрприз… Рад тебя видеть.

– Привет, Джонатан. Не против, если я составлю компанию?

– Конечно, присоединяйся. – Кинг повернулся к сидящей рядом женщине. На вид ей было лет тридцать – черные, сияющие волосы, пытливые глаза. – Познакомься – Зои Демпстер. Поступила в «Люкс» шесть месяцев назад, младший стипендиат. Специалист по многовариантным исчислениям.

В «Люксе», как и в других подобного рода учреждениях, людей представляли не только по имени – к последнему автоматически добавлялась специальность.

– Здравствуйте, – с улыбкой сказал он.

– Здравствуйте. – Демпстер нахмурилась. – Мы уже встречались?

– Это Джереми Логан, – объяснил Кинг.

Секунду-другую она еще смотрела на него из-под сдвинутых бровей, а потом лицо осветилось, словно над головой вспыхнула электрическая лампочка.

– О… Вы – тот… – Она осеклась.

– Все правильно, охотник за привидениями, – подтвердил Логан.

Демпстер рассмеялась – как показалось, с некоторым облегчением.

– Это не я – вы сами так сказали.

Краем глаза Логан заметил Олафсона. Тот сидел в дальнем конце столовой вместе с вице-директором, Перри Мейнардом, и еще несколькими коллегами. Поймав взгляд Логана, Олафсон кивнул.

– Джереми работал здесь одно время, – тактично сказал Кинг. – Лет, наверное… Сколько прошло, Джереми?

– Почти десять лет.

– Десять лет… Даже не верится. – Кинг покачал головой. – Будешь заниматься какими-то исследованиями?

Логан видел, с каким любопытством эти двое смотрят на него. Им, конечно, хотелось знать, чем вызвано его присутствие здесь. Он еще раздумывал, как бы получше ответить, когда к столу вернулся и сел на свое место мужчина лет пятидесяти, с коротко постриженными, черными с проседью волосами и красивой, ухоженной бородкой, гордиться которой мог бы и сам Зигмунд Фрейд. Поставив рядом с тарелкой полную чашку черного кофе, он поднял голову и с выражением театрального удивления воззрился на Логана.

– Ну и ну, – промолвил он. – А я как раз спрашивал себя, уж не пора ли тебе объявиться.

– Привет, Роджер, – сказал Логан.

– И тебе того же, – густой и мягкий английский акцент придавал всему произнесенному Роджером Карбоном некое особенное, слегка высокомерное звучание. Он повернулся к остальным. – Джонатан, ты, несомненно, помнишь Джереми Логана. А вот вы, Зои, разумеется, нет. Хотя и могли видеть его по телевизору. Как раз прошлым вечером я обнаружил его на Си-эн-эн. *Никакой Несси не существует*. Забавно.

Логан только кивнул. Все то время, что он работал в «Люксе», Роджер Карбон, специалист в области эволюционной психологии, оставался его заклятым врагом, поскольку изучение необъяснимых загадок и сверхъестественных феноменов считал занятием недостойным почтенного института и рассчитанным единственно на сенсацию. Он также принадлежал к немногочисленной группе, добившейся в конце концов того, что Логана попросили уйти.

Незаметно подошедший к столу официант предложил листок с распечатанным меню. Логан быстро пробежал его глазами, отметил выбранные блюда и вернул листок официанту, который мгновенно исчез.

– Должен сказать, описывая *modus operandi*[2], ты был весьма убедителен, – беззаботно продолжал Карбон. – У тебя ведь даже название есть для этой твоей… э… дисциплины, не так ли?

– Энигмалогия.

– Вот-вот. Энигмалогия. Если я правильно помню, в период работы в «Люксе» у тебя даже этого не было.

– За десять лет много чего может случиться, – ответил Логан, игнорируя насмешливый тон Карбона.

– Да уж конечно. Следует ли понимать это так, что ты кодифицировал сие новое поле научного исследования? Систематизировал? Определил принципы? Можем ли мы ожидать скорого появления учебника? Наверное, «Основы привидениелогии»? Или нет – «Привидения для “чайников”»?

– Роджер, – предостерег Джонатан Кинг.

– Я освоил несколько сильных древних проклятий, – старательно сохраняя небрежный тон, заметил Логан. – На сегодня у меня специальное предложение: наложение порчи на двоих по цене одного.

Демпстер сдавленно фыркнула и торопливо прикрыла ладонью рот. Кинг улыбнулся. Карбон отпил кофе и сделал вид, что пропустил выпад мимо ушей.

– Ты ведь здесь из-за Стрейчи, так? – спросил он, меняя тему.

– Более или менее.

– Ну так поделись деталями!

– Как-нибудь в другой раз. Могу лишь сказать, что совет директоров обратился ко мне с просьбой расследовать обстоятельства и природу его смерти.

– Природу его смерти… Никто об этом особенно не распространяется, но дело, говорят, жуткое. – Карбон пристально посмотрел на него. – Это правда, что голову бедняги нашли в розовом кусте?

– Не могу сказать, – ответил Логан.

– Скажи хотя бы, с чего собираешься начать.

– Я уже начал.

Секунду-другую Карбон переваривал ответ, подтекст которого явно пришелся ему не по вкусу.

Официант принес первое блюдо: салат фризе с беконом и яйцо-пашот.

– Вообще-то, я думал заглянуть вначале к Перри Мейнарду.

– А… Что ж, в таком случае не забудь спросить его о других.

Логан замер, не успев даже взять вилку.

– О других?

– О других. – Карбон допил кофе, аккуратно промокнул губы льняной салфеткой, улыбнулся Кингу, подмигнул Зои Демпстер, поднялся и, не произнеся больше ни слова, вышел из-за стола.

7

Офис вице-директора Перри Мейнарда оказался вдвое больше директорского. И хотя в нем, разумеется, ощущался тот же эдвардианский дух, выглядел он совершенно иначе, нежели кабинет Олафсона. Разместился офис на четвертом этаже, под массивной, с выступающим карнизом крышей. Окна смотрели на север, открывая вид не на скалистое, угрюмое побережье, а на широкую лужайку. Внушительный письменный стол с минимумом бумаг, комплект пинговских клюшек, с расчетливой небрежностью брошенных в углу, и фотографии спортивной тематики на стенах – казалось, кабинет принадлежит исполнительному директору какой-нибудь корпорации. Ничего удивительного в этом, в общем-то, не было – до назначения на должность вице-директора Мейнард занимался макроэкономикой. Сотрудники «Люкса», как давно заметил Логан, разделялись на два основных типа. Представители первого, академического, предпочитали белые халаты и слегка мятые блейзеры и постоянно пребывали в состоянии озабоченности и погруженности в проводимые исследования. Относившиеся ко второму, корпоративному, типу обычно специализировались в области индустриальной психологии или делового администрирования, носили темные элегантные костюмы и, как правило, демонстрировали уверенность и суперкомпетентность.

В святая святых вице-директора Логана допустили, предварительно проведя через приемную, в десять часов утра следующего дня.

– А, Джереми. – Мейнард вышел из-за стола и, здороваясь, сжал руку Логана так, словно проверял его кости на прочность. – Я тебя ждал. Садись.

Махнув в сторону пары кожаных кресел, вице-директор вернулся за стол. Садиться рядом с гостем он в отличие от Олафсона не стал.

– Поздравляю с повышением, – сказал Логан.

Мейнард снова махнул рукой, на этот раз пренебрежительно. Русоволосый, подтянутый, спортивного сложения, он выглядел гораздо моложе своих пятидесяти лет.

– Предпочитаю считать себя директором-распорядителем. Знаешь, большинство наших стипендиатов сами себе голова. Каждый из них лучше кого-либо другого знает свою область исследования, свой маленький удел. Я – всего лишь администратор.

Такая самоуничижительная оценка собственной роли не обманула Логана. Пусть Мейнард и был лишь администратором, но он обладал огромной властью и мог воспользоваться ею в случае необходимости. Да, «Люкс» исполнял функции «мозгового центра», но оставался при этом частной корпорацией, для которой не на последнем месте стоял вопрос прибыли. Организация, конечно, получала солидные гранты, ей выдавались ежегодные поощрительные стипендии и выделялись фонды для проведения академических исследований в различных областях, но обеспечивалось это все только за счет постоянных доходов. Об этом редко говорилось, но каждый стипендиат знал: самое эффективное исследование – то, которое в конечном итоге находит практическое применение. Интересно, подумал Логан, был Мейнард одним из тех троих, кто голосовал за его приглашение сюда, или выступал против.

– Ты, конечно, хотел бы поговорить об Уилларде Стрейчи, – сказал Мейнард, устраиваясь в кресле.

Логан кивнул.

– Какая ужасная история. – Мейнард покачал головой. – Ужасная.

– Грегори сказал, что ты в курсе того, над чем Стрейчи работал в последнее время.

– Ммм… да. – Мейнард откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. – Ты, может быть, помнишь, что его специализацией были СУБД.

– СУБД?

– Да. Системы управления базами данных. Он добился больших успехов в совершенствовании модели реляционной базы данных, созданной Эдгаром Коддом и другими. «Параллакс», база данных самого Стрейчи, был одним из прорывных приложений начала восьмидесятых.

– Продолжай, – кивнул Логан.

– «Параллакс» – это администратор базы данных с встроенным языком программирования, разработанным самим Стрейчи. Стал своего рода легендой благодаря скорости, расширяемости и небольшому дисковому пространству – это не громадина наподобие, например, DB2. Был популярен с мини-компьютерами VAX, которыми в то время пользовались во многих кампусах. То есть лет тридцать тому назад, – Мейнард пожал плечами. – О том, как изменились с тех пор языки программирования, не стоит и говорить.

– И Стрейчи пришел к выводу, что лучшие годы остались позади. Ты это пытаешься сказать?

– Не думаю, что он представлял все именно так. Стрейчи очень гордился сделанной работой. А еще он был настоящим ученым академического типа: для него ценность исследования заключалась в самом факте научного поиска… – Мейнард помолчал, словно не зная, стоит ли продолжать. – Вообще-то, если хочешь знать, это у «Люкса» были с ним проблемы.

Логан нахмурился.

– Не понимаю.

– Как я уже сказал, программирование сильно изменилось. В наше время это объекты, наследование классов, скриптовые языки. Те самые новшества, которые обеспечили революционный прорыв «Параллакса» при его появлении, впоследствии затруднили его модернизацию. И, давай будем смотреть правде в лицо, «Параллакс» устраивал Стрейчи таким, каким был. Он просто продолжал совершенствовать свое детище, тогда как многие более крупные клиенты шли дальше.

– И их деньги уходили другим.

Мейнард болезненно поморщился, но кивнул, соглашаясь с собеседником.

– В любом случае Стрейчи был накрепко связан с «Люксом». Здесь он стал старшим стипендиатом. Здесь добился успехов, которыми мы все гордились. Хотя он вполне мог бы уйти в отставку с полным пансионом, мы были только рады, чтобы его работа по реляционной базе данных продолжалась. Но наверху решили, что такое исследование может рассматриваться только как побочное.

– Другими словами, как хобби, а не оплачиваемая работа.

– Платили ему как и прежде, но несколько месяцев назад мы поступили с Уиллардом так, как поступаем со всеми нашими стипендиатами, которые отходят от своего основного исследования. Мы нагрузили его еще и административными обязанностями, причем такими, которые могли принести «Люксу» непосредственную выгоду.

– Как поступают со штатным профессором, переводя его на должность помощника декана.

– Примерно так.

– Ты можешь сказать, в чем состояли эти административные обязанности? – спросил Логан.

– Предложение, вообще-то, исходило от Роджера Карбона. Уилларда назначили ответственным за реставрацию Западного крыла, которое, как ты, наверное, знаешь, не обновлялось целую вечность. Последние

несколько лет им фактически не пользовались. Дело не в том, что находиться там небезопасно, но оно определенно требует полного переоснащения и приведения в соответствие с требованиями двадцать первого века. Не мне тебе говорить, что потеря таких площадей сильно затруднила нашу работу, несмотря даже на расширение служебных построек. Так что восстановление Западного крыла стало для «Люкса» задачей первостепенной важности.

– Уиллард Стрейчи тоже считал это важным?

Мейнард пытливо посмотрел на Логана.

– Если ты думаешь, что Уиллу не нравилось это поручение или он рассматривал его как нечто недостойное, своего рода понижение, то ты сильно ошибаешься. Он знал, как работает «Люкс», и страстно увлекался архитектурой. У него появился шанс взять прекрасный архитектурный образчик конца девятнадцатого века и перепрофилировать его в современное и утилитарное пространство. Уилл не собирался пачкать руки, орудуя пневматическим молотком – он занимался проектированием функциональности, пытаясь сбалансировать практическое с эстетическим. Как бы выступал в роли домовладельца, объясняющего подрядчику, что он хочет получить, но, разумеется, при совсем другом порядке величин. С ним, конечно, работал архитектор – уточнял проекты, занимался инженерным обеспечением, – но идеи рождал Стрейчи. И, судя по всему, работа пришлась ему по душе. Я, естественно, виделся с ним не каждый день. Тебе надо поговорить с мисс Миколос.

– Кто такая?

– Ким Миколос, его ассистентка.

– Та самая, на которую он напал?

Короткая пауза.

– Да.

– Что ты можешь сказать о поведении Стрейчи в последние недели?

– Ко мне многие по этому поводу обращались. Вообще-то, я даже намеревался поговорить с ним… – Мейнард ссутулился, отвел взгляд в сторону. – Теперь уже поздно, и я никогда не узнаю, мог ли сделать что-то для него, как-то ему помочь.

– Ты упомянул, что он работал с архитектором…

– Да. Как оказалось, с правнучкой того самого архитектора, который и построил «Темные фронтоны». Ее зовут Памела Флад. Продолжает семейные традиции – у нее архитектурная фирма. Нам с нею повезло.

Логан взял его слова на заметку.

– Извини, Джереми. – Мейнард взглянул на часы. – Мне нужно на собрание. Позже с радостью отвечу на любые твои вопросы. – Он поднялся из-за стола.

– Если можно, еще один.

Мейнард остановился.

– Конечно.

– Вчера вечером, за обедом, доктор Карбон посоветовал мне спросить о «других».

Мейнард нахмурился.

– Он так сказал?

– Да. И предложил обратиться именно к тебе.

Мейнард медленно покачал головой.

– У Роджера особое чувство юмора – я никогда его не понимал. Может, и над тобою подшучивал – ты же знаешь, он твои исследования никогда всерьез не воспринимал.

– Знаю. Но что он имел в виду? Каких «других»?

Мейнард снова посмотрел на часы.

– Извини, Джереми, но я действительно никак не могу опоздать на это собрание. Пожалуйста, держи нас с Грегори в курсе. И, что бы ты ни делал, будь осмотрителен. Замарать репутацию такого почтенного учреждения, как «Люкс», очень легко. – Он улыбнулся и жестом предложил Логану выйти из кабинета первым.

8

Часом позже Логан, повесив на плечо холщовую сумку, шел по центральному коридору «Люкса». Коридор этот – шутники называли его Дамской дорожкой – сохранился в почти неизменном виде с той давней поры, когда особняк был частной резиденцией. Роскошь била в глаза: широкие полированные деревянные половицы; изящные стенные панели; кессонный потолок; позолоченные бра и огромные, написанные маслом портреты в золоченых рамах. Этот коридор являлся еще и самым длинным в особняке: проходя через все здание, он растянулся, по городским меркам, почти на три квартала, от Западного крыла до Восточного. И тем не менее при всем великолепии посетители видели его крайне редко. Отчасти потому, что третий этаж был отдан под частные офисы и апартаменты стипендиатов «мозгового центра».

Другой причиной могло стать данное коридору прозвище – у посторонних, чего доброго, возникли бы неуместные вопросы.

Даму, о которой шла речь, звали на самом деле Эрнестина Делаво, и она была женой первого хозяина «Темных фронтонов». Красивая, воспитанная, образованная, Эрнестина являла собой продукт одной из славнейших бостонских семей и лучших европейских пансионов благородных девиц. К несчастью, она обладала нервическим темпераментом и слабой конституцией. Смерть единственного сына от оспы оказалась для нее слишком сильным ударом. Слезы, проливавшиеся порой без какой-либо особенной на то причины, недостаток аппетита и бессонница стали ее постоянными спутниками. Доктора, призванные ее супругом Эдуардом – человеком весьма эксцентричным, в бессилии разводили руками и прописывали патентованные средства, назначаемые при излечении недуга, называемого ими неврастенией. Однажды ночью (шел 1898 год) Эрнестина Делаво увидела, или посчитала, что увидела, своего умершего сына – простирая к ней руки, мальчик стоял в конце этого самого коридора.

С того раза она каждую ночь бродила по коридору, неустанно призывая сына. Но больше несчастная женщина его не видела. В конце концов, через два года, бурным декабрьским вечером миссис Делаво вышла из особняка, добрела до моря и бросилась с обрыва в Атлантический океан.

Эдуард Делаво так и не оправился полностью от двойной утраты. Остаток жизни он провел в уединении, тратя силы и деньги на изыскание способа установки связи с ушедшими в мир иной супругой и сыном. Почти разорившись, вдовец умер в 1912 году. Заколоченный и необитаемый, особняк так и простоял до тех пор, пока «Люкс» не перебазировался из Бостона в Ньюпорт и не приобрел пустующее здание. Ходили, однако, слухи, что и после появления нового владельца дух Эрнестины Делаво появляется в особо бурные ночи и разгуливает по коридору с платком в руке, призывая сына по имени.

Логан ее не видел. И даже не встречал тех, кто видел. Но легенда не умирала.

Теперь он остановился перед массивной деревянной дверью с табличкой, на которой значилось следующее:

382

У. СТРЕЙЧИ

К. МИКОЛОС

Он постоял секунду-другую, потом постучал. Из-за двери тут же донесся женский голос:

– Войдите.

Логан вошел. Комната оказалась довольно маленькой и, судя по открытой двери в дальней стене, служила приемной. Та, что находилась за нею, была значительно больше. На книжных полках стояли технические журналы и учебники, теснились снабженные ярлычками рукописи; на единственном письменном столе лежали нотные листы и монографии. При этом, как ни странно, комната сохраняла вид скорее организованный, чем беспорядочный. Окон не было, как и фотографий или картин на стенах; их заменяли с полдюжины стеклянных рамок с бабочками – большими и маленькими, монохромными и радужными, как павлины.

За столом сидела женщина лет двадцати пяти или двадцати шести; ее пальцы лежали на клавиатуре рабочей станции. Короткие иссиня-черные волосы, вздернутый носик и – при худеньком телосложении – круглый подбородок с ямочкой, напомнивший Логану Бетти Буп[3]. Накануне он видел ее за обедом в столовой – она оживленно обсуждала что-то с молодыми коллегами.

– Вы – Кимберли Миколос? – спросил Логан в ответ на ее выжидающий взгляд.

– Да, – ответила она. – Язык сломаешь, правда? Пожалуйста, называйте меня Ким.

– Так тому и быть.

Она улыбнулась.

– Боюсь, я знаю, кто вы.

Логан безнадежно вздохнул.

– В таком случае… Вы не против, если я сяду?

– Я даже буду настаивать на этом.

Логан начал садиться, но вдруг заметил на стене у стола рамочку с короткой, отпечатанной черным шрифтом цитатой на латыни: «*Forsan et haec olim meminisse iuvabit*». Он замер.

– Что такое? – спросила женщина. – Увидели привидение?

– В моей работе это профессиональный риск. Но дело не в этом. – Он сел и указал на рамочку с цитатой. – Вергилий. «Энеида». Книга первая, строка двести третья.

– Какая эрудиция… Всегда есть чем козырнуть.

– Я не знаток по этой части. Просто точно такая же цитата висит и над моим рабочим столом. *Может быть, и об этом будет приятно вспомнить когда-нибудь.*

Миколос вскинула брови.

– Наверное, это значит, что мы станем лучшими друзьями.

– Может быть. Мне тоже нравятся бабочки.

– Они мне не просто нравятся. Я их обожаю. Еще с детства. Посвящаю им все свободное время. Взгляните на эту. – Она указала на небольшую бабочку в ближайшей рамке: коричневую, с черными глазками и оранжевыми полосами на крыльях. – Сатир Митчелла. Очень редкая. Я поймала ее, когда мне было тринадцать лет. Им тогда еще ничто не угрожало.

– Красивая, – Логан перевел взгляд с бабочки на Миколос. – Так вы знаете, кто я?

– Видела вас в каком-то документальном фильме на Ти-би-эс. О раскопках гробницы древнего фараона – первого фараона, если не ошибаюсь. Вас я запомнила из-за вашей профессии. – Она наморщила лоб. – Какое-то необычное слово. Это… эно…

– Энигматолог, – подсказал Логан, подумав, что сравнение с Бетти Буп несправедливо, и подбородок мисс Миколос больше напоминает Клодетт Колбер[4].

– Точно, энигматолог.

– Что ж, рад, что вы видели тот фильм. Сэкономлю время на вступлении.

Она с любопытством посмотрела на него.

– Будете изучать Дамскую дорожку?

– Увы, нет. Совет директоров поручил мне расследовать смерть Уилларда Стрейчи.

Она медленно опустила глаза и уже совсем другим тоном произнесла:

– Этого я и боялась.

– Мисс Миколос, понимаю, вам трудно. Постараюсь не мучить вас вопросами слишком долго. Но вы были ближе к доктору Стрейчи, чем кто-либо другой. Надеюсь, вы понимаете, почему мне так важно поговорить с вами.

Она молча кивнула.

– Для начала расскажите немного о себе. Как вы попали в «Люкс», как стали работать с доктором Стрейчи…

Миколос отпила чая из стоявшей на столе чашки.

– Я не знаю, насколько хорошо вы знакомы со здешней системой привлечения специалистов. Они довольно привередливы.

– Это еще слабо сказано.

– Примерно так же британцы набирают потенциальных шпионов в МИ-6. «Люкс» держит охотников за талантами в нескольких лучших университетах. Ищут перспективных, подающих надежды ребят с подходящим темпераментом, пытливых, любознательных – «Люкс» обеспечивает своих хедхантеров специальными анкетами, а когда находят, связываются с фондом. Кандидата изучают более детально, и если результат положительный и есть открытая профильная вакансия, ему делают предложение. В моем случае было так: четыре года назад я получила магистерскую степень в Массачусетском технологическом институте и планировала перейти сразу к докторской. Но потом получила награду Компьютерного общества по номинации обфускационных программ, и меня навестил рекрутер из «Люкса». – Она пожала плечами. – И вот я здесь.

– Какая специализация была у вас в МТИ?

– Стратегическое проектирование программного обеспечения.

– Впервые о таком слышу.

– Довольно новая область. Основное направление – защита программ от опасной цифровой среды: «червей», туннелинга, реверс-инжиниринга, вторжений враждебных корпораций или правительств. И, конечно, тот, кто этим занимается, учится писать собственные алгоритмы реверсивного инжиниринга. – Она лукаво улыбнулась.

– Вас взяли именно на место ассистента доктора Стрейчи?

Миколос кивнула.

– Его прежняя ассистентка ушла – готовилась стать матерью и решила полностью посвятить себя ребенку. – Она помолчала. – Любопытная тенденция у замужних женщин – они то и дело беременеют.

– Я и сам частенько об этом задумывался. – Логан откинулся на спинку стула. – А вы подходили для такой работы? Я имею в виду, с доктором Стрейчи. Он ведь как-никак занимался реляционными базами данных.

Миколос ответила не сразу.

– Не знаю, насколько хорошо вы знакомы с предметом. Они ведь намного мощнее и гибче неструктурированного файла или иерархических баз данных. Система управления базами данных самого Стрейчи, «Параллакс», была на момент появления настоящим открытием. Он – феноменальный кодировщик. Нет, правда. Начать с того, что язык, на котором он ее написал, «Си», очень компактный. Мало того, у него каждая строчка выполняла тройную функцию. И все-таки «Параллакс» был… ну, скажем так, продуктом своего времени. «Люкс» искал способ приспособить его для более широкого и менее требовательного рынка.

– И это означало вливание свежей крови.

– В наше время программы, за лицензии на которые большие корпорации заплатили когда-то сотни тысяч долларов, вовсе не обязательно отправлять на полку по мере старения. Их можно перепрофилировать для нужд компаний поменьше, которые заплатят не так много, но чьи потребности более ограничены. Однако, по сути, это все равно что выпустить программу в свободное плавание – следовательно, ее нужно защитить от взлома. Вот тут и приходит мой черед.

– А результат?

Она посмотрела на него.

– То есть?

– Ну, такой человек, как Стрейчи, чья карьера близится к концу, может обидеться или даже возмутиться – мол, как же так, труд всей его жизни перепрофилирует кто-то молодой, худой да голодный…

В разговоре возникла пауза, за время которой с Миколос случилась заметная перемена. Дружелюбная, открытая, даже игривая, молодая женщина заметно смутилась и даже отодвинулась от стола, как будто и от самого Логана.

– Можно на секундочку взять вас за руку? – спросил он.

Она удивленно нахмурилась.

– Если вы не против. Мне это помогает лучше почувствовать человека, с которым я разговариваю. Иногда даже получается понять что-то на более глубоком уровне, чем только через языковое общение.

Немного поколебавшись, Миколос протянула руку. Он бережно взял ее в свою, подержал…

– Я знаю. Знаю, что вы изо всех сил стараетесь справиться с пережитым. Один из возможных способов – притвориться, говорить и держаться

беспечно, избегать этой темы. Это хороший защитный механизм. По крайней мере, на время помогает.

Ее глаза наполнились слезами. Логан отпустил руку. Миколос отвернулась, достала из коробки салфетку. Прошла минута. Она глубоко, прерывисто вдохнула и снова обратилась к нему:

– Я в порядке. Извините.

– Вам не за что извиняться. Вы пережили нечто ужасное.

– Просто… – Миколос не договорила, и Логан уже подумал, что она снова расплачется, но женщина собралась. – Уиллард был таким добрым, таким мягким… Любил свою работу. Любил «Люкс». И меня, думаю, тоже любил… в каком-то смысле.

– То есть ни обиды, ни возмущения… Он не видел в вас конкурента, нацелившегося на его место?

– Нет. Ничего подобного. Я немножко опасалась, что он может так подумать… поначалу – наверное, вполне естественная реакция. – Миколос шмыгнула носом и взяла еще одну салфетку. – Но он был по-настоящему заинтересован в том, чтобы перепрофилировать «Параллакс» для более широкого рынка. И, по-моему, чувствовал, что сделал уже достаточно. Совершил несколько прорывов в теории реляционной базы данных. Создал собственную и очень успешную СУРБД[5]. Более чем достаточно для одного человека. Да, он интересовался работой, старался усовершенствовать «Параллакс», но участвовал во всем этом уже не так активно.

– А в чем именно состояла работа?

Миколос ответила не сразу.

– Просто так не объяснишь, надо вдаваться в технические детали. Взять, к примеру, обфускацию…

– Вы уже упоминали этот термин. Что это такое?

– Подмножество реверсивного инжиниринга. Затрудняет анализ, понимание алгоритмов работы и модификацию при декомпиляции. «Люкс» получал деньги за «Параллакс», и, конечно, они не хотели его отдавать. Но вообще-то, по большей части я занималась рецензированием программы. И еще помогала ему отслеживать и документировать развитие его теорий.

– Другими словами, были Босуэллом при Джонсоне[6].

Миколос негромко рассмеялась, хотя глаза ее еще блестели от слез.

– Мы оба были его Босуэллом. Уиллард гордился своей работой. Гордился по-настоящему. Хотел, чтобы все было учтено, записано, зафиксировано. Он не для себя это делал – для будущего поколения. Или по крайней мере для тех, кого в «Люксе» можно таковым считать.

– Понятно. – Логан ненадолго задумался. – А как с другой работой, которую он начал несколько месяцев назад? Я имею в виду перестройку и перепроектирование Западного крыла.

По лицу Миколос как будто пробежала тень.

– Поначалу он вообще о ней не говорил. Во всяком случае, ничего плохого. С другой стороны, злословить, винить кого-то или что-то не в его характере. Но я видела, что он не очень доволен. В то время Уиллард больше всего хотел закончить свою работу, может быть, несколько сократить количество часов, чтобы иметь возможность чаще ходить под парусом. Однако потом его отношение стало меняться, появился интерес. Приходилось много заниматься архитектурным планированием и дизайном, и он получал от этого удовольствие.

– Насколько я понял, доктор Стрейчи тесно сотрудничал с фирмой, которая и построила когда-то это здание.

– Да. «Флад ассошиэйтс».

Логан вздохнул. Начиналось самое трудное.

– Еще один вопрос. Не могли бы вы рассказать о событиях, приведших к нападению на вас доктора Стрейчи?

Миколос молчала.

– Не спешите. Расскажите своими словами.

Она снова потянулась к коробке с салфетками.

– К этому шло постепенно, и я заметила не сразу. Началось, наверное, с раздражения – раньше он никогда не раздражался; добрейший был человек. За те два года, что я с ним работала, ни разу голос не повысил. Но в последнее время стал покрикивать – на секретарей, на обслуживающий персонал, однажды даже на меня. А еще иногда вел себя странно.

– В каком смысле странно?

– Махал руками перед лицом, как будто отталкивал что-то. Мычал, как делают дети, когда кто-то им не нравится или слишком долго говорит. А еще… еще постоянно бормотал.

– Я слышал, он вроде бы разговаривал с собой. Вы слышали, что он говорил?

– До последнего времени, может быть, пару дней, – что-то неразборчивое. Думаю, сам он этого не сознавал. А то, что я иногда слышала… ну, это по большей части вздор.

– И все-таки.

Миколос задумалась.

– Что-то вроде: «Прекратите. Перестаньте. Мне это не надо. Уходите. Нет, вы меня не заставите».

– А что потом?

Миколос облизала губы.

– В последние пару дней все вдруг резко ухудшилось. Закрывал дверь в офисе, кричал, швырял вещи. Со мною не разговаривал. Однажды, проходя мимо, вдруг заткнул уши. А потом, в прошлый четверг… Он был такой возбужденный, такой беспокойный. Я подошла, положила руку ему на плечо, спросила, могу ли чем-то помочь. Он вдруг обернулся… – Она вздохнула. – Господи… Лицо багровое, перекошенное злостью, глаза безумные… Но, знаете, я увидела в них не только ярость, но и отчаяние и, может быть, беспомощность. Он отбросил мою руку, схватил за плечи, толкнул на стол и начал душить. Я швырнула ему в лицо клавиатуру…

Миколос поднялась.

– Только тогда он меня отпустил. Я выскочила из-за стола, нашла телефон, позвонила консьержу, потом доктору Олафсону. Через минуту сюда ворвались трое лаборантов; Уилларда скрутили и увели. Он отбивался, кричал в голос… Вот тогда я и видела его в последний раз.

Она отвернулась и, переведя дух, снова села за стол.

– Спасибо, – сказал Логан.

Миколос кивнула. Некоторое время оба молчали.

– Пожалуйста, мне нужно это знать, – первой заговорила она. – Говорят, он покончил с собой. Но я не верю.

Логан не ответил.

– Пожалуйста, скажите мне. Как он умер?

Ученый колебался. Информацию старались не разглашать, но эта женщина помогла ему, хотя ей и было нелегко.

– Об этом предпочитают не распространяться.

– Я никому не скажу.

Логан пристально посмотрел на нее.

– В библиотеке для гостей тяжелые оконные рамы. Он обезглавил себя, воспользовавшись одной из них.

– Он… – Миколос в ужасе прижала ладонь ко рту. – Какой ужас. – Она покачала головой. – Нет. Это не Уиллард. Уиллард не мог.

– Что вы имеете в виду?

– С ним явно было что-то не так. Может, заболел – не знаю… Но он никогда, *никогда* бы не покончил с собой. Ему было ради чего жить. Безрассудность, опрометчивость – это совершенно не в его характере. А еще для него было важно достоинство… Нет, он никогда бы не покончил с собой, тем более вот так.

Примерно то же и с такой же убежденностью говорил и Олафсон.

– Именно потому я и вернулся, – сказал Логан. – Попытаться понять, что случилось.

Миколос рассеянно кивнула. Потом взглянула на него.

– *Вернулся*? Как это понимать?

– Лет десять назад я провел в «Люксе» шесть месяцев. Занимался одним своим исследовательским проектом.

– Правда? Шесть месяцев – срок довольно странный. Обычно на исследование отводятся годы.

Логан снова задержал на ней оценивающий взгляд. Что-то подсказывало – этой женщине можно доверять. Более того, она могла бы даже помочь ему, хотя он еще не представлял, в чем именно.

– Меня попросили уйти.

– Почему?

– Вы же знаете историю «Люкса» – это старейший в стране «мозговой центр». Знаете, какое положение он занимает.

– Хотите сказать, мы все здесь – кучка зажатых придурков?

– Вроде того. Мою работу признали неадекватной. Не вполне научной. Недостаточно интеллектуально строгой. Некоторые посчитали ее каким-то надувательством, шаманством. Руководство, во главе с доктором Карбоном, указало мне на дверь.

– Карбон, – поморщилась Миколос. – Тот еще паршивец.

– Так вот, теперь я вернулся. Но уже не как стипендиат, а как следователь.

– Доктор Логан, я хочу... мне *нужно* знать, что случилось. Если смогу чем-то помочь, вы только дайте знать.

– Спасибо. Можете для начала, если не возражаете, провести меня по офису доктора Стрейчи. – Он кивнул в сторону дальнего кабинета.

– Конечно. Только там небольшой беспорядок... С вашего позволения, я пройду первой и немного приберусь. Не хотелось бы, чтобы с вами случилось то же, что и с Алканом.

– Что?

– Шарль-Валантен Алкан. Французский композитор. Сочинил несколько очень и очень необычных музыкальных произведений. Говорят, умер от того, что опрокинул на себя книжный шкаф.

– Никогда о нем не слышал. Вы прямо-таки женщина Возрождения.

– Так же, наверное, думал и «люксовский» хедхантер. – Миколос невесело улыбнулась и поднялась из-за стола. – Ладно, идите за мной.

9

Частные апартаменты Стрейчи – «комнаты» на языке «Люкса» – находились на третьем этаже особняка, в нескольких шагах от его рабочего кабинета. Логан вошел, воспользовавшись полученным от доктора Олафсона ключом, закрыл за собой дверь, опустил на пол сумку и остановился, впитывая ощущения этого места. Было начало десятого вечера, и мебель проступала в темноте неясными формами. Постояв с минуту, он включил свет.

Логан не знал заранее, чего стоит ожидать, и комната, в которой он оказался – что-то среднее между гостиной и библиотекой, – явила собой приятный сюрприз. Обжитая, уютная, ухоженная. Дорогая мебель, обтянутая кожей цвета красного дерева. Одну стену занимали книжные стеллажи, занятые, как заметил Логан, английскими романами XIX века, переводной латинской классикой, современными детективами, биографиями и многочисленными работами по плаванию под парусом, архитектуре, дизайну и истории вычислительной техники. Книги стояли не ради красоты; сняв с полки две или три, Логан обнаружил, что их читали, причем очень бережно. Кое-где на полях сохранились сделанные рукой Стрейчи пометки, аккуратные и короткие. Характерный для всего особняка эдвардианский стиль присутствовал во множестве дополнительных, со вкусом подобранных деталей:

винтажных светильниках, астраханских коврах, написанных маслом картинах в духе английской романтической школы, старой механической кукле, допотопном радиоприемнике в деревянном корпусе, видавшем виды секстанте – очевидно, Стрейчи был коллекционером старинных технологий. В одном углу стоял письменный стол с убирающейся крышкой, на котором лежали чернильные авторучки; другой монополизировал «Стейнвей»[7] модели Б, черная, полированная поверхность которого сияла в мягком свете. Комната дышала теплом, радушной атмосферой лондонского клуба начала прошлого столетия. На создание такой атмосферы наверняка ушли немалые средства. Впрочем, Олафсон говорил, что для Стрейчи деньги не являлись проблемой. Но одни только деньги решали не все, здесь требовались также время, терпение и усердие. Утонченность, рафинированность, очарование. Логан подумал, что и сам с удовольствием жил бы в таком доме.

Он прошел по остальным комнатам. Апартаменты были не особенно большими – столовая, компактная, но оснащенная дорогим оборудованием кухня, ванная, спальня, – однако везде ощущались те забота и внимание, которые Логан заметил в библиотеке. И нигде ни малейшего указания на работу, оставшуюся там, в офисе, в паре минут ходьбы по коридору. Похоже, эти комнаты целиком и полностью предназначались для отдыха и приятного времяпрепровождения наедине с тем, что было по-настоящему ему дорого: навигацией, искусством, промышленным дизайном.

Почти всю вторую половину дня Логан провел в офисе Стрейчи, просматривая бумаги, записки, рукописи. Иногда на помощь приходила Ким Миколос, но по большей части он работал один. Как и предполагалось, все указывало на то, что исследование продвигается медленнее и медленнее. И вместе с тем Миколос была права: ученый, по сути, завершал карьеру, которой посвятил всю жизнь, и это подведение итогов доставляло ему огромное удовольствие. Среди многочисленных записок, писем и прочих документов не нашлось ни намека на разочарование и неудовлетворенность – наоборот, все несло печать тихой радости и гордости за значительные достижения на избранном поле деятельности. Теперь Логан уже не сомневался, что по крайней мере не сумерки научной карьеры подтолкнули Стрейчи к самоубийству.

В офисе обнаружились несколько папок, имевших отношение к реконструкции Западного крыла. Чувствуя, что ознакомиться с ними сейчас уже не сможет, Логан собрал их вместе и отослал к себе, чтобы изучить позднее. Потом отправился к штатному врачу «Люкса», и они потратили минут двадцать на изучение медицинской карты ученого. Как и говорил Олафсон, все тесты и обследования показывали, что Стрейчи обладал отменным для своего возраста здоровьем и был эмоционально

стабилен. Никаких признаков доклинических состояний или будущих осложнений обнаружено не было.

Логан вернулся в гостиную с надеждой, что Стрейчи все-таки вел дневник или делал записи частного характера в личном журнале, но отыскать что-либо подобное не удалось. Потерпев неудачу в поисках, он достал из сумки видеокамеру и еще раз обошел всю квартиру, снимая каждую комнату. Потом сменил камеру на записную книжку и некое прямоугольное устройство размером с полицейскую рацию. Кнопка управления прибором располагалась внизу, а весь верх занимал аналоговый индикатор детектора электромагнитного излучения. Логан еще раз обошел апартаменты, внимательно наблюдая за стрелкой счетчика и время от времени делая пометки в записной книжке. Последний извлеченный из сумки прибор, счетчик положительных и отрицательных ионов в воздухе, изобиловал кнопками и тумблерами и имел цифровую индикаторную панель. Логан снял несколько показателей, но ионизация воздуха была такой же, как и в других помещениях особняка, где он уже провел соответствующие замеры.

Медленно пройдясь взглядом по комнате, Логан задержался на старом радиоприемнике настольной модели, в корпусе розового дерева. Он рассеянно повернул ручку включения. Ничего. Заинтригованный, Логан взял приемник, повертел в руках и снял заднюю крышку, за которой обнаружилась мешанина из старых, коричневых и желтых проводков и деталей. А вот электронные лампы были заменены оборудованием более современным. Логан пожал плечами, поставил радиоприемник на полку и отвернулся.

Уложив в сумку приборы и записную книжку, он снова огляделся, выбрал самое удобное с виду кресло – судя по стоявшему рядом книжному пюпитру и потертому подлокотнику, именно его предпочитал Стрейчи, – сел, закрыл глаза и стал ждать.

Еще в юном возрасте Логан обнаружил в себе дар эмпата – уникальную, почти сверхъестественную способность ощущать чувства и эмоции других людей. Иногда – если эти чувства и эмоции были особенно сильными или человек оставался в одном месте достаточно долго – ему удавалось воспринимать их даже по прошествии некоторого времени.

Теперь, устроившись в кресле и оставив только мягкий и теплый мутновато-янтарный свет, он освободился от всех мыслей, забот и чувств и стал ждать, когда комната заговорит с ним. Поначалу не было ничего, кроме неясного, диссоциативного ощущения безопасности и комфорта. Удивляться не приходилось: в жизни Стрейчи не было ничего – ни «дымящихся стволов», ни спрятанных в шкафу скелетов, ни эмоциональных проблем, – что могло бы подтолкнуть его к…

И тут случилось нечто странное. Логану послышалась музыка. Сначала тихая, едва слышная. Энигматолог ждал, сосредоточенно и внимательно, и постепенно она зазвучала громче и яснее, чувственная и глубоко романтическая.

Ничего подобного с ним прежде не случалось. Как обладатель особого дара, Логан привык получать эмоциональные впечатления, сильные чувства, порой даже обрывки воспоминаний. Но никогда не слышал музыку. Он выпрямился, открыл глаза и огляделся – может быть, звуки доносятся из других комнат…

И музыка тотчас смолкла.

Логан встал, выключил свет и вернулся в кресло. Опять-таки – сначала ничего. Ощущение комфорта, безопасности и покоя исчезло вместе с музыкой. Постепенно им все сильнее овладевали другие чувства – неуверенности, смятения, тревоги.

А потом вернулась музыка – пианино. Оно играло сначала тихо, потом все громче. Мелодия была та же, проникновенная, романтическая, но и она понемногу менялась. Усложнялась, звучала все настойчивее, требовательнее: длинные проигрыши нарастающего арпеджо в минорном ключе, исполняемые быстрее и быстрее. В этой музыке было что-то невыразимо тревожное, вплетенное в сложные пассажи, почти недоступные постижению, почти, как казалось Логану, дьявольские.

А потом к музыке прибавилось кое-что еще – запах, каким-то странным образом бывший неотъемлемой частью музыки, и этот запах становился все гуще и сильнее, пока не превратился в омерзительную, тошнотворную вонь, какая бывает от горящей плоти. Внезапно из прошлого – а может, из будущего? – всплыла картина: старый дом, рвущееся из окон пламя…

Логан вскочил на ноги. Во рту пересохло. Сердце колотилось в груди. Нетвердым шагом, на ощупь, в темноте, он добрался до выключателя, включил свет и привалился к стене, хватая ртом воздух и тряся головой, чтобы избавиться от звучащей в ушах жуткой музыки.

Дыхание пришло в норму через несколько минут. Логан подобрал сумку, вышел из комнаты в коридор, повернулся, выключил свет и закрыл за собой дверь. Потом положил ключ в карман и направился по коридору к своей комнате, изо всех сил отгоняя мысли и стараясь ни о чем не думать.

10

Центр технического обслуживания размещался в напоминающем ангар строении с восточной стороны особняка, между другими, но поменьше, хозяйственными постройками, образующими своего рода мини-кампус.

Хотя хитроумно спроектированный фасад и пытался имитировать «Темные фронтоны», огромные раздвижные двери и плоская крыша выдавали его истинную природу.

Пройдя через служебный вход, энигматолог как будто оказался в гроте. Справа выстроился внушительный батальон газонокосилок, измельчителей, мини-тракторов «Кубота», траншеекопателей «Дитч уитч» и с полдюжины более эзотерических образчиков – все сияющее и готовое к использованию. За ними находились два ремонтных бокса с большой секцией запасных частей. Присмотревшись, Логан разглядел в полутьме боксов нескольких механиков в комбинезонах, занятых разборкой какого-то оборудования. Посредине центра стояли длинные и высокие, от бетонного пола до потолка, стеллажи с широкими поддонами, заполненными всем необходимым для поддержания жизнедеятельности комплекса: электровыключателями, полихлорвиниловыми трубами, монтажными платами, санитарно-технической арматурой, канцелярскими принадлежностями и многим другим – с соответствующими этикетками и номерками. Дальше находилась механическая мастерская, а за нею, вдоль левой стены, протянулись кабинки, в которых стучали по клавишам и разговаривали по телефонам. Логан подошел к ближайшему рабочему и спросил, где найти Иена Олбрайта. Ему указали на металлическую лесенку у стены.

Офис был небольшой, но функциональный. Одна стена, полностью стеклянная, позволяла обозревать все пространство центра. Сам Олбрайт оказался немолодым добродушным толстячком с красным носом отпетого пьянчуги.

– Садитесь, – сказал он, со смехом забираясь на край стола, заваленного рабочими нарядами, счетами-фактурами и докладными. – Доктор Олафсон предупредил, что вы придете.

Говорил Олбрайт с сильным акцентом рабочих районов Лондона – после несколько удушающей академической атмосферы главного здания на Логана как будто дохнуло свежим ветерком.

– Спасибо. – Он опустился на стул. – Должен признаться, мистер Олбрайт…

– Иен, если вы не против.

– Должен признаться, Иен, я так и не понял толком, какая у вас должность. Один назвал вас «управляющим инфраструктурой», другой – «начальником строительства».

Олбрайт закинул голову и весело рассмеялся.

– Чушь это все. Я всего лишь суперсмотритель – и у меня на попечении все это огромное муниципальное хозяйство. – Он небрежно махнул рукой в сторону особняка и снова рассмеялся.

Смеялся Олбрайт заразительно, и Логан поймал себя на том, что и сам невольно улыбается и что менять настроение ему вовсе не хочется.

– Вообще-то я пришел поговорить об одном бывшем резиденте этого самого муниципального хозяйства.

– Да? И кто бы это мог быть?

– Уиллард Стрейчи.

Улыбка моментально слетела с лица Олбрайта.

– Да, жутковатое дельце, – глухо сказал он.

– Верно.

– Хороший был человек. Не то что некоторые, смотрят на меня и моих ребят как на каких-то землекопов и даже здороваться не желают. А доктор Стрейчи, тот всегда вежливый был и на доброе слово не скупился.

– Руководство попросило меня изучить обстоятельства его смерти.

– Да, жутковатое дельце, – повторил Олбрайт и, заговорщически подавшись вперед, спросил: – Вам многое известно?

– О чем?

– О том, как он умер.

Логан замялся.

– Почти все.

Олбрайт кивнул, а потом шепотом добавил:

– *Это я нашел его…* – Он не договорил, но указал на собственную голову. – Косил траву на обочине возле Восточного крыла, вносил подкормку… – Воспоминание о неприятном моменте отразилось на его лице гримасой. – Сказали держать рот на замке.

– По-моему, правильная мысль. Настроение у всех и без того невеселое. – Логан помолчал. – Как бы вы охарактеризовали психическое состояние доктора Стрейчи вплоть до последнего времени?

– Прошу прощения?

– Каким он был? Замкнутым, задумчивым, дружелюбным, угрюмым?

Олбрайт ненадолго задумался.

– Знаете выражение «уютно устроился»?

– Конечно.

– Ну, так это о докторе Стрейчи. Я еще не встречал человека, более подходящего для такого рода деятельности. По крайней мере, по своему темпераменту.

Ответ этот мало отличался от того, что говорили другие, и Логан решил не задавать его в будущем.

– Я бы хотел, если можно, поговорить с вами о Западном крыле.

Олбрайт посмотрел на него с любопытством.

– О Западном крыле? А что такое?

– Можете рассказать мне его историю? Почему оно так долго оставалось закрытым? – В тот недолгий период, когда Логан сам работал в «Люксе», тема Западного крыла затрагивалась редко; его как будто и не существовало вовсе.

– Не могу сказать, что знаю наверняка. В шестидесятые и семидесятые им пользовались практически постоянно – я тогда и пришел сюда, в семьдесят восьмом. Но к тому времени стипендиаты уже начали жаловаться.

– Почему?

– Ну, вроде бы условия не соответствовали… в таком духе. Офисы и лаборатории маленькие и тесные, да еще путаница с переходами – там ведь нет центрального соединяющего коридора. В семьдесят шестом, когда завершилась реконструкция Восточного крыла и все увидели, насколько там стало лучше, люди стали просить о переводе. Штат тогда был меньше, и Восточное могло принять почти всех. Так что Западное понемногу и опустело. А полностью его закрыли в восемьдесят четвертом.

– Почему?

– Посчитали невыгодным содержать горстку работающих блоков. Лишние расходы на электроэнергию. К тому же многое требовало ремонта. Водопроводная и отопительная системы безнадежно устарели. Вот поэтому крыло и закрыли.

– Но недавно снова открыли, – сказал Логан.

Олбрайт кивнул.

– Новые стипендиаты, научные ассистенты… Им, наверное, больше места понадобилось.

– И доктору Стрейчи поручили заняться перестройкой.

– Да. Вместе с мисс Флад.

– Которая архитектор. – Накануне вечером Логан несколько часов разбирался в бумагах, таблицах и чертежах Стрейчи, и название «Флад ассошиэйтс» встречалось там довольно часто. – Участие в работах ваших людей планировалось?

– Нет, нет. Они должны были подключиться в самом конце – заниматься сантехникой, водоснабжением, покраской, монтажом вентиляции. Перепрофилирование – дело большое и ответственное, тут требуются профессиональные строители и, конечно, специалисты.

– Специалисты?

– Да, каменщики и другие. У доктора Стрейчи были грандиозные планы.

– Но вы лично, как я полагаю, имели к ним непосредственное отношение?

– Главным образом в том смысле, что согласовывал календарный график строительных работ с генеральным подрядчиком.

– Доктору Стрейчи нравилось этим заниматься?

– Интересно, что вы об этом спросили. Никогда бы не подумал, что такое придется ему по душе. Что его можно оторвать от любимых уравнений и прочего. Поначалу оно так и выглядело, но я видел, что работа все больше его увлекает. Точнее, работа, связанная с проектированием. Его не интересовало, как сносить стены или класть шпатлевку. Другое дело, как все будет выглядеть. Понимаете, Западное крыло – это что-то вроде старого роскошного лайнера, у которого под ржавчиной скрыта красота. Надо только знать, как ее найти. Доктор Стрейчи это знал. Он разбирался в архитектуре.

– К началу работ все было готово?

– Готово? – Олбрайт рассмеялся. – Работы по сносу уже идут больше месяца.

– Он сам выбирал подрядчика?

– Да, сам.

– Понятно… – Логан ненадолго задумался. – Сейчас там довольно тихо. Наверное, работы приостановили на время из-за трагедии. И, конечно, им надо найти кого-то на место Стрейчи.

– Работы приостановили, тут вы правы. Но вовсе не из-за смерти доктора Стрейчи.

Логан удивленно посмотрел на Олбрайта.

– То есть как?

– За несколько дней до смерти доктор Стрейчи самолично распорядился все остановить.

– Он? Лично?

– Он. Лично. Отправил рабочих домой.

– Он как-то объяснил это свое решение?

– Сказал что-то насчет проблем с прочностью конструкций.

Логан нахмурился.

– Но… Мне казалось, Западное крыло вполне крепкое.

– Я не инженер, но сказал бы, что так оно и есть.

Пауза.

– С кем-то из этих рабочих можно поговорить?

– Сомневаюсь, что вы их найдете. С ними рассчитались, а теперь, как говорится, ищи ветра в поле.

– Вы серьезно? Хотите сказать, что их просто уволили? После того, как собрали с таким трудом?

– Да.

Странно.

– Доктор Стрейчи планировал пригласить инженера-строителя для инспектирования крыла?

– Не могу сказать. Наверное.

Логан задумался. В документах, которые он просматривал накануне, ему не встретилось ни одного упоминания, ни малейшего намека на такое неожиданное развитие событий.

– Вы говорили о генеральном подрядчике. Как с ним связаться?

Олбрайт наморщил лоб.

– Он из Уэстерли. Сейчас… так… Райдаут. Билл Райдаут. Вся рабочая документация должна быть у него.

– Я с ним свяжусь. – Логан помолчал, потом задумчиво кивнул. – Спасибо, что уделили время, Иен. Вы очень мне помогли.

– Я вас провожу. – Олбрайт соскочил со стола, открыл дверь и первым ступил на металлическую лестницу.

11

В одиннадцать вечера своего третьего дня в «Люксе» Логан, повесив на плечо сумку и сунув под мышку скатанные в рулон чертежи, планы и распечатки графиков, вышел в главный коридор.

Рабочий день закончился, часом раньше закрылись двери столовой. В роскошном, с обитыми плюшем креслами и бархатными портьерами актовом зале, сохранившем прежнее название, «Аудитория Делаво», никаких лекций на этот вечер намечено не было. Следуя заведенному распорядку, ассистенты и стипендиаты разошлись по своим комнатам, так что, не считая проскользнувшей мимо горничной и занятых своим делом уборщиков, Логану никто не встретился. Весь «Люкс» – точнее, все помещения общего пользования – был в полном его распоряжении.

Еще раньше, во второй половине дня, энигматолог обошел Восточное крыло, отмечая многочисленные изменения, произошедшие там в результате проведенной в середине семидесятых перестройки. Сохранив в значительной степени архитектурное великолепие и пышность «Темных фронтонов», оно превратилось в пространство заметно более утилитарное: лампы дневного света сменили старинные канделябры, готическая лепнина исчезла, по крайней мере в офисах и лабораториях, приобретших вид опрятный и функциональный, пусть и менее – в визуальном плане – интересный. Внешне повторяя форму и размеры Западного крыла, оно сохранило три этажа и подвал, тогда как главное здание имело четыре этажа и несколько подвальных уровней.

Судя по планам, которые Логан успел просмотреть, Уиллард Стрейчи и его партнерша-архитектор задумали для Западного крыла нечто совершенно иное. В своем первоначальном исполнении оно воплотило самые эксцентричные замыслы Эдуарда Делаво. Логан долго изучал старые черно-белые фотографии Западного крыла, сделанные незадолго до и вскоре после приобретения особняка «Люксом», и теперь мог легко воспроизвести его облик по памяти. Миновав величественный вход, гость попадал в просторную, овальной формы и относительно пустую галерею, беспрепятственно простиравшуюся в высоту на три этажа, к самой крыше. Все это пространство было отдано стоящим камням – двум громадным менгирам в круге глыб поменьше. Делаво обнаружил их на загадочной древней стоянке у Эмбион-Хилл, неподалеку от городка Маркет-Босуорт, что в Лестершире, и купил все – оптом. Первоначальное предназначение камней оставалось неизвестным – предполагалось, что там проводились доисторические похоронные

церемонии. В 1888 году покупка мегалитов с их последующей перевозкой в Америку произвела в Англии настоящий фурор и ускорила, как гласит легенда, основание Национального треста[8]. Первое время Делаво забавлялся тем, что устраивал в галерее костюмированные представления, расставляя по периметру диваны, оттоманки и шезлонги. В поздние годы, после смерти жены и сына, он, вероятно, проводил здесь спиритические сеансы.

Каменный круг занимал примерно первую четверть Западного крыла. Далее, перемешанные в беспорядке, находились галереи, мастерские, изостудии, музыкальные салоны, специализированные библиотеки – буквально десятки сообщающихся между собой комнат, в которых Делаво мог предаваться своим забавам, развлечениям и хобби. По слухам, именно строительство и обустройство этого необычного крыла в конце концов исчерпало финансовые фонды миллионера.

После приобретения «Темных фронтонов» новыми владельцами последние постарались по мере возможности заполнить второй и третий этажи, переоборудовав их под офисы и лаборатории. Вариантов, однако, оказалось немного, поскольку массивные древние камни были встроены в фундамент особняка. Что касается находящихся далее и образующих запутанные лабиринты комнат, то «Люкс» остановился на простейшем решении: убрать оставшийся после Делаво мусор, а освободившиеся помещения передать стипендиатам в качестве рабочих зон. Но решение это породило новые проблемы: чтобы добраться до своего рабочего места, людям приходилось проходить через чужие кабинеты и служебные помещения, что создавало неудобства для всех заинтересованных лиц. «Путаница с переходами», – как сказал Олбрайт. Неудивительно, что после реконструкции Восточного крыла многие выразили желание перебраться туда.

План Уилларда Стрейчи в отношении всей этой неразберихи заключался в том, чтобы снести стены и перегородки, за исключением несущих конструкций, и проложить два параллельных, идущих с севера на юг коридора. Оригинальные декоративные элементы, окна и деревянные панели предполагалось, по мере возможности, сохранить и использовать.

В какой-то момент Логан обнаружил, что ноги сами собой принесли его в конец центрального коридора первого этажа. Дальнейший путь блокировали две массивные деревянные двери. Перед ними, растянувшись между двумя латунными стойками, висел бархатный шнур с большим предупредительным знаком, на котором, под изображением строительной каски, имелась надпись следующего содержания:

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЗОНА.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА, ИМЕЮЩЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

В кабинете доктора Олафсона Логан подписал несколько документов, согласно которым «Люкс» освобождался от какой-либо ответственности и любых обязательств в случае получения им, Логаном, физических травм или повреждения здоровья, вследствие чего он имел на руках полный карт-бланш и мог свободно бродить по всему кампусу. Оглянувшись через плечо и убедившись, что коридор за ним пуст, энигматолог переступил через бархатный шнур, достал из кармана ключ, открыл двери и шагнул через порог. Его встретили тьма и запах опилок и строительных смесей. Логан закрыл дверь, достал, покопавшись в сумке, фонарик, включил и поводил лучом по стенам. Обнаружив выключатели, пощелкал всеми по очереди.

Судя по всему, помещение – небольшой вестибюль – служило чем-то вроде фронт-офиса для Западного крыла. Мебель была укрыта защитными чехлами, деревянный пол прятался под несколькими слоями защитной подкладки, из-за чего помещение приобрело вид странный, лишенный индивидуальности. Выход имелся только один – большая открытая арка в южной стене, и Логан, коротко осмотревшись, воспользовался им.

Он остановился, положил на пол сумку и просмотрел принесенные с собой чертежи и схемы. В соответствии с утвержденным графиком строительства первым пунктом, что вполне естественно, значился демонтаж. Одной из бригад поручалось освободить помещение от всего лишнего и подготовить место для капитальной перестройки. Вторая бригада получила задание более деликатного свойства: снести не являющиеся несущими стены и перегородки на втором этаже, где предстояло проложить, выражаясь профессиональным языком, «боковой коридор А» и «боковой коридор Б», вдоль которых должны были затем, в соответствии с новой планировкой, разместиться лаборатории и офисы. И потом, поочередно, все остальное.

Пройдя дальше, Логан снова оказался в темноте – свет проникал сюда только из вестибюля. Оглядевшись и найдя выключатели, он пощелкал кнопками. Ничего. Скорее всего, электричество отрубили перед началом демонтажных работ. Он включил фонарик и обнаружил, что находится в помещении без крыши. Пол здесь тоже был застелен защитными подкладками, но они сбились под ногами рабочих, открыв тут и там запылившиеся половицы. Со всех сторон его окружали древние камни – ритуальный хендж Делаво. На фоне стен камни казались особенно огромными. Логан посветил на них, направив луч к высокому потолку. Грубо обтесанные, темные, слегка сужающиеся кверху… Свидетелями каких событий, добрых или дурных, они были? Видели ли они смерть Ричарда III, погибшего неподалеку от Эмбион-Хилл, в сражении, знаменовавшем падение Плантагенетов? Или древние, мрачные

языческие церемонии? Было в этих молчаливых стражах что-то тревожащее, и Логан, двинувшись дальше, постарался обойти их стороной.

Коридор уходил в глубину крыла. Пройдя по нему, энигматолог добрался до лестницы, по которой и поднялся. Второй этаж представлял собой руины полуразрушенных офисов. С потолка свисали голые лампочки. Повсюду толстым слоем лежала пыль – в основном от штукатурки, – появившаяся, очевидно, при демонтаже стен и перегородок, оказавшихся на пути предложенных Стрейчи двух параллельных коридоров. С того места, где стоял Логан, просматривались неясные очертания будущего бокового коридора А. Определялся он не тем, что уже было построено, а тем, что было разрушено: длинная зияющая дыра, прорезавшая офисы, склады и коридоры и уходящая в южном направлении, в темноту.

Включив фонарик и сориентировавшись по компасу, Логан просмотрел наряды на работы. Вначале планировалось подготовить площадку для коридора А, затем – для коридора Б.

Медленно и осторожно он двинулся вперед по недостроенному коридору, посвечивая фонариком вправо и влево и с беспокойством сознавая, что находится на стройплощадке, в опасной близости от накренившихся стен и провисших потолочных балок. Мало того, что у него не было строительной каски, так он еще и собирался обследовать место, куда посторонние не допускались.

Пройдя ярдов двадцать, Логан остановился перед двумя свисающими с потолка до пола брезентовыми полотнищами; одно закрывало путь вперед, другое – вправо. Оба держались на гвоздях, и на ближайшем болталось наспех нацарапанное предупреждение:

ОПАСНАЯ ЗОНА – ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Логан остановился в тяжелой от пыли темноте. Что делать? Достав из сумки перочинный нож, ученый прорезал в брезенте небольшую дыру, направил в нее фонарик и заглянул.

Демонтажные работы здесь были остановлены. Находившиеся за этим рубежом комнаты, заброшенные и пыльные, рабочие не трогали. Почему же Стрейчи вдруг решил, что крыло небезопасно?

На полу перед брезентовым заграждением обнаружилась небольшая «золотая жила»: пневматические молотки, кувалды, компрессоры и даже переносной генератор. Впечатление было такое, что рабочие просто побросали инструменты и оборудование и убежали.

Задержавшись на секунду-другую в нерешительности, Логан повернулся и посветил на второй брезент, блокировавший путь вправо. Он снова

пустил в дело нож и заглянул в прорезь. И здесь его ждал сюрприз: никакого коридора за брезентом не было – только голая стена.

Странно. Можно понять, почему Стрейчи запретил входить в потенциально опасную зону. Но зачем завешивать стену?

Логан оторвал брезент от гвоздей и отвел в сторону, обнажив стену. Явно старая, она была частью первоначальной постройки. Рабочие убрали обои и штукатурку, под которыми открылась использовавшаяся для обрешетки дранка.

В середине стены, примерно на уровне груди, темнел круг штукатурки размером с кулак, вставленный в дранку, как затычка в плотину. Осмотрев его, Логан поскреб штукатурку ногтем. Свежая, положена недавно. Не больше нескольких дней назад. Он стал обрабатывать края заплаты ножом, пока штукатурка не отвалилась от обрешетки и осыпалась к его ногам. На ее месте теперь была дыра, черная на черной стене.

Наклонившись вперед, Логан посветил в дыру фонариком и заглянул в пустоту.

И почти сразу же замер.

– Что за черт?

Он быстро, словно обжегшись, отдернул руку и отступил на шаг… другой…

Какое-то время энигматолог стоял, глядя на рваный черный круг. Потом положил фонарик на пол, так, чтобы свет падал на стену, взял из кучки инструментов кувалду и осторожно постучал по стене. А затем, сжав рукоять покрепче, ударил по обрешетке около дыры.

От места удара по стене разбежались паутинки трещин, куски штукатурки посыпались на пол.

Энигматолог продолжал бить, осторожно и расчетливо, расширяя отверстие до таких размеров, которые позволили бы пробраться туда, в темноту за стеной.

Поработав минут десять, Логан расширил первоначальную дыру до пола и получил черную горловину примерно в четыре фута высотой и в два шириной. Он отложил в сторону кувалду, вытер руки о рукава. Подождал, прислушиваясь. Кувалда – инструмент не самый деликатный, – но ни голосов, ни криков слышно не было, а значит, в жилой части «Люкса» никто ничего не услышал.

Логан поднял фонарик, посветил в прорубленный проход, наклонился и, сделав шаг вперед, исчез в зияющем чреве.

За стеной была комната. Поводив фонариком по сторонам и оглядевшись, Логан понял, что здесь находилась лаборатория. На единственном, окруженном стульями рабочем столе лежали старомодные на вид приборы. На полу, посередине комнаты, покоилось некое устройство большого размера и непонятного назначения.

Комната была небольшая – около двухсот квадратных футов – и обставлена с тем же вкусом, который отличал «Люкс» в целом. Элегантный камин у стены, несколько картин в старинных рамах. Вот только подобных картин нигде больше в особняке Логан не видел: одна – чернильное пятно Роршаха, другая – портрет кисти Гойи. На угловом столике – старомодный перколятор. В другом углу, на подставке – винтажный фонограф с большим латунным рупором и боковой рукояткой. Рядом, на полу, лежала стопка пластинок на 78 оборотов в бумажных конвертах. За рабочим столом – тележка из нержавеющей стали с предметами, похожими на медицинские инструменты: хирургическими щипцами, кюретками…

В свете фонарика Логан увидел привинченную к стене металлическую штангу, на которой висели объемистые костюмы из какого-то тяжелого металла, возможно, свинца, с веерообразными соединениями на локтях, запястьях и коленях. На шлемах имелись окошечки с тонкими решетками. Странная униформа выглядела как бронированный скафандр пришельцев.

На деревянной панели возле ноги Логан обнаружил старомодную электрическую розетку. Повинуясь неосознанному импульсу, он достал из сумки тестер и вставил вилку в розетку. На панели загорелся зеленый индикатор. Странно. В других помещениях Западного крыла электричества не было. Может быть, его отключили только в тех комнатах, где шли демонтажные работы?

Не считая кусочков штукатурки и обрешетки, оказавшихся на полу вследствие силового вторжения, комната была чистая. Ни пылинки. Как в герметически запечатанной капсуле времени.

Что еще удивительнее – этот факт Логан осознал лишь теперь, – в комнате не было ни окон, ни дверей. По крайней мере, ничего похожего, тщательно обследовав полированные стены, он не обнаружил.

Что же это за комната? И для чего она использовалась?

Ученый шагнул вперед, но внезапно остановился. Что-то – некое шестое чувство или инстинкт самосохранения – предупредило его: опасность. Секунду или две он стоял совершенно неподвижно, а потом стал пятиться, медленно, осторожно, чтобы не потревожить спящее нечто.

Слегка пригнувшись, нащупал проделанное собственноручно отверстие. Выбравшись, повесил на место брезент и тихонько, едва ли не крадучись, отправился в обратный путь через руины Западного крыла, скользя лучом по изломанным поверхностям.

13

– Боже мой… – Олафсон огляделся, и его благородные, патрицианские черты исказила гримаса изумления.

Было утро следующего дня. Сразу после завтрака Логан привел директора сюда, предприняв вместе с ним нелегкое путешествие по руинам Западного крыла, боковому коридору А и, через дыру за брезентовым пологом, в секретную комнату.

– Значит, ты о ее существовании понятия не имел? – спросил Логан.

– Нет.

– Не представляешь, для чего она могла использоваться? Из-за чего вся эта таинственность?

Олафсон покачал головой.

– Если выяснится, что здесь не было никакой лаборатории, то остается только предположить, что она появилась еще до покупки всего этого хозяйства «Люксом». Прежний владелец, как тебе прекрасно известно, славился эксцентричностью.

Логан задумчиво кивнул. Как ни трудно в такое поверить, но, похоже, все так и было: ученые и исследователи «Люкса» работали, изучали и проводили эксперименты здесь, в Западном крыле, не зная, что рядом, у них под боком, находится секретная комната.

– Боже мой, – выдохнул Олафсон, следуя взглядом за лучом фонарика, который остановился на тяжелых, похожих на бронированные доспехи металлических костюмах, свисающих с железной штанги в углу. – Да что же такое здесь творилось?

– Директор – ты. Я так понимаю, что сказать тебе нечего. Но, может быть, что-то из того, что ты здесь видишь, наводит тебя на какие-то мысли? Не связано ли это все с некими проектами, работа над которыми велась в первые годы после переезда «Люкса» в «Темные фронтоны»?

Олафсон ненадолго задумался, потом покачал головой.

– Нет… – Он замялся. – Я не вижу здесь дверей. Как именно ты нашел эту комнату?

– Брезент закрывал обнажившуюся обрешетку, на нем болталось вот это, – Логан пошарил рукой снаружи и показал Олафсону бумажку с предупреждающей надписью: «ОПАСНАЯ ЗОНА – ВХОД ВОСПРЕЩЕН». – В обрешетке была дыра размером с кулак, недавно заделанная штукатуркой. Мне стало интересно…

– Ты сказал, что Стрейчи отослал рабочих, – пробормотал, оглядываясь, Олафсон. – Думаешь, это он проделал дыру? Он обнаружил комнату?

– Скорее всего. Но зачем тогда снова ее запечатывать? Зачем отсылать рабочих под надуманным предлогом? – Логан посветил на записку. – Похоже на его почерк?

– Трудно сказать – буквы-то печатные.

– Хочешь услышать еще кое-что интересненькое? Я попытался связаться с генеральным подрядчиком. Неким Уильямом Райдаутом. У него офис в Уэстерли. Сколько ни звонил, все время попадал на автоответчик. Похоже, мистер Рай-даут внезапно отошел от дел, отправился путешествовать, и его точное местонахождение неизвестно.

Олафсон обдумал новость и уже, похоже, собирался что-то сказать, но в итоге только покачал головой.

Логан выпустил из пальцев листок, и тот спорхнул на пол.

– Здесь есть кто-нибудь, кто может рассказать мне о Западном крыле?

– Лучше всего тебе было бы поговорить с самим Стрейчи. Последние месяцев шесть он жил и дышал этим проектом… – Доктор Олафсон помолчал, обдумывая что-то. – Послушай. Об этой комнате лучше никому не говорить – по крайней мере до тех пор, пока мы не поймем, для чего она предназначалась и почему была скрыта от всех.

– Я собираюсь изучить оригинальные чертежи в офисе Стрейчи. Хотелось бы понять, как это помещение соотносится с другими, и выяснить, нет ли в Западном крыле других секретов, о которых нам стоит знать. – Логан посмотрел на директора. – Есть кое-что еще. Прошлым вечером, за обедом, Роджер Карбон сказал, что мне нужно спросить о «других».

– О других, – медленно повторил Олафсон.

– Я обратился с этим к Перри Мейнарду, но он от ответа уклонился.

Директор нахмурился.

– Карбон – блестящий психолог, но, случается, вносит в коллектив раздор… – Он помедлил, потом, решившись, продолжил: – Еще до

смерти Стрейчи до нас доходили сообщения о… э… довольно странных инцидентах с участием некоторых резидентов «Люкса».

– В каком смысле странных?

– Ничего особенно тревожного. И, разумеется, ничего и близко не похожего на то, что случилось с Уиллом. Люди слышали голоса, видели то, чего на самом деле не было.

Ничего особенно тревожного.

– Можешь сказать точнее, когда это было?

Олафсон на секунду задумался.

– Где-то месяц назад. Может быть, недель шесть, но не больше.

– Как долго это продолжалось?

– Неделю или две.

– И многих затронуло?

– Нет, человек пять-шесть. Мы посчитали, что никакой связи нет. И нам бы не хотелось, чтобы ты пошел по ложному следу и обвинил невинных.

– Можешь дать список тех, кого это коснулось?

Олафсон снова нахмурился.

– Послушай, Джереми, не думаю, что тебе стоит…

– Я должен проверить все ниточки. На мой взгляд, тут может быть какая-то связь.

– Но… Не думаю, что те, кто имел к этому отношение, желали бы огласки.

– Карбон, однако, как-то узнал.

Олафсон все еще колебался.

– Уверен, они не захотят об этом говорить. Видишь ли, дело довольно деликатное…

– У меня большой опыт по делам такого свойства. И я скажу, что они могут положиться на мою осмотрительность и осторожность. – Не дождавшись ответа от Олафсона, Логан добавил: – Послушай, Грегори, ты сам меня пригласил. Нельзя просить провести расследование, а потом связывать мне руки.

– Ладно. Так и быть, – вздохнул Олафсон. – Но от тебя требуются деликатность и такт. Репутация «Люкса» как учреждения консервативного и серьезного – наше главнейшее достояние.

– Мне так и говорили.

– Хорошо. Я подумаю и представлю тебе список.

Олафсон снова огляделся и, словно не веря собственным глазам, покачал головой. Потом повернулся и, не говоря ни слова, выбрался из населенной тенями комнаты и последовал за Логаном в направлении обитаемых пространств «Люкса».

14

Поздно вечером Логан вернулся к запечатанной комнате. Снова, как и накануне, он подождал, пока «Люкс» притихнет и погрузится в сон. Вероятность встретить кого-то в Западном крыле в столь позднее время была крайне мала, но рисковать ему не хотелось.

Открепив брезент, Логан нырнул в проделанное накануне отверстие. В одной руке он держал фонарик, в другой – осветительный прибор с вольфрамовой лампой накаливания (такие используются, например, на киносъемках), который позаимствовал у озадаченного необычной просьбой Иена Олбрайта. Водрузив лампу на складную подставку в углу, энигматолог протянул шнур к розетке под рабочим столом и щелкнул выключателем. Помещение мгновенно залил яркий свет. Столь сильное освещение требовалось для запланированного им тщательного осмотра.

Опасность, которую он ощутил, в первый раз перешагнув порог забытой комнаты, не ушла, но – под мощным, в восемьсот ватт, свечением – затаилась.

Держа под мышкой скатанные в рулон бумаги, Логан положил на стол, рядом с фонариком, сумку. Потом раскатал и разгладил чертежи, первоначальный план «Люкса», обнаруженный днем в офисе Стрейчи. Перебрав их, нашел план Западного крыла. У нижнего края листа, в прямоугольной рамочке, теснились следующие слова: «РЕЗИДЕНЦИЯ ДЕЛАВО. М. ФЛАД. АРХИТЕКТОР. 1886».

Огромный лист густо покрывали линии, числа, мелкие технические примечания, но мало-помалу Логан все же разобрался, что к чему. Разобрался и мысленно сравнил оригинальную планировку крыла с той новой концепцией, которую реализовывали Стрейчи и его рабочие. Прежде всего выяснилось, что на планах найденная им комната отсутствует. Из документов следовало, что пространство, в котором он сейчас находился, предназначалось – по крайней мере частично – для лестничного колодца. Этот факт означал одно из двух: либо комнату

встроили в особняк уже после завершения строительства, либо планы переделали с целью скрыть само ее существование.

Логан скатал чертежи и отложил в сторонку.

В безжалостном свете вольфрамовой лампы проявилось то, чего он не заметил накануне. Вставленный в потолок круглый диск, украшенный замысловатой чеканкой, вероятно, маскировал дыру от висевшей там ранее люстры. Может быть, комната была когда-то частью более просторного, более элегантного помещения? Кроме пяти висевших на стенах картин, Логан обнаружил три пустых места – их выдало легкое пожелтение краски, – где висели какие-то другие предметы. И еще он ошибся в отношении идеальной чистоты помещения – на каминной решетке обнаружился пепел.

Выйдя на середину комнаты, Логан остановился перед занимавшим центральное место устройством. Потом обошел его несколько раз, внимательно разглядывая. Форма неровная. Длинное, как гроб, и почти вдвое выше. По бокам и сверху непонятной природы наросты, каждый под защитным колпаком из пластинок розового дерева, подогнанных так же тщательно, как детали кожуха старой швейной машинки. Внешне поверхность казалась монолитной и имела вид полированного дерева.

Один край устройства, который был шире другого, частично прикрывала прикрученная шурупами металлическая пластинка. Примерно в четырех футах от нее Логан заметил выгравированные на полу римские цифры, от I до VI.

Второй, более узкий край накрывала монолитная деревянная пластина, окантованная металлом и прикрепленная в двух местах к основному корпусу. Логан провел пальцами по одной из ключевых скважин и заметил под пластиной прикрученную к дереву маленькую латунную табличку. Табличка потускнела и потемнела от возраста, но ему удалось разобрать два слова, по одному на каждом краю: «ЛУЧ» и «ПОЛЕ». К чему они относились?

Продолжая осмотр, Логан обнаружил еще две таблички, поменьше первой, прикрученные к нижней части устройства. Надпись на одной гласила: «РОЗУЭЛЛ ХЭВИ ИНДАСТРИЗ, ПЕРТ ЭМБОЙ, НЬЮ-ДЖЕРСИ», на другой – «ЭЛЕКТРОФАБРИКЕН КЕЛЛЕ».

Он достал из кармана пиджака цифровой регистратор и аккуратно все зафиксировал.

Убрав регистратор, Логан обследовал помещение двумя счетчиками – электромагнитного излучения и аэроионным. Результаты он переписал в книжечку в кожаном переплете, чтобы потом сравнить с

показателями, полученными в апартаментах Стрейчи и других помещениях «Люкса».

А потом Логан выключил свет. Комната погрузилась в кромешную тьму. Он пробрался на ощупь к загадочной машине, опустился на пол. Сел, подобрав под себя ноги, спиной к ней, закрыл глаза и стал ждать, что скажет ему комната. К любопытству примешивалась толика тревоги – не придет ли снова, как в гостиной Стрейчи, та странная, зловещая музыка.

Поначалу – ничего, только едва уловимое ощущение притаившейся поблизости опасности. Потом, постепенно усиливаясь, пришло беспокойство, предчувствие беды и вместе с ним смятение, замешательство. А затем внезапно накатила музыка – причудливые, безумные пассажи, жесткие и злые, накатывающие волнами мрачного минорного арпеджио, в которых уже не осталось и следа тихой романтической красоты.

Логан тут же вскочил, отчаянно метнулся к стене, едва не сбив второпях осветительный прибор. Он щелкнул выключателем и выпрямился, отдуваясь, хватая ртом воздух. В ушах эхом звучала призрачная, бесплотная музыка.

Странно. В высшей степени странно.

Медленно, ни к чему не приглядываясь, энигматолог прошелся по комнате. Сердце его постепенно успокоилось, дыхание пришло в норму. Оправившись, он продолжил начатое.

Над рабочим столом висели книжные полки, но ни одной книги на них не было. Неподалеку стоял каталожный шкаф. Выдвинув поочередно все ящики, Логан убедился, что они тоже пустые.

Возможно ли, что лабораторию спроектировали и построили, но потом забросили, так и не приступив к работам? Если да, то чем вызвана вся эта секретность? С другой стороны, если какие-то исследования все же проводились и были затем прекращены, почему вместе с книгами и документами не убрали и не демонтировали это непонятного предназначения устройство?

Сложив в сумку приборы, Логан достал кое-что другое: небольшой резиновый молоточек треугольной формы, похожий на тот, которым доктора проверяют рефлексы. Приложив ухо к стене, он двинулся по периметру комнаты, постукивая молоточком, прислушиваясь, в надежде уловить характерное эхо, которое указало бы пустое пространство или потайную дверь. Вход должен быть – тот, кто работал здесь, не мог приходить через пролом в стене. Простукивание, однако, ничего не дало. Энигматолог со вздохом отложил молоток. Может, сюда попадали через пол или потолок? Нет, это было бы смешно.

Похоже, ответа придется подождать.

Поправив угол лампы, Логан перешел к камину – взглянуть на оставшийся на решетке пепел. Как он и предполагал, сжигали не дерево, а бумагу. Прихватив пригоршню пепла, Логан осторожно просеял сквозь пальцы крошечные, свернувшиеся кусочки почерневшей бумаги. Поднес пальцы к носу. Запах был слабый, едва уловимый, но это ничего не значило – бумагу могли сжечь и позавчера, и пятьдесят лет назад. В глубине камина обнаружились с полдюжины несгоревших обрывков, на каждом из которых сохранились еще различимые буквы. На большинстве обрывков букв было слишком мало, но Логан терпеливо просмотрел все и отложил несколько кусочков в сторону. Больший интерес представляли фрагменты старой фотографии – возможно, одной из тех, что висели когда-то на стене. Значительная ее часть сгорела, но нижний край огонь пощадил. На нем был виден угол рабочего стола, предположительно, того самого, что и теперь стоял в комнате. На столе лежали какие-то документы и журналы, названия которых прочитать не получилось.

За столом стояли трое мужчин в лабораторных халатах. Видна была только часть туловищ – верхняя часть снимка сгорела. Тем не менее Логан отодвинул в сторону и этот обрывок.

Последней его добычей стал фрагмент сгоревшего документа, похоже служебной записки. Текст был отпечатан на старинной пишущей машинке, очевидно, много десятилетий назад. Документ сильно обгорел и выцвел. Логан сел за рабочий стол, но, как ни присматривался, разобрать смог только два слова: «Проект Син»[9].

«Проект Син». Поскольку страница обгорела по правой стороне, от второго слова, вероятно, осталось только начало.

Или нет?

В этот момент Логан замер. Инстинкт, доверять которому он привык на сто процентов, внезапно забил тревогу, ударив во все колокола и погнав в кровь адреналин. Что такое?

И тут же снова… Звук. Звук, похожий на осторожный, крадущийся шаг, чуть слышный скрип половицы. Шел он, казалось, из-за стены – стены, напротив той, через которую Логан попал в комнату.

Энигматолог быстро поднялся. Слишком быстро – стул, на котором он сидел, покачнулся и грохнулся на пол.

Затаив дыхание, Логан застыл на месте. Прислушался. Тишина. Ни звука. А потом – или ему только показалось? – мягкий шорох быстро удаляющихся шагов.

Ученый схватил фонарик, нырнул в дыру и быстро, насколько было возможно в путанице разгромленных офисов, брошенного оборудования и пересекающихся проходов, двинулся по коридору к дальней стороне крыла. Потратив на поиски несколько минут и ничего не обнаружив, он остановился. Отдышался. Выключил фонарик и прислушался к темноте. Ни звука, ни мелькания света, ничто не выдавало присутствия *другого*. Пустынное и заброшенное, Западное крыло хранило молчание.

Логан снова включил фонарик и уже не спеша побрел назад – в забытую комнату.

15

Двери лифта зашипели и открылись в сумрачный подвальный коридор. Логан знал, что подземный комплекс, как и некоторые другие территории «Люкса», закрыт для посетителей, исследователей и даже части штатных работников. Облицованные камнем стены и арочный потолок коридора, в котором он оказался, напоминали римские катакомбы, однако воздух был чистым и свежим, без малейшей примеси сырости или селитры.

Логан посмотрел на часы: четверть первого пополудни.

Эффект забытой комнаты, с ее мощной аурой чуждости и тайны, оказался сильнее, чем ему поначалу казалось. Проснувшись утром, он ощутил несвойственную для себя апатию и опустошенность, как будто не знал, что делать дальше. К счастью, посещение после завтрака замечательной публичной библиотеки Ньюпорта, в частности отдела микрофишей и DVD, рассеяло его сомнения и нерешительность. Пусть он не знал, что именно нужно делать, но по крайней мере зародыш идеи уже появился.

За время недолгой работы в «Люксе» десять лет назад Логан ни разу не спускался в подвал, а поскольку какие-либо указатели отсутствовали, он наугад повернул налево, мимо основания центральной лестницы, которая здесь, в этих подземных глубинах, не могла похвастать роскошной облицовкой из полированного мрамора. Через сотню футов путь преградила стальная дверь – удивительный анахронизм в этом пространстве в духе Эдгара По – с одним-единственным окошком из толстого затемненного плексигласа и маленькими круглыми дырочками, расположенными с промежутком в несколько дюймов на лишенной каких-либо других характерных черт поверхности. Надпись на дверце гласила:

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ
ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА, ИМЕЮЩЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

Заглянув в окошечко, Логан увидел длинный, в стиле современного хай-тека, коридор, освещенный утопленными в потолке

флуоресцентными панелями. Закрытые двери с нанесенными краскопультом надписями уходили вдаль по обе стороны коридора. Примерно так же мог бы выглядеть лабораторный комплекс исследовательского госпиталя, если бы не тот факт, что здесь было совершенно пусто.

Рядом с дверью обнаружились клавишная панель и картридер, но ни телефона, ни зуммера не было. Вариант «просто постучать» представлялся неуместным. Логан знал, что самые современные лаборатории «Люкса» расположены здесь, в подвале – такое решение не только позволяло сохранить классический стиль других этажей, но и было обязательным в силу самого статуса здания как исторического объекта. Пожав плечами, энигматолог отвернулся и решил попытать удачу в другом направлении.

Эта попытка дала лучшие результаты. Миновав лифт и повернув в коридор за ним, Логан прибыл к открытой двери с табличкой: «АРХИВ». Сразу за порогом стены и потолок отступали в стороны и вверх, открывая внушительное помещение, залитое ярким, но приятно мягким светом. От входа вглубь уходили идеально ровные ряды картотечных шкафов, разделенных достаточно широкими, чтобы не порождать ощущения угнетенности, проходами. В дальнем конце виднелась еще одна дверь, а возле нее – стол охранника. Логан вошел. Вдоль стен сомкнутыми шеренгами маршировали декоративные деревянные колонны, украшенные резными виноградными лозами. На потолке изящная, выполненная в технике тромплёй[10] картина изображала отдыхающего на лужайке Вакха – с бурдюком на коленях, в приятной компании заботливых менад.

Сразу за дверью, за служебного вида столом сидела пожилая женщина. Стоявшая тут же именная табличка представляла ее как ДЖ. РАМАНУДЖАН. Оглядев Логана с головы до ног, она поджала губы с выражением то ли одобрительным, то ли недовольным.

– Чем могу помочь?

– Мне нужно просмотреть кое-какие ранние файлы, – сообщил Логан.

– Ваше удостоверение, пожалуйста.

Пошарив по карманам пиджака, ученый отыскал и предъявил полученную при оформлении карточку. Женщина коротко взглянула на нее.

– Ваша карточка временная. Очень жаль, но временные сотрудники доступа к архивам не имеют.

– Да, знаю, – с извиняющейся ноткой сказал Логан. – Поэтому мне дали еще и вот это. – Он достал письмо, отпечатанное на бланке «Люкса».

Написанное директором Олафсоном, оно аннулировало временный статус Логана и предоставляло ему право неограниченного доступа.

Мисс Рамануджан внимательно прочитала и вернула письмо.

– Так чем я могу вам помочь?

Энигматолог опустил письмо в карман пиджака.

– Я и сам толком не знаю.

Женщина нахмурилась.

– Исследователи и ученые, те, что пользуются архивом, всегда ищут что-то специфическое. – Она взяла лежавший на столе планшет и повернула к Логану; страница представляла собой незаполненный бланк заявки. – Я смогу помочь вам, если буду знать, каким именно проектом вы занимаетесь.

– Боюсь, предмет моего исследования довольно… аморфный. К сожалению, я не смогу сказать точнее, пока не просмотрю файлы.

Рассмотрение таких запросов явно выходило за рамки компетенции хранительницы архива.

– Если затрудняетесь с темой и именем, то как насчет временно́го периода? Может быть, назовете, к примеру, месяц, в течение которого проводилась работа?

Логан задумчиво кивнул.

– Да, это мысль. Мы могли бы начать с тридцатых.

– С тридцатых? – повторила мисс Рамануджан.

– Да, тысяча девятьсот тридцатых.

Лицо женщины странным образом изменилось – сделалось непроницаемым. Она взяла со стола удостоверение, посмотрела на него еще раз и снова положила на стол.

– Доктор Логан, здесь хранятся документы по более чем двенадцати тысячам исследовательских проектов. Общее количество этих документов приближается к двум с половиной миллионам. Вы хотите, чтобы я представила вам… – она быстро произвела подсчет, – около двухсот тысяч документов?

– Нет, – тут же покачал головой Логан.

– Тогда что вы предлагаете?

– Если бы вы позволили мне… э… самому походить между вашими стеллажами, возможно, я смог бы лучше понять, что именно хочу найти. Думаю, так было бы быстрее.

Она ответила не сразу.

– Обычно исследователи не допускаются непосредственно к фондам. Тем более временные. Это в высшей степени необычно.

Вместо ответа Логан потянул за уголок письма директора Олафсона.

– Хорошо, – вздохнула мисс Рамануджан. – Можете, если понадобится, воспользоваться вот тем столом. Но не приносите более пяти папок за один раз. И, пожалуйста, будьте внимательны, когда ставите их на место.

– Обещаю, – заверил ее Логан. – Спасибо.

Следующие три с лишним часа он – под бдительным взглядом смотрительницы – перемещался между столом и стеллажами с тяжелыми папками в руках. Открывая очередную, быстро ее просматривал и делал записи – золотым пером в книжечке с кожаным переплетом. Поначалу маршруты пролегали по всему помещению, но через некоторое время Логан сузил район поисков и сосредоточился на небольшом участке. Наконец, вернув на место очередную порцию, он, вместо того чтобы взять следующую, двинулся между стеллажами, заглядывая то в один ящик, то в другой и делая пометки, словно что-то подсчитывал. Побродив таким образом некоторое время, ученый вернулся к смотрительнице.

– Спасибо.

Мисс Рамануджан молча кивнула и протянула ему удостоверение.

– У меня вопрос. Притом что фонды обширны, мне не попалось ничего, что относилось бы к периоду после двухтысячного года.

– Так и есть. В архиве содержатся только документы по закрытым или остановленным проектам.

– И где в таком случае хранятся более свежие материалы?

– Некоторые, разумеется, у самих занимающихся исследованием ученых. Остальные в архиве номер два. – Она указала в дальний конец зала.

– Понятно. Еще раз спасибо. – Логан повернулся и зашагал в указанном направлении.

– Подождите… – начала женщина, но гость уже успел удалиться на изрядное расстояние. Его быстрые шаги отскакивали эхом от мраморного пола.

В конце помещения, как Логан и заметил раньше, стоял стол, блокировавший путь к двери. За столом сидел мужчина в форме службы безопасности «Люкса». Увидев посетителя, он поднялся.

– Чем могу помочь?

– Я бы хотел осмотреть недавние архивы. – Логан кивком указал на дверь.

– Ваше удостоверение, пожалуйста.

Ради экономии времени энигматолог вместе с удостоверением сразу предъявил и письмо доктора Олафсона.

Охранник изучил оба документа и вернул их Логану.

– Прошу извинить, сэр, но ваших полномочий недостаточно для доступа к архиву номер два.

– Но письмо от директора Олафсона…

– Прошу извинить, сэр, – уже более твердым тоном повторил охранник, – но, чтобы пройти за эту дверь, требуется допуск уровня А или выше.

Уровень А? Логану еще не доводилось слышать о таковом. Впрочем, в период работы в «Люксе» он вообще не имел понятия о каких-либо уровнях.

– Но… – Энигматолог сделал шаг к двери.

Охранник встал у него на пути, и Логан тут же заметил на служебном ремне полицейскую дубинку и баллончик «мейс» со слезоточивым газом.

– Понял, – протянул он и, кивнув, повернулся и направился между стеллажами к далекому подвальному коридору.

16

На часах было без четверти семь, когда Логан постучал в дверь внутреннего офиса директора.

– Войдите, – ответил бесплотный голос.

Логан вошел. Олафсон стоял перед зеркальцем, поправляя галстук.

– Твоя секретарша уже ушла… О, извини. Собираешься на обед?

– Это подождет. – Олафсон влез в костюмный пиджак и опустился на стул за столом. – У тебя что-то есть?

– Да, кое-что. И мне нужно кое-что еще – от тебя.

Директор раскинул руки ладонями вверх, словно говоря: *я весь в твоем распоряжении*.

Логан повесил сумку на подлокотник одного из расставленных перед столом стульев, сел, открыл сумку и, достав конверт с обгорелыми кусочками бумаги, передал директору. Олафсон внимательно осмотрел конверт.

– Я нашел это в кучке пепла в камине забытой комнаты.

– Похоже, здесь трое мужчин в лабораторных халатах, – сказал директор, рассматривая фрагмент фотографии. – Стоят за рабочим столом.

– Не просто за рабочим столом, а за тем рабочим столом, который до сих пор там, в комнате. Его можно узнать по глубокой царапине возле левого угла.

– Пусть так, но идентифицировать этих людей все равно невозможно. Верхняя часть снимка, от груди и выше, сгорела.

– Верно, – согласился Логан. – Но тем не менее фотография может дать нам кое-что.

Он снова залез в сумку, достал клочок бумаги, сложил его пополам и показал нижнюю половину директору. На ней был изображен почти карикатурно пузатый мужчина, стоящий на палубе корабля – в двубортной яхтенной куртке, белых шортах и круглой шапочке. Он задумчиво взирал на женщину, явно страдающую морской болезнью и лежащую под одеялом на шезлонге.

Олафсон, прищурившись, взглянул на картинку.

– И что тут такого?

Логан развернул бумажку полностью. Вверху, через всю страницу, шел узнаваемый логотип «Нью-Йоркера», ниже – дата: 16 июля 1932 года.

– В публичной библиотеке Ньюпорта прекрасная коллекция журналов. Взять оригинал они мне не позволили, но цветную ксерокопию обложки сделали.

– Не понимаю.

– А ты присмотрись к обгоревшей фотографии. Видишь журналы на столе? Названия не разобрать – буквы размыты, но на обложке одного

можно разглядеть толстячка в форме яхтсмена. Посмотри внимательнее. Журнал определенно не глянцевый, вроде «Кольерса», «Лайфа» или «Сатердей ивнинг пост». На мой взгляд, это самый что ни на есть «Нью-Йоркер». – Он сунул листок в сумку. – Так что теперь у нас есть *terminus post quem*[11] для той работы, которой занимались в лаборатории. А было это по крайней мере еще летом тридцать второго.

– Понятно.

– А раз так, то вопрос о том, кто ею пользовался, отпадает сам собой. Это «Люкс». Другой вопрос, продолжал ли «Люкс» проекты первоначального владельца особняка или вел свои собственные исследования. И раз уж речь зашла о владельце… Я проверил оригинальные чертежи «Темных фронтонов» – они есть в офисе Стрейчи. Так вот, забытой комнаты на них нет. – Логан взял фрагмент обгоревшей фотографии, положил в конверт и убрал в сумку. – Ты слышал о чем-то, что называлось бы «Проект Син»?

– «Проект Син»? – переспросил, наморщив лоб, Олафсон. – Нет.

– Подумай хорошенько. Не исключено, что «Син» – это только начало слова. «Люкс» не вел такой проект? Ничего на память не приходит?

Директор покачал головой. Логан достал еще один прозрачный конверт – в нем лежал фрагмент докладной записки, который он нашел в камине, – и положил на стол. Олафсон взглянул, но присматриваться не стал и отодвинул.

– Нет. Абсолютно ничего не говорит.

– В ваших архивах никакой информации о таких проектах я тоже найти не смог, хотя и очень старался. И все же кое-что откопал. Кое-что весьма интересное.

Директор налил себе стакан воды из стоящего на столе графина.

– Послушаем.

Энигматолог подался вперед.

– Я обнаружил пробел в ваших записях.

– Какого рода пробел?

– Сегодня днем, просматривая архивы «Люкса», я нашел файлы, имеющие отношение к определенным проектам, набиравшим ход в конце двадцатых и начале тридцатых. Темы интересные, но вроде бы никак между собой не связанные: некоторые экзотические особенности электромагнитного излучения; классификация химических веществ в мозге; выделение и анализ эктенической силы.

– Эктенической силы?

– Да. А это ведь особенно интересно, а? Считалось, что медиумы во время спиритических сеансов испускают некую субстанцию – ту самую эктеническую силу, известную также как эктоплазма, используя ее для телекинеза или общения с умершими. В конце девятнадцатого века этот вопрос изучали довольно активно, но потом интерес сошел на нет.

Он помолчал немного и спросил:

– С чего бы вдруг ученым «Люкса» понадобилось возвращаться к такой теме?

– Даже не представляю, – пожал плечами Олафсон. – Надо думать, файлы что-то тебе подсказали.

– В том-то и проблема. В файлах содержатся ясные указания на то, что эти проекты, а также некоторые другие активно разрабатывались на протяжении нескольких лет, но конкретной информации в них содержится на удивление мало. Ни имен привлеченных к проектам ученых, ни точных данных по характеру работ, ни данных по экспериментам, тестам или наблюдениям – ничего этого нет. Другие файлы, если сравнить, намного информативнее.

Логан откинулся на спинку стула.

– Есть у этих файлов и еще одна общая черта. Все они были закрыты внезапно и примерно в одно время, в начале тридцатых.

Олафсон задумчиво потер подбородок.

– У тебя есть какая-то теория?

– Она только начинает складываться, и я перейду к ней через минуту. Но давай вернемся к пробелу в ваших записях. Я провел сравнительный анализ объема информации в архивах «Люкса» в период между двадцатым и сороковым годами. Анализ, конечно, поверхностный, на скорую руку, но мне по крайней мере стало ясно одно: материалов за годы с тридцатого по тридцать пятый меньше, чем за любой другой такой же период. В некоторых случаях ненамного меньше, в некоторых – значительно.

Олафсон посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Итак, моя гипотеза. В конце двадцатых в «Люксе» разрабатывали несколько проектов, которые, примерно в тридцатом, слились в один. Этот проект продолжался до тридцать пятого, когда – по каким-то причинам – был внезапно закрыт.

– И ты думаешь, это был так называемый «Проект Син».

– Блистающий своим отсутствием, – ответил Логан. – Потому что в тридцать пятом объем материалов «Люкса» достиг обычного уровня. Полагаю, тот, кто изъял эти файлы, также запечатал и секретную комнату.

– В которой, как ты считаешь, и велись исследования по тому самому проекту?

– А какой еще вывод можно сделать?

В какой-то момент на лице Олафсона проступило странное выражение, и Логан интуитивно понял: директор только что сложил вместе два кусочка пазла.

– Что? – быстро спросил он.

Олафсон ответил не сразу, но потом встряхнулся.

– Извини?

– Ты ведь подумал о чем-то. О чем?

Олафсон замялся.

– А, да так… Ни о чем. Просто пытался переварить эти твои выводы, разложить по полочкам.

– Ясно. Вот что: хотел бы попросить об одолжении. Можешь дать мне список всех стипендиатов, работавших в «Люксе», скажем, с тридцатого по тридцать пятый?

– Список, – повторил Олафсон.

– Как я уже сказал, фамилии ученых были удалены из файлов. Зная, кто участвовал в проектах, я мог бы выяснить кое-что и о самом проекте.

– Боюсь, это невозможно. Мы не составляем такие списки, и никогда не составляли. Есть люди, которые по каким-то своим причинам не распространяются о работе и проведенном в «Люксе» времени. Если кто-то желает написать о своей работе здесь в резюме, это их личное дело, но мы взяли за правило никогда об этом не распространяться.

Логан задумчиво посмотрел на директора. На протяжении всего разговора Олафсон демонстрировал явное нежелание помогать.

– В любом случае я не понимаю, какое отношение это все имеет к смерти Стрейчи, – продолжал директор. – А ведь именно для расследования этой трагедии я тебя и пригласил.

Логан решил поменять тактику.

– Мне не дали разрешения пройти в архив номер два. Сказали, требуется некий допуск уровня А. Я-то думал, что уже имею неограниченный допуск ко всем архивным материалам «Люкса».

Олафсон не сразу отреагировал на этот внезапный поворот, а когда понял, о чем речь, недовольно нахмурился.

– Извини. У тебя допуск к девяноста пяти процентам материалов. Но есть несколько проектов – они начаты недавно, и работы по ним продолжаются – крайне деликатного свойства.

– Настолько деликатного, что их стережет профессиональный секьюрити? – спросил Логан. – Если я правильно помню, ты говорил, что охрана у вас чисто номинальная.

Олафсон немного смущенно усмехнулся.

– Джереми, если мы не работаем на военных, это еще не значит, что в «Люксе» нет проектов, определенные аспекты которых засекречены. Ты не сталкивался с ними, когда работал здесь, и тебе не стоит беспокоиться из-за них сейчас. Подавляющее большинство исследований, хоть и проводятся по частным заказам, под эту рубрику не попадают. Стипендиаты, работающие по текущим проектам, имеют право хранить свои материалы в архиве номер два. Стрейчи эти правом не воспользовался – как ты сам убедился, он был человеком в высшей степени открытым и все свои материалы держал у себя в офисе. Как и у почти всех здесь, включая тебя самого, у Стрейчи был допуск уровня Б. Допуск уровня А предоставляется немногим работающим над закрытыми проектами.

Логан промолчал, и Олафсон продолжил:

– Поверь мне, Джереми, никакой связи между ведущимися в «Люксе» секретными разработками и смертью Уилла нет. Абсолютно никакой. Ничего другого он бы и сам не пожелал.

Логан помолчал, потом кивнул.

Директор положил руки на стол.

– Вот и хорошо. Что-нибудь еще?

– Ты составил список, о котором я просил? Тех, с кем что-то случилось.

– Да. – Олафсон выдвинул ящик стола, достал запечатанный конверт и протянул Логану.

– И еще одно. В «Люксе» проводились исследования по части радио? Я имею в виду начало века.

Олафсон на секунду задумался.

– Не думаю. Я ни о чем таком не слышал. А почему ты спрашиваешь?

– В апартаментах Стрейчи я нашел старый радиоприемник. По крайней мере, с виду радиоприемник. Вот я и подумал, что он, может быть, достался ему от какого-нибудь проекта.

Олафсон усмехнулся.

– Уилл всегда подбирал всякие чудные штучки: старинную технику, механические диковинки… Ты и сам, наверное, заметил. Любил захаживать на блошиный рынок… – Он покачал головой. – Забавно. Блестящий программист, а вот с механикой и электрикой был не в ладах. Все, на что его хватало, это вкрутить лампочку и пройти под парусом на яхте… – Директор поднялся. – Ну, вот и есть захотелось. Пойдем пообедаем?

– Почему бы и нет? – Логан закинул на плечо сумку и безропотно последовал за Олафсоном из кабинета.

17

Памела Флад стояла над чертежным столом в своем офисе, опершись локтями на расползающуюся горку планов и схем. Все ее мысли были заняты западным фасадом проектируемого здания. Хотя, как и все современные архитекторы, окончательную работу Памела представляла в виде трехмерной компьютерной модели – ее выбором была программа AutoCAD Architecture, – на первом этапе она предпочитала работать с бумагой, естественным образом воплощая идеи посредством карандаша. Данный проект был для нее особенным – полная, с фундамента до крыши, перестройка старого консервного завода на Темз-стрит в жилой комплекс. Она всегда хотела заниматься коммерческой работой, и этот заказ мог привести…

Сосредоточившись на эскизе под звуки *Birth of the Cool*[12], Памела не сразу услышала, что в дверь звонят. Выпрямившись, она покинула кабинет, прошла по коридору, пересекла гостиную беспорядочно раскинувшегося старого дома, спустилась в прихожую и открыла дверь. Перед нею стоял мужчина со светло-каштановыми волосами и серыми глазами, лет, наверное, сорока. Лицо приятное, умное. Хорошо очерченные скулы. Легкая ямочка на подбородке. Гладкая кожа. И что-то знакомое…

– Мисс Флад? – Мужчина протянул ей визитную карточку. – Меня зовут Джереми Логан. Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Памела посмотрела на карточку. *ДОКТОР ДЖЕРЕМИ ЛОГАН. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ. ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.* На профессора

истории гость был совсем не похож. Слишком загорелый, при этом спортивного сложения, а вместо привычного для профессоров ворсистого твида – пошитый на заказ костюм. Потенциальный клиент?

Памела вдруг поняла, что он так и стоит до сих пор на ступеньках.

– Ох, извините… Пожалуйста, проходите.

Она пригласила его в гостиную.

– Симпатичный дом, – заметил он, когда они сели. – Его, наверное, проектировал ваш прадед?

– Вообще-то, так и есть.

– В Ньюпорте так много колониальной и итальянской архитектуры, что викторианские очертания радуют глаз свежестью.

– Изучаете архитектуру, доктор Логан?

– Отвечу цитатой из одного старого фильма: «Я ни о чем не знаю много, но я знаю понемножку практически обо всем»[13]. – Он улыбнулся.

– Но об истории-то вы наверняка должны много чего знать.

– Проблема с историей, мисс Флад, в том, что она идет своим чередом, хотим мы того или нет. По крайней мере, изучающий творчество Шекспира может заниматься своей работой в полной уверенности, что новые пьесы наверняка не появятся.

Памела рассмеялась. Впрочем, пусть даже гость и приятный собеседник, но ей надо было работать. Первые планы следовало представить через две недели.

– Чем могу помочь вам, мистер Логан?

Он закинул ногу за ногу.

– Вообще-то я пришел насчет вашего прадеда. Его ведь звали Морис Флад? Как и вы, он был архитектором…

– Верно.

– Помимо прочего, он проектировал особняк Делаво в середине восемьсот восьмидесятых. Впоследствии особняк стал известен как «Темные фронтоны».

Где-то далеко звякнул тревожный колокольчик. Памела промолчала.

– Теперь там размещается «Люкс».

– Вы живете в «Люксе», доктор Логан? – осторожно спросила она.

– Временно.

– Так что же вам нужно?

Мужчина откашлялся.

– Поскольку архитектором особняка был ваш прадед и поскольку в этом доме – который, позволю себе предположить, принадлежит теперь вам – он жил и работал, я хотел бы узнать, сохранились ли оригинальные планы той постройки.

Так вот оно что. Она посмотрела на него с внезапно проснувшейся подозрительностью.

– А почему вы интересуетесь планами?

– Я хочу изучить их.

– Почему?

– Боюсь, что не могу вдаваться в детали, но уверяю вас…

Памела поднялась так резко, что гость остановился на полуслове.

– Извините, но планы недоступны.

– А их можно как-то получить? Я с удовольствием бы подождал…

– Нет, это невозможно. А теперь… буду признательна, если вы уйдете.

Доктор Логан с любопытством посмотрел на нее и медленно поднялся.

– Мисс Флад, я знаю, что вы имели отношение…

– Я очень занята, доктор Логан. Уходите. *Пожалуйста*.

Он задержал на ней взгляд. Потом кивнул и, не сказав больше ни слова, вышел через прихожую и дальше за дверь.

18

Было начало пятого. Логан шел по длинному коридору четвертого этажа особняка. На полпути он повернул к двум застекленным дверям, за которыми обнаружилась роскошно обставленная гостиная. На застеленном льняной скатертью столике уже стоял изящный чайный сервис: фарфоровые чашечки, поднос с печеньем, большой чайник из нержавеющей стали. Чай был, разумеется, «дарджилинг», а гостиная, разумеется, пустовала, поскольку все обитатели «Люкса» занимались научными исследованиями или по крайней мере притворялись, что занимаются таковыми. Тем не менее стол был накрыт, как и во все другие дни, из года в год; традиция слишком укоренилась, чтобы что-то менять.

Логан достал из кармана пиджака пару сложенных пополам листов – полученный от Олафсона список – и бегло его просмотрел. На данный момент в «Люксе» проживали восемьдесят два ученых, семьдесят ассистентов, сорок четыре штатных сотрудника и еще тридцать человек обслуживающего персонала – повара, охранники, уборщики, разнорабочие и прочие, – всего примерно двести сорок человек. В списке Олафсона значилось пятеро.

Логан перечитал короткую, в один параграф, справку на доктора Теренса Маккарти, значившегося в списке под номером три, убрал листки в карман и огляделся. Противоположную дверям стену закрывали богато расшитые занавеси. Пройдя вдоль них к дальнему углу гостиной, он обнаружил маленькую неприметную дверь. За дверью лежал узкий полутемный проход, и за ним энигматолог наткнулся на вторую дверь, которую тоже открыл.

Здесь его ждал сюрприз: крыша с террасой, заканчивавшейся балюстрадой из потемневшего от возраста мрамора. Отсюда открывался великолепный вид на зеленые лужайки, сады и за ними – вечно ревущее море, снова и снова бросающееся на скалистый берег. Особняк отступал, вытянув к побережью два длинных крыла, восточное и западное.

Тут и там на выложенной блеклым кирпичом террасе стояли круглые стеклянные столики и кованые стулья. Один из них был занят: мужчина в коричневом костюме, с темными волосами и пронзительными голубыми глазами настороженно смотрел на Логана.

Отдав дань великолепию открывшегося вида, энигматолог подошел к столику и опустился рядом с человеком в костюме.

– Доктор Маккарти? – спросил он.

– Просто Теренс.

– Даже не знал, что здесь есть такое местечко.

– О нем никто не знает. Поэтому я его и предложил. – Доктор Маккарти на секунду нахмурился. – Мне известно, кто вы, доктор Логан. Как вы, наверное, понимаете, я к этой встрече не стремился, но Грегори настаивал – пришлось согласиться. Он сказал, что это ради «Люкса». Когда вопрос ставят таким образом, что можно сказать… – Он пожал плечами.

– Позвольте вас успокоить. Я расследую обстоятельства смерти Уилларда Стрейчи. Прежде чем это произошло, несколько человек, резидентов «Люкса», сообщили о некоторых, скажем так, аномальных случаях. Я не назову вам их имен и не скажу, что с ними произошло, как и не расскажу им о вас. Все, что вы сообщите, останется между нами. Не будет ни публикаций, ни пересказов. Если вы знаете, чем я занимаюсь,

то понимаете, сколь важны в моей работе осторожность и осмотрительность.

Слушая Логана, доктор Маккарти внимательно смотрел на него, и выражение настороженности на его лице постепенно смягчалось.

– Хорошо, – сказал он, когда энигматолог закончил. – Задавайте ваши вопросы.

– Прежде всего мне хотелось бы знать, чем вы занимаетесь в «Люксе».

– Я – лингвист.

– Говорят, интересная профессия.

Маккарти промолчал, и Логану пришлось снова проявлять инициативу.

– Пожалуйста, расскажите о ней немного подробнее.

– Какое отношение имеет моя работа к нашему разговору?

– Кто знает. Полезной может оказаться любая информация.

Маккарти поерзал на стуле.

– Вы обещали, что это останется между нами.

– Всё до последнего слова.

– Мне приходилось слышать всякие ужасы об уборщицах, которых подкупают для того, чтобы они собирали мусор в офисах и лабораториях. Не в «Люксе», как вы понимаете, но в других исследовательских центрах и институтах. Конкуренция сейчас очень сильная – исследователей слишком много, а идей мало.

– Понимаю.

Маккарти вздохнул.

– В основном мои исследования касаются малоизученных языков и диалектов, а также их возможного использования для передачи зашифрованной информации. То есть для применения в цифровой криптографии.

Логан кивнул.

– Если еще конкретнее, то я сравниваю относительно хорошо известные языки, такие как навахо или филиппинский диалект маранао, с малоизученными, вроде акурио и тускарора, на каждом из которых говорит десяток-другой людей. Я пытаюсь определить, возможно ли эффективное включение грамматики, синтаксических свойств и прочих факторов таких языков в шифровальную систему, которая не

основывается на простых числах, замещении или других цифровых схемах, принятых в современной криптографии.

– Интересно. Удивительно, что «Люкс» не возражает.

– Почему?

– На мой взгляд, результатами такого исследования, если оно будет успешным, могут воспользоваться военные. Система кодирования – это потенциальное оружие.

Маккарти усмехнулся.

– Не будьте наивным, доктор Логан, потенциальным оружием может быть что угодно. Все дело в том, что, если у меня получится, алгоритмы сформируют базу проприетарных микрочипов, запатентованных сообща «Люксом» и мною, для использования в таких вещах, как роутеры и сотовые телефоны. Забудьте о военных, забудьте обычную войну. Сеть – вот подлинная опасность. Всем известно, какая она дырявая. В Сети могут украсть вашу личность, очистить банковский счет, воспользоваться вашей кредиткой – и это только то, что касается частного лица. Энергетические компании, маршрутизаторы на магистралях Интернета, управление воздушным движением, не говоря уже о секретных правительственных протоколах – ничто из этого не защищено так, как должно быть. Для меня это огромная проблема. Как и для совета директоров «Люкса».

Логан снова кивнул. Работа и впрямь представлялась интересной. *Запатентованных сообща «Люксом» и мною*. Интересной и потенциально весьма прибыльной…

Маккарти махнул рукой.

– Но довольно обо мне. Перейдем к делу.

– Хорошо. Расскажите о… э… происшествии своими словами.

Маккарти молчал. Молчал так долго, что Логан засомневался – уж не передумал ли лингвист, не пошел ли на попятный. Потом он выпрямился и вытянул руку.

– Видите тот камень, там, за японским садом?

Логан повернулся и посмотрел в указанном направлении. Из густой изумрудно-зеленой травы выступал огромный черный камень со сглаженным верхом. Его окружали несколько других, поменьше. Сейчас, ближе к вечеру, на них лежала тень Западного крыла.

– В теплые дни я, бывало, сижу там после ланча и размышляю. Тихое, спокойное место… Смотрю на море, думаю о том, что успел сделать за

утро, чего не смог, собираюсь с мыслями, готовлюсь продолжить работу во второй половине дня.

Логан кивнул. Ни диктофон, ни даже записную книжечку в потертом кожаном переплете он доставать не стал.

– Работа очень важна для меня, доктор Логан. Днем я только ею и занят. Я не из тех, кто нежится, предается фантазиям… Но однажды поймал себя на том, что смотрю в море. Просто смотрю. Не знаю, долго ли это продолжалось. За неимением лучшего слова скажу так: я как будто «вырубился». Но потом очнулся. На следующий день случилось то же самое. Только я уже понимал, что происходит. Я просто не мог отвести взгляд от океана. Все вокруг как будто померкло и замерло. И это состояние продолжалось не менее десяти минут.

– Когда именно это случилось?

– Недель, пожалуй, шесть назад. Во вторник. Я списал все на недосыпание, усталость – занимался тогда довольно сложной аналитической работой. Так или иначе, к камню несколько дней не ходил. Потом, в конце недели, снова туда отправился. – Маккарти снова замолчал, но на камни уже не смотрел. – Была пятница. Мне не хватало этого места. И… – Он сглотнул. – Все повторилось. Только стало хуже. Намного хуже. Я не просто хотел смотреть на океан. Я хотел идти к нему. Спуститься, войти в море и идти, идти… Я поднялся. Чувство было ужасное. Я понимал, что делаю, но не мог остановиться. Что-то влекло меня… – На лбу у доктора Маккарти выступили бусинки пота, и он вытер их тыльной стороной ладони. – А потом еще голос… голос в голове… не мой голос.

– Что он говорил?

– Он говорил: «Да. Да. Иди. Иди».

Маккарти судорожно перевел дыхание.

– Я сделал шаг к морю. Потом еще один. А потом – не знаю как – мне удалось с этим справиться. Не совсем, но все же. Я повернулся и ударил рукой о камень. Несколько раз. – Он поднял руку с перебинтованными костяшками пальцев. – Боль помогла. А еще я кричал. Кричал, заглушая тот голос в голове, выгоняя его оттуда.

Он опять замолчал и на этот раз уже несколько минут не произносил ни слова.

– А потом все прошло. Вот так, запросто. Взяло и прошло. Умолк шепчущий голос. Ушла сила, тянувшая к морю. Как будто некая железная воля, завладевшая моим разумом и телом, внезапно отпустила меня. Никогда за всю свою жизнь я не испытывал ничего подобного. Это

было ужасно. Ужасно. Я перевел дух. Обернулся. И увидел в японском саду двоих. Они *так* на меня смотрели…

Логан кивнул. Так вот откуда все пошло. Вот как о случившемся стало известно. Кто-то стал свидетелем того, как Маккарти колотит рукой по камню и кричит во всю мочь. В голове вдруг шевельнулась неприятная мысль. Руководству «Люкса» доложили о пяти так называемых инцидентах. Энигматолог успел встретиться с тремя их участниками, включая Маккарти. Только один из них обратился потом к штатному врачу «Люкса»; об остальных рассказали свидетели. А сколько же было тех, кто, возможно, пережил нечто странное, необъяснимое, но никому не сообщил, и его никто при этом не видел…

– И это всё? – спросил Логан.

– Всё.

– Рецидивов не было? Ни голосов, ни непонятных влечений, ни ощущения, что вы делаете что-то против своей воли?

– Нет. Ничего. Но и *туда* я больше не ходил. – Маккарти кивнул в сторону камней. – И никогда не пойду.

– Для послеобеденной медитации на территории «Люкса» есть и другие приятные места…

– И то правда. – Маккарти повернулся к Логану и посмотрел на него в упор. – Есть кое-что еще, о чем вы должны знать. У меня, помимо прочего, есть также медицинская степень. Более того, до получения докторской степени по лингвистике я полдесятка лет занимался практической медициной, а в свое время окончил медицинскую школу Джонса Хопкинса с лучшими в классе оценками. Я проходил резидентуру в одной из самых загруженных больниц на Восточном побережье, работал хирургом. Жестокий опыт, мягко говоря. Из пятнадцати стажеров, начинавших вместе со мной, шестеро ушли в первый же год. Еще четверо сменили место работы. Один коллега покончил с собой. Другой уснул за рулем от усталости и погиб, свалившись с моста. Выдержали только трое. И знаете что? За все четыре года резидентуры пульс у меня выскакивал за шестьдесят только на беговой дорожке в спортзале. Я, доктор Логан, тот еще сукин сын, меня сломать непросто. Я не поддаюсь стрессу. У меня отличная концентрация. И меня нелегко запугать. Не забудьте приложить эту информацию к той истории, которую я вам здесь рассказал.

– Обязательно.

– Мы закончили?

– Закончили. – Логан огляделся. – Не против, если я немного посижу здесь, полюбуюсь видом?

– Если только молча.

– Чтобы не портить впечатление? – Логан откинулся на спинку стула. – Конечно. У меня и в мыслях такого не было.

19

Бар «Синий омар» понравился Логану с первого же взгляда – приятная полутьма, запах пива, простота и скромность. В отличие от многих модных, претенциозных ресторанов меню – написанное мелом на черной доске над стойкой – состояло всего лишь из четырех блюд: фиш-энд-чипс, чизбургеры, роллы с омарами и суп-пюре из моллюсков. Располагалось заведение на втором этаже Ньюпортского рыболовецкого кооператива. Часы показывали шесть, и через выходящие на запад окна можно было увидеть рыбацкие лодки, подваливающие к причалу с дневным уловом.

Женщину, для встречи с которой Логан и пришел в ресторан, он увидел сразу, как только глаза адаптировались к полутьме. Изящная брюнетка лет тридцати с небольшим, с длинными темными волосами и миловидным, «сердечком», личиком, сидела за грубым деревянным столом у окна. Увидев его, она поднялась и улыбнулась немного смущенно или – так подумал Логан – расстроенно.

Памела Флад. Часом раньше она позвонила ему на сотовый, номер которого был указан в визитной карточке, оставленной Логаном, извинилась за проявленное утром негостеприимство и спросила, может ли загладить вину, угостив его выпивкой.

Они пожали друг другу руки и сели. К столу подошла официантка с обветренным лицом и такими жилистыми руками, словно она десяток лет отслужила матросом.

– Что будем?

Логан взглянул на стакан мисс Флад.

– Еще один «Сэм Адамс», пожалуйста.

– Принято, – отозвалась официантка и исчезла в полутьме.

– Спасибо, что пришли, – все еще держа улыбку, сказала Памела Флад.

– Спасибо за приглашение, мисс Флад.

– Пожалуйста, зовите меня Пэм. И я хотела бы извиниться за то, что практически выставила вас из дому сегодня утром.

– Всё в порядке. Меня, случалось, выставляли даже из мест получше.

Оба рассмеялись.

Принесли пиво. Логан поднял стакан.

– Значит, архитектура у вас – семейный бизнес.

– Архитекторами были мои дед и прадед. Отец – адвокатом.

– Что вы говорите! Пария в семье.

– Что-то вроде этого. – Памела снова рассмеялась. – В два года я уже строила домики из «Лего». Детство прошло в окружении чертежей и планов, на участках и стройплощадках. Заниматься чем-то еще – такое и в голову не приходило. – Она отпила пива. – Послушайте. Утром, после того как вы уже ушли, я поняла, что вела себя как полная идиотка. А потом вспомнила, где именно видела ваше лицо – на обложке журнала «Пипл», – и мне стало еще хуже. Вот и подумала, что могла бы по крайней мере угостить вас выпивкой, объяснить, почему так себя вела, и узнать, зачем вы ко мне приходили.

Логан сделал глоток.

– Я весь обратился в слух.

– Дело в том... – Она замялась. – Ну, в общем, вы не первый интересуетесь этими планами.

– Вот как? – Логан слегка подался вперед. – Расскажите.

– Это было месяцев шесть назад. Позвонили в дверь, я ответила. На крыльце стоял мужчина. Я сразу поняла – не клиент.

– Как поняли?

– Вы бы тоже научились разбираться, если б сделали столько проектов, как я... Ну да неважно. Он начал спрашивать об оригинальных планах особняка. Сказал, что хорошо заплатит за то, чтобы просто посмотреть на них. Было в нем что-то, что вызвало у меня подозрения. Я ответила, что планы недоступны. Но он не уходил. Стоял у двери и все спрашивал, спрашивал. Где планы, как их можно достать, кому надо заплатить... В какой-то момент я даже подумала, что он, чего доброго, ворвется в дом и все перевернет. В конце концов просто захлопнула перед ним дверь.

– Он сказал, кого представляет?

– Сунул мне визитку. Там была какая-то фирма, о которой я никогда не слышала, – «Айронфист» или что-то в этом роде. По-моему, я сразу ее выбросила.

– Как он выглядел? – спросил Логан.

Мисс Флад на секунду задумалась.

– Что-то определенное сказать трудно. Это было в конце зимы. Помню, темные очки… шляпа… воротник пальто поднят… Примерно вашего роста, но поплотнее. – Она поднесла к губам стакан, сделала глоток. – Однако больше, чем внешность, меня напугало его поведение. Он разве что не перешел к открытым угрозам. Я даже хотела позвонить в полицию, но никаких конкретных улик у меня не было. А потом, недели через две, появилось странное чувство, будто за мною следят. Ничего определенного, только чувство.

– Поэтому вы и меня выгнали взашей? Что ж, обижаться не могу.

– Но потом-то несколько месяцев было тихо. Он больше не приходил. И у меня не было никаких причин так себя вести.

Оконное стекло задрожало от зычного гудка идущего к берегу баркаса.

– А теперь скажите, чем так интересны вам планы «Темных фронтонов»? – спросила мисс Флад. – Насколько мне известно, в «Люксе» есть копии. Мы пользовались ими, когда начали перепроектировать Западное крыло.

Логан повертел стакан, выгадывая секунды, чтобы собраться с мыслями.

– Это как-то связано со смертью Уилла Стрейчи?

Ученый вопросительно посмотрел на нее.

– Вы, конечно, знаете, что я работала с ним по Западному крылу.

– Знаю.

– Вот где настоящая трагедия. Такой приятный человек…

– Как вам с ним работалось?

– Отлично. Если не считать, что со временем он стал слишком большим энтузиастом. Обо всем спрашивал, интересовался назначением каждой архитектурной детали…

– Каким он показался вам в последние недели?

– Не могу сказать. Я не видела его почти три месяца.

– Это обычное дело? В том смысле, что вы ведь вместе перепрофилировали крыло…

Пэм пожала плечами.

– После того как главные конструкционные работы были закончены, доктор Стрейчи привлек генерального подрядчика, который должен был осуществлять ежедневный контроль за ходом строительства. И вообще, как это связано со смертью бедняги Уилларда?

– Как говорится, без комментариев. Скажу лишь, что планы интересуют меня постольку-поскольку. – Логан помолчал. Можно было бы, конечно, что-нибудь придумать, но, хотя он едва успел познакомиться с Памелой Флад, чутье уже подсказывало, что правда, пусть и неполная, могла дать лучшие результаты. – Дело это тонкое. «Люкс» – организация весьма закрытая.

– Что-что, а держать язык за зубами я умею. Знали бы вы, сколько тайников люди порой устраивают в собственном доме…

– Именно этим я здесь и занимаюсь – разгадываю тайну. Видите ли, внутри особняка мы наткнулись на весьма необычную архитектурную деталь.

– *Деталь?* – Теперь уже она недоуменно уставилась на него.

– Да. И эта деталь годами оставалась скрытой. Ни на одном чертеже из тех, что имеются в «Люксе», ее нет. Вот я и подумал, что ваш прадед – если у него сохранился более подробный план – мог бы пролить свет на некоторые вещи.

– Деталь… – повторила Памела. – Какая таинственность. – Она допила пиво. – Вот что я вам скажу. У меня действительно сохранились кое-какие документы, в том числе и оригинальные, со всеми спецификациями, планы «Темных фронтонов». Приходите ко мне в офис, скажем… послезавтра, и мы посмотрим их вместе. Устраивает?

Логан залпом осушил стакан.

– Вы только назовите время.

20

– Да, я видел его, – сказал Роджер Карбон. – Это никакой не секрет.

– Когда именно? – спросил Логан. Мужчины сидели за столом в просторной лаборатории, которую доктор Карбон делил с коллегой.

– Минут за десять до его смерти. В коридоре на первом этаже, недалеко от центральной лестницы. Его вели куда-то, насколько я понял.

– В гостевую библиотеку, – задумчиво кивнул Логан. Он уже поговорил с охранниками, сопровождавшими Стрейчи, но ничего нового не узнал. – Уиллард что-нибудь сказал?

– Ему не до того было – бушевал, как сумасшедший.

Реплика, что и говорить, отдавала дурновкусием, но Логан на наживку не клюнул. Он дошел до конца списка служащих «Люкса» и стипендиатов, с которыми планировал поговорить о Стрейчи, и, заранее предполагая, что разговор будет не из приятных, оставил Карбона напоследок.

– Значит, ты последний, кто видел его в живых.

– Получается так.

– Послушай, Роджер. Ты ведь психолог. У тебя есть какие-то объяснения того, что могло случиться с доктором Стрейчи?

– Я занимаюсь эволюционной психологией и диагнозы не ставлю.

– И что, даже не рискнешь предположить, в чем главная, глубинная причина?

Карбон театрально вздохнул.

– Хорошо. Уиллард, выражаясь профессиональным языком, рехнулся.

Логан нахмурился.

– Весьма профессиональное суждение.

– Знаешь, такое случается. И чаще, наверное, с блестящими учеными, чем с остальными. Даже с теми блестящими учеными, которые, скажем так, свой пик уже прошли.

– Кстати, Перри Мейнард сказал, что это ты предложил назначить доктора Стрейчи ответственным за перестройку Западного крыла.

Вместо ответа Карбон лишь погладил бороду.

– Тебе, похоже, доставляет удовольствие вмешиваться в дела других резидентов «Люкса», – заметил Логан.

– Если ты намекаешь на мои усилия выставить тебя из «Люкса», то в них не было ничего личного. Твоя работа – это псевдонаука, шарлатанство, недостойное стандартов «Люкса». В случае же с Уиллардом я видел образчик медленно портящегося человеческого материала, которому можно найти лучшее применение.

– Почему именно Западное крыло?

– А почему бы и нет? Эту работу нужно было сделать. Хотя, конечно, знай я, что он свихнется, его кандидатуру предлагать не стал бы. – Карбон покачал головой. – Бедняге мерещились какие-то «голоса во тьме»…

Логан быстро взглянул на психолога.

– Когда он говорил о голосах?

– Тогда же, когда проходил мимо.

– Ты вроде бы сказал, что он ничего не говорил.

– *Мне* он ничего не говорил. Просто нес какой-то бред.

Логан задумчиво посмотрел на него.

– Ты же не считаешь, что я в некоторой степени ответственен за случившееся? Думаешь, Уиллард винил меня за то, что я предложил поручить ему перестройку Западного крыла? По-твоему, он покончил с собой из-за какой-то обиды? Смешно.

– Я ничего не сказал, – ответил Логан.

– Если тебе так уж нужен чей-то скальп, поговори с его ассистенткой-гречанкой. Она с самого начала нацелилась на его место.

– Уже поговорил. – Логан поднялся. – Доброго дня, Роджер.

– Будешь выходить, закрой за собою дверь. – Карбон тоже поднялся, повернулся спиной и направился к своему столу. – И не поскользнись на какой-нибудь эктоплазме.

Логан уже выходил, когда у двери другой лаборатории его остановила незнакомая женщина.

– Доктор Логан? Минутка найдется?

– Конечно. – Логан вошел в комнату. На большом столе стояли три компьютера и четыре плоских монитора. Рядом, на полке, теснились с полдюжины блейд-серверов. – Господи… Вы с ними работаете или ремонтируете?

Незнакомка улыбнулась, закрыла дверь и жестом предложила ему стул.

– Работаю. Я – инженер-электрик, специализируюсь на квантовых вычислениях.

Логан кивнул. Хозяйку лаборатории он видел пару раз за обедом – молодая, худенькая, с черными как вороново крыло волосами и глубоко посаженными глазами. Быстрыми, резкими движениями она напоминала птичку. Несмотря на приятную улыбку, ее как будто окутывала невидимая завеса меланхолии.

– Извините. – Она села на ближайший свободный стул. – Я – Лора Бенедикт. К вам обратилась, потому что невольно подслушала ваш разговор с Роджером и хотела бы извиниться за его поведение.

– Спасибо, но в этом нет необходимости.

– Роджер – замечательный ученый, но ведет себя как школьный задира. Иногда кажется, что он никогда не повзрослеет. Ему до сих пор нравится отрывать крылышки у мух.

– Похоже, они с Уиллардом Стрейчи не очень-то ладили.

– Лучшими друзьями точно не были. Но Роджер со многими не в ладах. – Она внимательно посмотрела на него. – Официально вас никто не представлял, но, думаю, я знаю, почему вы здесь. Расследуете случай с Уиллом, так ведь?

– Да. – Логан помолчал. – Вы сказали, вас зовут Лора Бенедикт?

Женщина кивнула.

– Вообще-то, вы и доктор Карбон были последними в списке тех, с кем я планировал поговорить.

Лора вопросительно посмотрела на него.

– Извините, но я должен кое о чем вас спросить. На следующий после смерти Уилларда день вас видели на скамейке перед океаном. Вы сидели, обхватив себя руками, и раскачивались взад-вперед. Человек, видевший вас, сказал, что в какой-то момент вы поднялись и направились к скалам. Но потом вернулись и…

Логан не договорил, увидев в глазах женщины слезы. Она всхлипнула, сначала тихонько, потом громче. Даже менее восприимчивый, чем Логан, человек понял бы, что женщина сломлена горем. Смущенный им же вызванной реакцией, он замолчал.

Через минуту-другую Лора Бенедикт взяла себя в руки.

– Извините. – Она вытерла глаза салфеткой. – Я уж думала, самое худшее позади.

– Это я виноват, – сказал Логан. – Знал бы…

– Нет. Мне нужно научиться как-то с этим справляться. – Мисс Бенедикт шмыгнула носом, взяла дрожащими руками свежую салфетку и высморкалась. – Никакой загадки здесь нет. Я была вне себя от горя. Уилл… Когда я только пришла в «Люкс», он помог мне, взял под свое покровительство. Знаете, здесь бывает очень трудно, уровень интеллекта вокруг порой просто зашкаливает… – Она улыбнулась сквозь слезы. – Уилл был таким терпеливым, таким любезным… Он был моим наставником. Нет, больше. Он был мне как отец, – руки у нее снова задрожали, и она потянулась за салфеткой.

– Я работал здесь некоторое время десять лет назад. Знал Уилла не очень хорошо, но он всегда был человеком добрым и мягким. – Логан помолчал. – У вас есть объяснение случившейся с ним перемены?

Лора Бенедикт покачала головой и снова вытерла глаза.

– В последние недели я видела его нечасто. На следующем заседании Общества квантового инжиниринга мне предстоит выступать с презентацией, и подготовка отнимает столько времени, что и передохнуть некогда. Вот Уилл всегда находил время для меня, а я для него – нет. Постоянно думаю, что если бы поговорила с ним, выслушала, то, может быть… может быть…

– Есть такой симптом посттравматического стресса – вина выжившего. Не надо так думать. – Женщина горевала, и Логану не хотелось тревожить не зажившую еще рану расспросами. – Последний вопрос. Надеюсь, вы меня извините. Когда вас видели идущей к скалам, вы… – Он замолчал, не найдя подходящих слов, чтобы сформулировать вопрос.

– Шла ли я туда, чтобы броситься в море? Нет. Это не мое. К тому же мне еще выступать с презентацией, не забыли? – Она снова улыбнулась, но, как и раньше, невесело, принужденно.

– Спасибо, что были откровенны в трудное для вас время, доктор Бенедикт. – Логан поднялся. – И спасибо за ваши слова о докторе Карбоне.

Лора тоже встала. Глаза у нее немножко распухли и покраснели, но по крайней мере оставались сухими.

– Если у вас будут с ним проблемы, дайте знать. Уж не знаю почему, но со мной он – лапочка.

Вернувшись к себе, Логан открыл на компьютере зашифрованный файл: записал разговор с Лорой Бенедикт – один параграф, и Роджером Карбоном – немного больше. Потом перечитал пять коротких досье – результат встреч со всеми числившимися в списке. Закончив, создал крупноформатную таблицу, тоже зашифрованную, внес в нее пять фамилий и короткий комментарий, почему каждый из пятерых оказался в списке. Потом рассортировал имена по группам. Одна группа состояла из тех, кто работал с доктором Стрейчи; в нее попали Иен Олбрайт и Ким Миколос. В другой оказались те, включая Роджера Карбона, кто оказался свидетелем странного поведения Стрейчи в предшествующие трагедии недели. И, наконец, в третью – вместе с Теренсом Маккарти – попали те, кого Карбон назвал «другими». В этой, последней, группе значилось пять имен, в том числе Лора Бенедикт. Ее Логан пометил

звездочкой – поведение молодой женщины объяснялось обычной скорбью.

Оставшиеся четверо представляли больший интерес. Трое были учеными, один – администратором. Желания обсуждать пережитое не проявил никто. Двое рассказали, что видели или обоняли вещи, которых, как оказалось, либо нет вообще, либо они сильно отличаются от действительности. Трое из четверых признались, что в какой-то момент испытали потребность совершить нечто необычное или несвойственное им. Все четверо слышали музыку или голоса, или и то, и другое.

Логан знал, что паракузия, или слуховые галлюцинации, может являться побочным эффектом нарушений сна, психоза, эпилепсии, энцефалита. Но вероятность того, что четыре человека в столь маленькой группе страдали таким психическим или соматическим заболеванием, была невелика. Кроме того, люди с музыкальными галлюцинациями почти всегда слышат знакомые мелодии, что в данном случае было не так – Логан специально уточнял. Голоса не соотносились со стандартными типами: императивным, нарративным или громким шумом, как бывает при синдроме «взрывающейся головы». Нет, все четверо говорили, что слышали *шепчущие* голоса.

«Видения» и «странные побуждения» – эти слова звучали чаще других. Все началось от шести до восьми недель назад. Во всех четырех случаях люди сознавали, что происходящее с ними, этот феномен аберрантного поведения, – ненормально. Во всех четырех случаях феномен внезапно прекращался – обычно за несколько недель до смерти Стрейчи – и не возобновлялся.

Была еще одна, особенно интересная общая черта. При сопоставлении записей выявилась некая модель. Все четверо жили или работали вблизи от Западного крыла.

Западное крыло. Логан чувствовал, что оно неразрывно связано с обстоятельствами смерти Стрейчи. И теперь начинал понимать почему.

21

Плавно переключив передачу, Логан повернул с Кэррол-авеню на Оушн. День начался с тумана и моросящего дождика, но к полудню погода – по крайней мере на время – улучшилась: было солнечно и тепло. Энигматолог опустил верхние окна, и ветерок с Хазард-бич принес в салон восхитительно свежий солоноватый запах.

Проблем с питанием в «Люксе» не было – готовили в столовой отменно, а проголодавшиеся могли во внеурочное время воспользоваться услугами небольшого кафе, открытого с 10 утра до 8 вечера.

Единственное, чего не хватало Логану, это чая «Пи-джи типс», к которому он пристрастился, работая над дипломным проектом в Англии. Избавиться от привычки не получилось, и он отправился в город – за коробкой чая и кое-какими туалетными принадлежностями, купить которые намеревался в продуктовом супермаркете на Пэлам-стрит.

Теперь, уже на обратном пути, мысли его вернулись к сказанному Карбоном относительно Ким Миколос. «*Если тебе так уж нужен чей-то скальп, поговори с его ассистенткой-гречанкой. Она с самого начала нацелилась на его место*». Этот отзыв прямо противоречил тому, что говорила о своих отношениях со Стрейчи сама Ким. Странно…

Логан едва успел ударить по тормозам, когда прямо перед его купе с боковой улочки на Оушн-авеню вылетел темный внедорожник. Стиснув зубы, он усилием воли сдержал естественный порыв – погудеть растяпе вслед. За рулем внедорожника – судя по черепашьей скорости, с которой он полз теперь по улице, – наверняка сидел какой-то турист, либо заблудившийся, либо залюбовавшийся видами. Тем более что полюбоваться и впрямь было чем: дорога приближалась к морю, поднимаясь к высшей точке Оушн-авеню, почти в сотне футов над берегом.

Оставшись на второй передаче, Логан мысленно вернулся к Карбону. Чутье подсказывало, что Ким Миколос была по-настоящему потрясена и расстроена смертью Стрейчи. Ничто в ее поведении не указывало на то, что ассистентка стремилась получить его место. И потом она сама говорила, что никаких трений между ними не возникало и никакого напряжения в их отношениях не было.

Внедорожник все еще неспешно катил впереди. Может, они там и не любуются видами, подумал Логан. Может, у них проблемы технического свойства? Машина сбавила ход, потом резко ушла вперед и снова замедлила движение. С такой скоростью путь до «Люкса» мог занять минут десять, а не одну-две, как он рассчитывал. Логан взял влево – посмотреть, свободно ли впереди, но дорога поворачивала вправо, и он ничего толком не увидел. Пришлось вернуться и снова пристроиться за внедорожником.

Карбон, конечно, тот еще паршивец, но зачем ему что-то выдумывать? Или он просто пытался отвлечь мое внимание? Если да, то зачем? И потом, остается еще тот факт, что Стрейчи действительно напал на Миколос незадолго до смерти. Это в какой-то степени добавляло убедительности обвинениям Карбона. И все равно нет, решил Логан. Что-то здесь было не так.

Внедорожник снова взял в сторону и, частично блокируя полосу, притормозил. Логан остановился, и в этот момент невидимый водитель

опустил стекло и, высунув руку в перчатке, помахал – проезжай. Энигматолог благодарно помахал в ответ, выехал на левую полосу и уже собрался переключиться на третью передачу…

В этот самый момент лениво пофыркивавший внедорожник внезапно взревел и резко повернул к «Лотусу». Сердце мгновенно сорвалось в галоп. Логан вдавил в пол педаль тормоза, но темная громадина внедорожника продолжала надвигаться на купе сбоку, грозя сдвинуть его с дороги.

В отчаянии Логан резко взял влево, к узкой обочине. Колеса выскочили на песок, «Лотус» развернуло и понесло к каменистому краю, за которым открывался жутковатый вид на отвесный обрыв и громадные камни внизу. В ушах грохотал пульс. Вертя руль в противоположном направлении, Логан почувствовал, как левое заднее колесо просело, соскользнув на самый край. Он переключился на первую, отпустил тормоз и дал полный газ вперед. В последний момент задние колеса нашли опору, и «Лотус» то ли дернулся, то ли скакнул вперед – на обочину.

Логан заглушил мотор и выпрямился, отдуваясь.

Облачко песка и пыли постепенно осело, красный туман в глазах рассеялся. Энигматолог снова посмотрел влево, на головокружительный, в добрую сотню футов обрыв, заканчивавшийся у самого океана. Потом, все еще чувствуя глухой стук в груди, взглянул на дорогу. Умчавшийся далеко вперед внедорожник свернул на боковую улочку и исчез из виду.

22

В девять часов вечера Логан встал из-за стола в своем кабинете на третьем этаже «Люкса» и подошел к ближайшему окну. Непогода в конце концов взяла верх, и над Ньюпортом разыгралась настоящая буря. Набухшие тучи проносились перед ликом луны, подстегиваемые ветром потоки дождя били в освинцованные стекла окон.

Задумавшись, ученый несколько минут смотрел на бушующий океан, яростно обрушивавшийся на скалистый берег. Потом вернулся к столу. Рядом с заметками, сделанными после встреч с самыми разными людьми, лежали короткие досье примерно на дюжину ученых и администраторов «мозгового центра»: Роджера Карбона, Теренса Маккарти, Перри Мейнарда, Лору Бенедикт. К последней жизнь была в последнее время особенно немилостива: потеря наставника и покровителя стала уже третьей в череде утрат. Несколько лет назад от рака умер ее дедушка, а вскоре после этого она еще и овдовела. Ее муж, летчик-любитель, погиб в результате воздушного столкновения с другим самолетом. И тоже во время шторма…

Логан пролистал кое-какие страницы, потом отодвинул папки в сторону. Под ними лежала еще одна: файл с материалами по Ким Миколос. Вечером, в столовой, энигматолог намеренно сел за один с нею обеденный стол. Она оказалась прекрасной собеседницей, остроумной и обаятельной, и только тема смерти Стрейчи все еще оставалась для нее болезненной. Мисс Миколос также подтвердила, что Стрейчи заботливо, по-отцовски опекал Лору Бенедикт. Чутье снова укрепило Логана во мнении, что Карбон, то ли из злобы, то ли в силу заблуждения, не прав в отношении Ким – она вовсе не стремилась заполучить работу шефа.

Он повернулся к компьютеру, вывел на экран зашифрованную таблицу с «другими» и на всякий случай просмотрел ее еще раз. Нет, сделанные им выводы верны, ошибки быть не может.

Еще несколько минут Логан смотрел на экран, потом выключил компьютер. Пора.

Он взял с полки телефонный справочник «Люкса» и стал перелистывать страницы, пока не нашел нужный номер: апартаменты доктора Олафсона.

На другом конце трубку сняли после третьего гудка.

– Олафсон.

– Грегори? Это Джереми Логан.

– Джереми… Я как раз сделал пометку на календаре позвонить тебе завтра, обсудить ход расследования.

– Я поэтому тебе и звоню. Хотел бы заскочить на пару минут.

Пауза.

– Сейчас?

– Если ты ничем больше не занят.

На другом конце зашуршали бумагами.

– Конечно. Буду ждать.

– Спасибо. – Логан положил трубку и, даже не потрудившись захватить сумку, поспешно вышел из комнаты.

23

Апартаменты Олафсона находились в восточном конце Дамской дорожки. Директор встретил гостя не в своем обычном темном костюме, а в брюках-хаки и кашемировом джемпере с V-образным вырезом. В руке он держал стакан с неразбавленным виски.

– А, Джереми… – Мужчины обменялись рукопожатием. – Заходи.

– Извини. Свалился как снег на голову… Но дело срочное и ждать никак не может.

Они прошли по коридору в гостиную. В отличие от особняка в целом, отдававшего предпочтение эдвардианскому стилю, апартаменты директора – как уже следовало догадаться по картинам в его офисе, выполненным в духе абстрактного импрессионизма, – были оформлены в стиле баухауз. Хромированные, с кожаными сиденьями и спинками стулья, столы со стеклянным верхом, непривычного вида книжный шкаф в стиле зиггурат – типичный образчик школы Марселя Бройера. Большие окна на восточной и южной стене предлагали полюбоваться волнующими видами разыгравшейся бури.

– Скотч? – спросил Олафсон, направляясь к бару.

– На два пальца, спасибо.

Олафсон взял еще один стакан, плеснул «Лагавулина», подал напиток гостю и, указав на кресло, сделал глоток.

– Первая стадия завершена, – начал Логан. – Я прочитал все отчеты и досье, просмотрел записи с камер наблюдения, проверил биографию Стрейчи, ознакомился с его работой и поговорил со всеми, кто пересекался с ним в последние семьдесят два часа его жизни. Сделал все возможное в рамках стандартного расследования.

– И что?

– Я согласен с тем, что ты сказал пять дней назад, когда я только приехал. У Уилларда Стрейчи было все, ради чего стоит жить. За его спиной – прекрасная карьера, впереди – заслуженный отдых. Этот человек не стал бы совершать самоубийство; тем более что такой акт совершенно противоположен его темпераменту. – Логан пригубил виски. – В последние недели с ним что-то случилось. Это *что-то* полностью его изменило, а потом и толкнуло к самоубийству, заставило покончить с собой тут же, на месте. Я убежден, что это что-то имеет отношение к его работе в Западном крыле.

– Западное крыло, – пробормотал Олафсон.

– Точнее, в секретной комнате. Связь есть, в этом я уверен. Если мы хотим знать, что случилось со Стрейчи, нам нужно выяснить, что она собой представляет. Я должен знать назначение комнаты.

За окном коротко и внезапно выстрелил гром. Через мгновение комнату озарила зловещая вспышка молнии.

Олафсон нахмурился.

– Не знаю, Джереми. Мне представляется, твои выводы немного притянуты за уши. Как его работа по перестройке Западного крыла может быть связана с самоубийством?

– У Стрейчи были ключи от крыла. Он несколько месяцев работал над его перепланировкой и реконструкцией и знал это место лучше любого другого. Ты не забыл про то отверстие в стене? Его заштукатурили. И ты сам сказал, что это может означать только одно: *возможно, он ее обнаружил*.

Олафсон медленно поставил стакан на ближайший столик.

– Ты прав. Я действительно так сказал.

– Как я уже говорил, все возможности стандартного расследования исчерпаны. Пришло время предпринять нестандартное расследование.

– На что оно будет направлено?

– На разгадывание загадки забытой комнаты.

– Загадка… Интересное слово.

– Сама комната – сплошные загадки. Каково ее назначение? Почему ее нет на архитектурных планах? С чего вообще такая таинственность? И почему Стрейчи покончил с собой, когда узнал – или был в шаге от того, чтобы узнать, – о ее существовании?

Директор не ответил.

– Есть и еще кое-что. *Другие*, как называет их Карбон, – резиденты «Люкса», за которыми в последние недели замечали странное или несвойственное им поведение, – говорили мне, что видели, слышали или чувствовали запах вещей, которых на самом деле не было. Они говорили о необычных влечениях, в одном случае – самоубийственном. Но вот что самое интересное – все четверо жили или работали вблизи Западного крыла.

– Ты в этом уверен?

– Уверен. Все проверено и перепроверено.

Олафсон потянулся за стаканом.

– Если мы хотим разгадать эту тайну, мне нужно твое разрешение, чтобы сосредоточиться на Западном крыле и в первую очередь на забытой комнате.

Олафсон приложился к стакану. Вздохнул. И наконец медленно кивнул.

– А еще мне понадобится помощник.

– Что?

– Я – историк, энигматолог, а не инженер-механик. Мне нужен человек, умеющий то, чего не умею я.

– Но мы же договорились, что о существовании комнаты никто больше не узнает.

– Договорились, да. Но чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, что не справлюсь с задачей в одиночку.

На какое-то время в комнате повисло молчание.

– Даже не знаю, Джереми, – с сомнением протянул директор. – Смерть Стрейчи, конечно, большая беда, но эта комната… Ее ведь не просто так запечатали – должна была иметься какая-то веская причина. Мы не можем позволить себе ни малейшего пятна на репутации «Люкса».

– Это я уже слышал. И прекрасно отдаю себе отчет в том, сколь деликатная сложилась ситуация. Но это наш единственный шанс выяснить, что же случилось с доктором Стрейчи.

Логан умолк, ожидая ответа.

– Это должен быть человек, на которого мы можем полностью положиться, – сказал наконец Олафсон.

– Я лично за нее ручаюсь.

– За нее? – удивился Олафсон. – Ты уже кого-то наметил?

– Ким Миколос, ассистентка Стрейчи.

– Но почему Миколос? Я к тому, что она ведь даже не стипендиат.

– Миколос – наилучший вариант. Лучше кого-либо другого знает, чем занимался Стрейчи, в том числе и его работу в Западном крыле, а это немаловажно, учитывая, что строителей распустили на все четыре стороны. Она знает людей, знает политику «Люкса» и на мои вопросы отвечала честно и откровенно. Но что самое главное, Миколос – специалист по реверсивному инжинирингу. А мне как раз и нужен человек, который помог бы провести обратную разработку.

– Не уверен, что могу одобрить такое решение. И сомневаюсь, что его одобрят члены правления.

– Правление знает о забытой комнате?

– Конечно нет.

– Тогда им и об этом лучше не знать.

– Но это же частная, замкнутая организация… Привлечение Миколос идет против всех наших принципов компартментализации и конфиденциальности.

– А самоубийство не противоречит принципам «Люкса»?

Олафсон не ответил.

– Как я уже сказал, это единственный способ получить ответы, которые тебе нужны. И не забывай: я здесь потому, что *ты не знаешь*, что и почему случилось с Уиллардом Стрейчи. Посмотри хотя бы на тех других, четверых. Посмотри, что случилось с ними. Ты можешь позволить себе просто отгородиться от Западного крыла, отвернуться и сделать вид, что ничего не происходит? Кто знает, что нам готовит будущее… Часики тикают, а ты притворяешься, будто никакой бомбы нет.

Олафсон вздохнул.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, мне ничего не остается, как согласиться.

– Спасибо, Грегори.

Директор прошел взглядом по комнате.

– Когда планируешь начать?

– Завтра с утра и приступлю, – ответил Логан и допил виски.

24

В то время, когда энигматолог возвращался в свою комнату на третьем этаже, в небольших апартаментах дальней секции второго этажа другой резидент «Люкса» нетерпеливо расхаживал по комнате. Свет был выключен, и темноту разрывали лишь всполохи молний за многостворчатыми окнами.

По прошествии нескольких минут этот беспокойный резидент, вероятно, приняв некое решение, подошел к телефону и набрал номер с кодом 401.

Раскатистый баритон ответил после первого же гудка.

– Оперативный. Абрамс.

– Знаете, кто звонит?

– Да, – ответил человек, назвавшийся Абрамсом.

– Это ведь вы несете ответственность за сегодняшнее происшествие? Я говорю о столкновении с Логаном на дороге.

– Вы как о нем узнали?

– Он рассказывал за обедом. В таком месте, как «Люкс», трудно сохранить что-то в секрете. Но это к делу не относится. Что за фокусы? Вы с ума сошли?

– Но он знает о комнате. Вы же сами сказали. Если начнет совать туда нос, все может рухнуть.

– Все рухнет, если вы убьете его прямо в городе. Мы так не договаривались. Логан – фигура слишком заметная. Вы только вызовете подозрения. Да еще и меня можете раскрыть.

– Логан в этом уравнении – неизвестная переменная. Мы не можем допустить, чтобы он оставался в «Люксе».

– Он ничего не узнает. Я действую очень осторожно.

– Риск необходимо исключить полностью, – сказал человек, назвавшийся Абрамсом. – Ставки слишком высоки. Если бы только он подождал еще несколько дней, прежде чем…

– Так получилось, что он не подождал, и нам приходится играть теми картами, что достались при сдаче. Послушайте… Больше никаких маневров за моей спиной. Никаких опрометчивых решений без консультации со мной. Иначе… иначе я выйду. И обращусь по другому адресу.

– Это было бы глупо. Вы слишком глубоко увязли.

– Тогда слушайте. Делать будем *по-моему*. Думаю, Логан считает все произошедшее несчастным случаем. Для вас это хорошо. Если же он что-то заподозрит, то станет в десять раз опаснее, чем сейчас.

– Так как же все-таки «по-вашему»?

– Логан – моя проблема. Дайте мне с ним разобраться. Я знаю, что нужно делать.

– Так вы хотите?..

– Совершенно верно.

– Тогда не тяните. Часики тикают, и времени у нас уже немного.

– Поэтому я и буду действовать быстро.

В трубке сухо щелкнуло – разговор закончили.

– Странно. Серьезно, очень странно. – Ким Миколос стояла посередине забытой комнаты, изумленно озираясь по сторонам.

Первой реакцией бывшей ассистентки доктора Стрейчи – после того, как Логан ввел ее в курс дела, предварительно взяв обещание держать все в секрете, – было недоверие, потом шок и, наконец, смешанное с изумлением любопытство. Прислонившись к рабочему столу, Логан наблюдал за тем, как она ходит по комнате, что-то рассматривает, к чему-то прикасается и тут же, словно боясь обжечься, отдергивает руку.

Стоящая в углу вольфрамовая лампа заливала комнату ярким светом, одновременно бросая на дальнюю стену глубокие, зазубренные тени. Повернувшись к столу, Логан открыл сумку, достал видеокамеру и портативный плеер, который поставил рядом с неизвестным оборудованием и включил. По комнате мягко поплыли ритмы Jazz Samba[14].

– И вы говорите, что проводившиеся здесь исследования были внезапно остановлены в середине тридцатых? – спросила Ким.

Логан кивнул.

– А комната была запечатана и пребывала в безвестности до сегодняшнего дня?

– Похоже, что так. И все документы и записи, имевшие отношение к происходившему здесь, похоже, исчезли из архивов «Люкса».

– А как же доктор Стрейчи? Он обнаружил комнату перед… – Она не договорила.

– Наверняка не знаю, но вполне возможно.

– Так почему вы выбрали меня? – спросила Миколос, отрываясь от знакомства с комнатой и переводя взгляд на энигматолога. – Чем я могу помочь?

– Вы были его ассистенткой. Вы знакомы с компьютерной логикой, реверсивным инжинирингом. Чтобы разгадать загадку этой комнаты, мне нужен мозг вроде вашего.

– Разгадать загадку?

– Да. Уверен, только разгадав эту загадку, я узнаю, почему умер доктор Стрейчи. Кроме того, с чисто практической точки зрения мне не обойтись без второй пары рук. – Он поднял видеокамеру. – Хочу, чтобы вы записывали все, что мы здесь делаем.

Миколос кивнула.

– Так с чего мы начнем?

– Я много об этом думал. Полагаю, самое важное – понять назначение этой штуки. – Он посмотрел на стоящее в центре комнаты устройство, напоминающее огромный гроб из полированного дерева.

– Интересная штука. Похожа на «Таинственную машину» на стероидах.

– Что?

– «Таинственная машина». Игровой автомат. Раньше такие стояли в пассажах. Большой деревянный или металлический ящик, разукрашенный вопросительными знаками. Ни ручек, ни рычажков, ни кнопок. Бросаешь в него пенни, потом бьешь кулаком или пинаешь – в общем, стараешься заставить его что-то сделать.

– Вы только не пинайте его, пожалуйста.

Миколос кивком указала на громоздкие металлические костюмы, висевшие на металлической штанге у дальней стены.

– А что о них скажете?

– Могу лишь предположить, что это какое-то защитное снаряжение.

Женщина подошла к ближайшему, осторожно взяла за запястье, подняла и опустила руку – веерообразное локтевое соединение легко раздвинулось, приспосабливаясь к движению.

– От чего же оно защищает?

– Это нам и предстоит выяснить. – Логан передал ей видеокамеру. – Видите те латунные пластинки, прикрученные к основанию? На них названия производителей.

Миколос включила камеру и направила ее на пластинки.

– Я проверил названия. «Электрофабрикен Келле» – немецкая фирма, производившая электрическое оборудование. Основана в Дрездене в девятьсот одиннадцатом. Потом несколько раз сливалась с другими компаниями, так что о ее изначальной специализации все забыли. В общем, вся документация сгорела после бомбардировки в сорок пятом. Компания «Розуэлл хэви индастриз» была одним из первых производителей звукового и радиооборудования. Вышла из бизнеса в пятидесятые. Информации мало. Мне удалось лишь узнать, что они выпускали некое специализированное оборудование промышленного назначения.

Сняв устройство на камеру, Миколос задумчиво провела рукой по как будто выраставшим тут и там отросткам: плавно изогнутым панелям

розового дерева, аккуратно подогнанным и закрепленным на корпусе центрального механизма, полностью заключенного в дерево. Внимание ее привлекли римские цифры на полу возле широкого конца устройства. Вернувшись затем к узкому концу, она сняла на камеру деревянный кожух и, указав на два слова, ЛУЧ и ПОЛЕ, выгравированные на другой латунной пластинке, под кожухом, вопросительно посмотрела на Логана.

– Можно начать и отсюда. Место ничем не хуже любого другого, – согласился энигматолог и, подойдя ближе, внимательно осмотрел ключевую скважину непосредственно над пластиной. Потом, достав из сумки фонарик, исследовал ее более детально. Закончив осмотр, положил фонарик на кожух, вынул из кармана набор отмычек и принялся за работу.

– Странные таланты у профессора истории, – заметила Миколос, поднимая камеру.

– Не забывайте, что я еще и энигматолог.

Некоторое время тишину в комнате нарушали только звуки самбы.

– При чем тут Стэн Гетц? – спросила через минуту Миколос.

– Скажу, если пообещаете не смеяться.

– Обещаю.

– Я – то, что называется эмпат. У меня есть дар – если это можно так назвать – слышать, ощущать чувства и переживания других людей, как в настоящем, так и в прошлом. Эта комната… нехорошая. Я слышу здесь музыку, слышу у себя в голове. Стэн Гетц помогает ее отключать.

– И что же это за музыка?

– Агрессивное арпеджио, столкновение нот, волны звука. Тревожащие мелодии, проигрываемые с почти дерзкой виртуозностью.

– То, что вы описываете, очень похоже на Алкана.

Логан остановился.

– Вы уже упоминали его. Он ведь был любимым композитором Стрейчи?

– Шарль-Валантен Алкан. Может быть, самый странный из всех когда-либо живших композиторов. Да, доктор был большим его поклонником. Не считая Баха, только Алкан смог заинтересовать Уилларда тематической и гармонической сложностью своей музыки. Думаю, все дело в математическом складе его ума.

Логан снова склонился над замком, и секундой позже они услышали негромкий щелчок – последний штифт прошел линию разделения. Логан выпрямился, положил руки на кожух розового дерева и осторожно его поднял. Под кожухом обнаружился ряд кнопок и две ручки – одна над меткой ЛУЧ и другая над меткой ПОЛЕ, – каждой из которых соответствовала шкала волюметра и переключатель. В глаза бросалось полное отсутствие пыли.

– И что, по-вашему, все это значит? – спросила Миколос, откладывая камеру и кивком отбрасывая с лица пряди своих иссиня-черных волос.

– Вот вы мне и скажите. Это же у вас голова с мотором, не забыли?

Секунду-другую она молча смотрела на элементы управления.

– Видите что-нибудь похожее на переключатель? – спросил Логан.

– Нет. Но здесь, возле этих кнопок, я бы его и не искала. Логичнее посмотреть сбоку или внизу, поближе к тому, что заводит эту штукенцию.

Осмотрев основание деревянного корпуса, Логан обнаружил прикрепленный к ближнему краю кожух поменьше. Снова пустив в ход отмычки, он снял его уже секунд через десять. Под ним оказались два переключателя; один помеченный – СЕТЬ, другой – НАГРУЗКА.

– Есть, – сказала Миколос, заглядывая ему через плечо и наводя камеру; глаза у нее блестели от волнения.

Логан протянул руку к переключателю электропитания, но в последний момент остановился.

– Попробуем? Или не стоит?

– Пока не попробуем, дальше не поедем.

Логан осторожно взялся за переключатель и повернул. Сначала – ничего. Потом – тихий, почти неслышный гул. Он положил ладонь на главный корпус и ощутил легкую вибрацию.

– Что-то есть? – спросила, ведя съемку, Миколос.

Логан кивнул.

– А это что? – Она указала взглядом на переключатель НАГРУЗКА.

– Возможно, регулирует нагрузку от источника напряжения.

– Другими словами, что-то вроде коробки передач в автомобиле, когда переключаешься с нейтралки на первую передачу?

– Примерно так.

Они посмотрели друг на друга, потом на переключатель. Логан протянул к нему руку.

– Может, стоит сначала надеть эти защитные костюмы? – то ли в шутку, то ли всерьез предложила Миколос.

Вместо ответа он решительно взялся за переключатель и повернул в активное положение.

Ничего.

– Сломалась, – сказала через секунду Миколос.

– Необязательно. Мы не знаем назначения всех переключателей и шкал на передней панели. Может быть, управление идет через них. Но давайте сначала посмотрим, удастся ли снять остальные кожухи.

Логан вернул в исходное положение оба переключателя. Вибрация прекратилась. Вооружившись отмычками, он снял два деревянных кожуха, закрепленных по бокам устройства, а потом металлическую пластинку, закрывавшую широкий дальний конец. Под боковыми кожухами обнаружились сложные штуковины из металла и резины. Одна походила на некую громоздкую футуристическую антенну; другая представляла собой что-то вроде лабиринтообразного радиатора из двух рядов горизонтальных труб.

Логан покачал головой. Пока получалось так, что каждый шажок вперед лишь открывал новые загадки.

Они склонились над похожим на антенну устройством.

– Ваше мнение? – спросил Логан. – На что это похоже?

– Посмотрите на панель. – Миколос указала на помещенную под устройством легенду: ЭФГ 112-А. ПАТЕНТ 4,125,662. УОРЭМ ЭЛЕКТРИК КОМПАНИ, БОСТОН. ДОПУСК 1 – 20 MG, 1 – 15 MT.

– mG, – вслух прочитал Логан. – Как думаете, это миллигауссы?

– Думаю, что да. А mT – это, наверное, микротесла.

– Тогда вся штуковина… – начал Логан, но не договорил.

– Примитивный генератор электромагнитного поля. А это, – Миколос указала на нижнюю секцию агрегата, – возможно, катушка роторного генератора.

Логан вдруг отступил от машины на шаг.

– В чем дело?

Он не ответил.

– В чем дело? – повторила она, хмуря брови.

– Одна из функций таких генераторов, – сказал наконец энигматолог, – обнаружение изменений в электромагнитных полях.

– Да, помню, нам говорили об этом на курсах электротехники. И что?

– В той области, где работаю я, они используются для особого рода электромагнитных изменений. Точнее, для обнаружения искажений вследствие паранормальных явлений.

Миколос посмотрела на него с удивлением и даже недоверием.

– Вы же не имеете в виду, что эта машина построена для… обнаружения *привидений*?

– Мне такой вариант представляется возможным. В тысяча девятьсот тридцатые спиритуализм и мистицизм были на пике популярности, вызывали большой интерес и…

– Подождите. Вы начинаете меня пугать. – Теперь уже Миколос отступила от машины. – По-вашему, эту штуковину изготовили для обнаружения привидений, а потом забросили, потому что она не сработала?

– Может быть, – пробормотал Логан. – Или же потому, что сработала слишком хорошо.

26

Офис Памелы Флад занимал просторное помещение в задней части старого дома на Перри-стрит. Для рабочего кабинета оно выглядело на удивление элегантным. Старинные чертежные столы, блеклые фасады в рамах, технические справочники в потемневших от времени деревянных шкафах напоминали о прежних поколениях архитекторов, а привнесенные Памелой феминистские штрихи добавили комнате свежести и красок.

– Пожалуйста, садитесь. – Памела указала Логану на металлический стул возле одного из чертежных столов. – Извините, но ничего более удобного здесь нет.

– Всё в порядке. – Взглянув на стол, Логан заметил на нем несколько выполненных карандашом архитектурных набросков. – Работаете по старинке?

– Карандашом я выполняю только первые наброски. Приходится, знаете ли, идти в ногу со временем. У меня программный пакет на базе САПР – это чтобы клиенты были довольны; а еще я изучаю ИМС.

– ИМС?

– Информационное моделирование строительства. – Она перешла к другому чертежному столу, на котором лежали свернутые в тугой рулон старые чертежи. – Принесла их сегодня утром из подвального хранилища. Комплект планов «Темных фронтонов», принадлежал лично моему прадедушке.

– Мы можем посмотреть чертежи второго этажа Западного крыла?

– Конечно. – Памела просмотрела листы, выбрала нужный и расстелила на столе перед Логаном. – Должна сказать, с трудом удержалась от соблазна взглянуть самой.

– Без меня вы бы не знали, где искать.

– Хотите пари? – спросила она с неподдельной улыбкой уверенного в победе человека.

Логан переключил внимание на чертеж. Как и тот, что хранился у Стрейчи, этот был весь испещрен линиями, числами и пометками. Но, заново разбираясь в скоплении комнат и коридоров, энигматолог вдруг с удивлением обнаружил найденную им комнату едва ли не в центре этажа. Вдоль ее западной стены проходил коридор; северная сторона граничила с воздухопроводами и инженерными коммуникациями, а к востоку и югу лежали помещения, обозначенные как ГАЛЕРЕЯ и ИЗОСТУДИЯ. Сама комната осталась непомеченной.

– Странно, – сказала Памела лишь несколькими секундами позже, указывая пальцем на ту самую комнату, которую уже изучал энигматолог. – Здесь нет дверей. Я не понимаю, каково ее назначение. Лестницы здесь быть не может – они есть там и там, и еще одна была бы лишней… – Женщина помолчала. – Может, чертеж незаконченный… Нет, вот здесь подпись моего прадеда. Очень странно.

По дороге из «Люкса» к дому Памелы Логан поймал себя на том, что вступил в спор с самим собой. Решение пришло только теперь, когда мисс Флад отыскала забытую комнату практически одновременно с ним.

– Не стану требовать от вас обета молчания или чего-то в этом духе, но можете ли вы пообещать, что этот разговор останется между нами?

Памела кивнула.

– Что о нем не узнает больше никто? Ни ваши друзья, ни члены семьи?

– Семьи у меня нет. И хранить секреты я умею.

– Хорошо. – Логан мягко прижал пальцем ее палец, все еще указывавший на забытую комнату. – Это и есть та самая «необычная архитектурная деталь», о которой я говорил вам в «Синем омаре».

– Правда? – Памела удивленно уставилась на него. – И что же это?

– Надеюсь, вы поймете, если я не стану вдаваться в подробности. Достаточно будет сказать, что это – забытая комната, неиспользуемая и фактически остававшаяся неизвестной более пятидесяти лет. Я обнаружил ее при осмотре Западного крыла, когда выяснял, почему Стрейчи столь внезапно остановил работы.

Логан понимал, что Олафсон будет категорически против привлечения, пусть даже косвенного, к расследованию Памелы Флад. Но он рассчитывал, что она – с учетом ее профессиональных знаний, семейной связи с автором оригинального проекта особняка и близких рабочих отношений с доктором Стрейчи – может принести немалую пользу.

Памела недоверчиво покачала головой.

– Вы хотите сказать, что эта комната была скрыта намеренно? Но с какой целью? И почему у нее нет ни входа, ни выхода?

– Ответов на все вопросы у меня нет, да и разговор сейчас не об этом. Я хотел увидеть ваши чертежи в надежде, что они прольют свет на загадку.

Прежде чем ответить, Памела еще раз взглянула на план.

– Да, света они пролили немного. Ясно только одно: чертежи, с которыми я работала в «Люксе», были изменены по сравнению с оригинальным проектом моего прадеда.

– А еще из них следует, что комната реально существовала при жизни первого владельца особняка. Можно предположить, что построить ее попросил сам Делаво, личность, мягко говоря, весьма эксцентричная. Но мы так и не узнали, *почему* планы были изменены. Сама конструкция изменениям не подверглась – комната, показанная на этом листе, и сейчас находится в том же месте. Приходится предположить, что планы были изменены намеренно, с целью скрыть существование комнаты.

– Но кем? И почему?

– Надеюсь, в архиве вашего деда есть другие документы, которые, возможно, помогут в поиске ответов.

– Я займусь этим незамедлительно и… – Памела переменилась в лице, как будто в голову ей только что пришла какая-то мысль. – Минуточку. Тот человек, о котором я вам рассказывала, тот жутковатый тип, досаждавший мне прошлой зимой расспросами об оригинальных планах «Люкса»… Думаете, он знал об этой комнате?

– Не обязательно. – Вообще-то, Логан считал такой вариант вполне возможным, но зачем добавлять молодой женщине причин для беспокойства? – Мы можем еще немножко задержаться и просмотреть остальные планы? А вдруг этот… э… сюрприз не единственный…

– Конечно. – И Памела повернулась к рулону чертежей.

Они потратили еще двадцать минут, внимательно изучая планы, и даже обнаружили несколько весьма любопытных помещений – клетка для льва, гимнастический зал, образцом для которого послужила римская купальня, тир для стрельбы по тарелочкам, – но не нашли ничего подобного тайной комнате.

– Как думаете, сколько времени вам понадобится, чтобы просмотреть бумаги вашего прадеда? – спросил Логан, когда Памела начала сворачивать чертежи.

– Не очень много. За день справлюсь.

– Тогда, может быть, поговорим об этом завтра за обедом?

Лицо Памелы осветила теплая улыбка.

– Я не против.

Они прошли через весь дом в гостиную, где впервые встретились несколько дней назад.

– Меня особенно интересует, почему эта комната была построена, а еще больше – как в нее предполагалось проникать.

– Будет сделано.

Логан открыл дверь и вышел в собирающиеся вечерние сумерки.

– До завтра, – сказала Памела.

Энигматолог кивнул.

– Уже с нетерпением жду.

Возвращаясь в «Люкс» – с большей, чем обычно, осторожностью, учитывая недавнюю неприятность на этом маршруте, – Логан думал о том, что узнал и чего не узнал. Он уже не сомневался, что в какой-то момент в начале XX века «мозговой центр» обнаружил тайную комнату и пришел к выводу, что ее можно использовать для проведения работы, которая, даже не попав официально под запрет, была настолько необычной, что ее утаили от штатных сотрудников. Устройство для обнаружения привидений вполне подпадало под эту категорию.

Устройство для обнаружения привидений. Мысли снова повернули к странной машине с допуском в миллигауссах и микротеслах. Логан сказал Ким Миколос, что генераторы электромагнитного поля, подобные этому устройству, могут использоваться именно для этого. Чем энигматолог не поделился с ней, так это другим своим подозрением: похожая на радиатор штуковина могла быть ЭГФ-регистратором. Такими приборами пользовались для мониторинга феномена электронного голоса. Непосвященные принимали такие электронные шумы за банальные радиопередачи. Исследователи же сверхъестественного считали, что ЭГФ-регистратор может улавливать голоса умерших. Более того, при проигрывании эти голоса могли индуцировать активность – фигурально выражаясь – паранормального свойства.

Если это так, то машину могли построить не только для того, чтобы обнаруживать привидения, но и чтобы *вызывать* их.

Не так ли обстояло дело в данном случае? Что, если паранормальные сущности были – намеренно или нет – призваны в «Люкс»? Не этим ли объясняется странное поведение, зловещая атмосфера и… смерть Стрейчи?

Логан повернул к воротам и увидел вдалеке подсвеченную заходящим солнцем громадину особняка, ни манящего, ни враждебного – просто ждущего.

В этот самый момент устройство в забытой комнате включилось, ожило и негромко загудело. А еще через пару секунд темная фигура отступила от машины, и несколько огоньков, еще горевших в окнах пустующего Западного крыла, погасли.

27

Подавив зевок, Тейлор Петтифорд вошел в элегантную столовую «Люкса» и обвел зал немного затуманенным взглядом. Расстановка была стандартная для завтрака: длинные буфетные стойки вдоль стены и, как обычно, круглые столы, застеленные свежими, хрустящими скатертями.

Встав в очередь у буфета, Петтифорд взял поднос, поставил на него большое блюдо и двинулся вдоль стойки. Его любимый завтрак включал в себя свежевыжатый апельсиновый сок, черный кофе и сыр грюйер. На омлетной раздаче он получил завернутый омлет с зеленью, с одной решетки прихватил три сосиски, с другой – пять ломтиков бекона, а из переполненной корзинки – один круассан. Загрузившись таким образом и осторожно балансируя подносом, Петтифорд огляделся, отыскивая свободное место. За столом у ближайшего угла сидел его друг и товарищ

по несчастью Эд Крэндли. Совершив сложный маневр, Тейлор достиг цели, бухнулся на стул рядом с Крэндли и устало простонал:

– Снова в забой.

Приятель, рот которого был забит *pain au chocolat*[15], пробормотал в ответ что-то нечленораздельное.

Петтифорд сделал глоток кофе, отхлебнул апельсинового сока и… замер. Замер, увидев Роджера Карбона, из-за которого он и чувствовал себя совершенно разбитым. Карбон сидел за одним столом с худенькой, похожей на птичку Лорой Бенедикт, специалистом по квантовым вычислениям, занимавшей соседнюю с Карбоном лабораторию. Поскольку симпатий к психологу Лора, как представлялось Петтифорду, не питала, оставалось предположить, что она подсела к нему просто по доброте душевной, увидев, что бедняга ест один.

Роджер Карбон. «Люкс» – об этом знали все – был самым престижным «мозговым центром» страны. Когда, только что окончив Пенсильванский университет со степенью по психологии, Петтифорд получил здесь место ассистента, он чувствовал себя счастливчиком, выигравшим в лотерее.

Какая наивность…

Хотя, конечно, размышлял он, пережевывая первый кусочек бекона, это не совсем так. Репутация «Люкса» основывалась не на пустом месте; через его двери прошло немало прекрасных, выдающихся ученых и исследователей, сделавших первоклассную работу. Многие интерны и ассистенты приобрели здесь бесценный опыт. Взять, к примеру, Эда Крэндли, которому выпал счастливый билет и который работает с уважаемым, беспристрастным статистиком.

А вот Петтифорду откровенно не повезло: в боссы ему судьба назначила Роджера Карбона.

По прибытии в «Люкс» Тейлор оказался совершенно не готовым к встрече с таким человеком, как Карбон. Не готовым к его безжалостному сарказму, раздражительности, импульсивности, придирчивости и нежеланию замечать чужие успехи. Он не давал новичку интересных заданий, не доверял новых проектов, но обращался с ним так, как какой-нибудь профессор в одном из университетов «Лиги плюща» обращался бы с самым последним лаборантом. Не далее как прошлой ночью Петтифорд просидел до двух часов, сверяя библиографические ссылки для последней монографии босса.

«А, ладно, в жизни всякое бывает», – утешил себя Петтифорд, отправляя в рот второй ломтик бекона. Мысли его повернули к приближающемуся уик-энду, и настроение пошло вверх. Небольшая компания из

полдюжины ассистентов готовилась совершить набег на популярный в Ньюпорте прибрежный бар знакомств. Такого рода вылазки случались нечасто из-за загруженности работой и неодобрительного отношения руководства к общению с местным населением, и Петтифорду пришлось приложить немало сил и стараний, льстить, заискивать и даже пообещать проставиться на два круга, чтобы все сложилось наилучшим образом.

– Ты как, в субботу едешь? – с ухмылкой спросил он, толкая приятеля в бок.

– Конечно.

– Знаешь, я уже шесть недель торчу здесь безвылазно. Как бы кабинетную лихорадку не схватить.

– Это потому, что у тебя нет машины.

– Ориентационная литература рекомендует нам…

С другой стороны обеденного зала донеслись громкие голоса, и Петтифорд поднял голову. Расшумелся, похоже, историограф, доктор Уилкокс. Высокий, под два метра, и плотный, он стоял, раскинув руки и привлекая взгляды соседей.

Петтифорд пожал плечами. В серьезном учреждении, каким считал себя «Люкс», Уилкокс был аномалией: добродушный парень со склонностью к мелодраме и порой излишней игре на публику. Сейчас он, скорее всего, развлекал коллег очередной историей из своей бездонной коллекции или непристойным анекдотом. Наколов на вилку сосиску, Петтифорд снова повернулся к Крэндли.

– Это заговор, – сказал он, возвращаясь к прежней теме. – Ни больше ни меньше. Сначала они находят для себя место подальше от города, так что пешком гулять не пойдешь, а потом настойчиво рекомендуют не брать с собою собственное транспортное средство. Платят нам отнюдь не щедро – это же честь работать в «Люксе», и все такое, – так что на такси особенно не покатаешься. Понимаешь? Мы здесь на положении контрактных слуг.

– Такая паранойя – это что-то новенькое, – заметил Крэндли. – Может, тебе стоит перетереть эту тему с твоим приятелем, доктором Карбоном.

– С Карбоном? Да ты шутишь! Это будет последняя капля. – Петтифорд поежился в притворном ужасе.

Между тем шум на дальней стороне зала усилился. Петтифорд вытянул шею. Снова Уилкокс. Теперь он что-то кричал, и это была уже не шутка, не забавный анекдот: глаза у историографа неестественно округлились,

с губ на окладистую бороду летела пена. Сцена привлекла всеобщее внимание: люди поднимались со стульев, кто-то ахал, двое или трое уже спешили к выходу.

Только теперь Петтифорд смог разобрать, что же кричит Уилкокс:

– Уберите их! Выгоните их из моей головы!

Соседи по столику, окружив Уилкокса, пытались его успокоить, уговаривали сесть. К ним присоединились другие – друзья историографа и знакомые, которых у него было немало. Петтифорд в изумлении взирал на происходящее, позабыв о наколотой на вилку сосиске. Уилкокс наконец притих и даже позволил себя усадить, но при этом продолжал трясти головой, словно отгонял надоедливое насекомое. Пауза, однако, длилась недолго. Уилкокс вдруг дернулся, вскочил с ревом и отбросил стул.

– Прогоните их! – завопил он. – Мне от них больно! *Прогоните их!*

Снова собралась небольшая толпа. Уилкокса снова принялись успокаивать, но он вырвался и завертелся на месте, плача и крича, словно что-то терзало его и мучило. Петтифорд застыл от ужаса, когда несчастный в отчаянии вцепился в уши, и из-под ногтей у него потекла кровь.

Внезапно ученый метнулся из-за стола – барабаня по ушам, бросая туда и сюда безумные взгляды. В какой-то момент он встретился взглядом с Петтифордом, и ассистент похолодел от страха. Уилкокс, однако, повернулся к буфетной стойке и с криком: «Вон из моей головы! Пожалуйста, пусть они замолчат!» – ринулся к длинному ряду столов с готовыми завтраками. Стоявшие на раздаче официанты нервно отступили.

Колотя себя по голове, Уилкокс врезался в ближайшего, едва не опрокинув его на пол. К этому моменту все, кроме оцепеневшего Петтифорда, уже были на ногах: кто-то бежал к разбушевавшемуся ученому, кто-то – в противоположном направлении, кто-то – ассистент заметил это краем глаза – звонил по телефону.

Ревя и изрыгая что-то невнятное, Уилкокс окинул безумным взглядом стойку раздачи, рванулся вперед, оттолкнул пытавшихся удержать его доброжелателей и схватил тот самый подогревающий поднос, с которого сам Петтифорд не далее как пять минут назад взял ломтики бекона. Отбросив поднос вместе с разлетевшейся во все стороны ветчиной, он сцапал стоявшие под ним на панели две банки с гелевым топливом для подогрева.

И в этот момент у Петтифорда внезапно появилось жуткое предчувствие того, что будет дальше.

Столовая наполнилась смятенными, беспокойными криками, но сам Уилкокс вдруг притих, а потом абсолютно сознательно прижал банки с топливом к каждому уху. Мгновением позже с его губ снова сорвался вопль, но уже не муки, а боли.

Все, кто был рядом, в ужасе отшатнулись, не веря собственным глазам. Даже прибежавшие на крики охранники остановились, пораженные увиденным. Уилкокс раскачивался взад-вперед – из слуховых каналов вырывалось багровое пламя, от растекшегося топлива вспыхнули бакенбарды и борода. Рев его набирал силу. Бросаясь то сюда, то туда, страдалец сметал со столов тарелки с хлебом, баночки с джемом и мармеладом.

А потом Уилкокс снова остановился. Нет, он не перестал кричать, но больше уже не двигался. Как показалось Петтифорду, в глазах которого происходящее утратило всякое сходство с реальностью и превратилось в кошмар, ученый увидел что-то, привлекшее его внимание. Словно позабыв о горящих ушах и бороде, он шагнул вперед, к промышленному тостеру, взревел во всю мочь, сунул руку в один из четырех слотов, утопил рычажок, а затем – свободной рукой – схватил кофейник с дымящимся кофе и вылил его в тостер.

Пламя… голубая электрическая арка, выгнувшаяся радугой над сервировочным столиком… общий крик ужаса и перекрывший его рвущий горло вопль… и бьющееся в конвульсиях тело Уилкокса, укрытое пеленой поднимающегося дыма.

И над всем этим шумом глухой стук слева от Петтифорда.

Бедняга Крэндли упал в обморок.

28

День неторопливо клонился к вечеру, а Логан, сидя в своем офисе на третьем этаже, корпел над книгами тайных знаний, отчетами о паранормальных явлениях и писаниями знаменитых оккультистов и мистиков: Елены Блаватской, Алистера Кроули и Эдгара Кейси. Полностью отвлечься от шокирующих событий, свидетелем которых ему довелось стать утром, не получалось. Он даже не спустился на ланч, который с учетом обстоятельств организовали в нескольких конференц-залах: учитывая публичный характер случившегося, можно было не сомневаться, что ни о чем другом говорить не будут. Уилкокс занимал апартаменты по соседству. Общались они немного, но историограф произвел на Логана впечатление человека грубовато-добродушного, искреннего и совершенно вменяемого.

«*Вон из моей головы*, – кричал Уилкокс. – *Пожалуйста, уйдите из моей головы*». Логан припомнил слова Стрейчи: «*Оно преследует меня*

повсюду. Оно во мне. В темноте». Слова разные и в то же время, в некотором жутком смысле, похожие.

Логан отложил книгу. А не сделать ли паузу и не навестить ли Уилкокса? Пожалуй, нет. Уилкокса, в состоянии стабильном, но тяжелом, доставили в ньюпортскую больницу, где он, страдая от химических и электрических ожогов, нес какой-то бред и никак не реагировал на вопросы врачей и психиатров. Пока лучше, не теряя времени, продолжить текущее расследование. Если удастся выяснить, что стоит за нервным срывом Стрейчи, то и случившееся с Уилкоксом – и в меньшей степени с некоторыми другими резидентами «Люкса» – возможно, получит свое объяснение.

Логан вернулся к книге, вышедшей в 1914 году под названием «Хроники восставших».

Минут через пятнадцать он наткнулся на пассаж, заставивший его остановиться.

Логан перечитал его несколько раз.

Дух, вызванный посредством сложных ритуалов, описывать которые я здесь не стану, был, без сомнения, злобным. Присутствовавшие (меня среди них не было) говорили об ужасной вони, странном, словно в барокамере, сгущении атмосферы и весьма заметном ощущении зловредного присутствия враждебной сущности, рассерженной тем, что ее потревожили, и не желающей ничего иного, как только причинить вред нарушившим ее покой. Один из членов группы тут же лишился чувств; другой принялся невнятно кричать, и его пришлось связать. Но самое примечательное заключалось в том, что сущность, будучи пробуждена, не рассеялась, но как будто осталась в помещении, где впервые появилась. И действительно, даже теперь, через тридцать лет после описанного события, о ее присутствии свидетельствовали все, кто посещал комнату (лишь некоторые делали это по собственной воле). Среди последних был и я, и данный труд есть подтверждение того, что сущность и поныне пребывает – по неведомым нам причинам – в том помещении, где ее и вызвали впервые.

Логан отодвинул книгу. Он знал по собственному опыту, что определенные места – дома, кладбища, покинутые монастыри – могут служить приютом зловредных сущностей: теней людей или вещей, обитавших там прежде. Чем больше зла в человеке, тем дольше сохраняется после смерти его аура. Некоторые считали такие места посещаемыми привидениями; самому Логану термин не нравился. Но и отрицать тревожное, даже пугающее ощущение опасности, пережитое

при первом посещении забытой комнаты, ощущение, сохранившееся и проявлявшееся потом в той или иной степени, он не мог. Даже сейчас, находясь далеко от Западного крыла, энигматолог испытывал не свойственные ему беспокойство и раздражительность.

Он сказал Ким Миколос, что генератор электромагнитного поля, встроенный в то странное устройство, возможно, является механизмом для обнаружения паранормальных явлений. Привидений. Прийти к такому заключению ему помог отчет о научном исследовании, обнаруженный в архивах «Люкса». Поскольку похожее на радиатор приспособление на боковой стороне устройства оказалось ЭГФ-регистратором, возможно ли, что ученые «Люкса» в 1930-х годах попытались вызвать потусторонний дух и… преуспели?

Логан поднялся из-за стола и медленно прошелся по комнате. В «Хрониках восставших» и десятках других подобных книг приводились примеры того, как эти сущности вызывались из потустороннего мира против их воли и потом оставались в непосредственной близости от места, где их вызвали, – злобные, рассерженные, нежелающие или неспособные вернуться в бездну, из которой пришли.

Не это ли случилось с «Проектом Син»?

Если предположение верно, если ученые добились успеха и получили больше, чем рассчитывали, то многое становится ясным: внезапное прекращение работ, герметизация комнаты, тщательная сортировка архивов «Люкса».

Что же тогда случилось с доктором Стрейчи? Если зловредная сущность пребывала все эти годы в забытой комнате, то он своим вторжением, образно говоря, потревожил невидимое осиное гнездо. Возможно ли, что все дело именно в этом?

И еще одна мысль. Он обнаружил комнату уже вскрытой, уже после того, как ее взломали. Когда? Неизвестно. Но, судя по состоянию запечатавшей дыру штукатурки, недавно. Затем последовала серия происшествий с другими; самое трагическое сегодня утром. Что, если забытая комната служила тюрьмой? Что, если после вторжения Стрейчи то, что содержалось в ней, сбежало и переселилось в особняк?

Раздумывая над поставленным вопросом, Логан подошел к окну офиса. И, подойдя, замер как вкопанный.

Там, за освинцованным стеклом, внизу, на лужайке, была его жена. В желтом летнем платье и широкополой соломенной шляпе, перевязанной банданой – она всегда так ее носила. Прищурившись от солнца, в характерной для нее позе – подбоченясь, упершись рукой в

выставленное бедро, – которую он помнил так хорошо, она махала ему рукой. Ветер с океана трепал подол платья и дергал рукава.

– Кит, – прошептал Логан.

Во рту пересохло, и сердце сорвалось в галоп. Он моргнул, на секунду отвернулся, потом снова посмотрел в окно.

Его жена, Карен Дэвис Логан, все еще была там. Улыбалась, звала. Ее силуэт четко выделялся на фоне разбушевавшихся волн. Ее длинная тень под послеполуденным солнцем тянулась через зеленую лужайку. Вот она открыла рот, сложила рупором ладони, и он услышал – или подумал, что услышал – ее голос: «*Джереми… Джереми…*»

Логан отвернулся. Досчитал до шестидесяти. Медленно повернулся к окну.

Никого. Что и неудивительно, ведь Кит умерла более пяти лет назад.

Логан еще долго смотрел в окно. Потом вернулся к столу. Снова сел. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он достал амулет, который всегда носил на шее, и, сам того не замечая, начал его поглаживать. С ним что-то происходило. Что-то, что он не хотел ни анализировать, ни даже признавать. И дело было не просто в нервах. Ту музыку, тихую, необычную, тревожащую – музыку из кабинета Стрейчи, музыку из забытой комнаты, – он слышал даже вдалеке от Западного крыла. Прошлой ночью Логан проснулся в полной уверенности, что кто-то шепчет ему на ухо, но так и не смог вспомнить, что именно ему шептали. С того времени, с самого пробуждения, ему было не по себе. И вот теперь…

Минут пять он сидел за столом, медленно дыша, дожидаясь, пока уймется сердце. Потом поднялся и вышел из апартаментов. Может быть, бодрящая прогулка поможет восстановить форму.

Оставалось только надеяться.

29

Увлекшись осмотром «Машины» – так они стали называть обнаруженное устройство, – Ким Миколос даже не услышала, как в забытую комнату вошел Джереми Логан. Он тихонько откашлялся, и она испуганно вскрикнула и обернулась, едва не выронив видеокамеру.

– Господи! Вы меня до смерти напугали!

– Извините. – Он положил на рабочий стол свою сумку, с которой почти никогда не расставался.

Миколос пристально посмотрела на энигматолога – глаза припухли и покраснели, как будто он плохо спал, движениям недоставало привычной быстроты и точности. Логан показался ей озабоченным, даже встревоженным, что тоже было ему несвойственно. Может быть, на него так подействовало утреннее происшествие в столовой? Самой Ким там не было, но о случившемся с доктором Уилкоксом она, конечно, уже слышала. Если дело в этом, тогда, конечно, понятно – произошедшее взбудоражило весь центр. С другой стороны, она – пусть даже зная Логана недолго – не отнесла бы его к впечатлительному, легковозбудимому типу. Совсем даже наоборот – что было хорошо, учитывая профиль его работы.

– Так вы получили мое сообщение? – спросила Миколос.

Логан кивнул.

– У вас что-то новое?

Женщина повернулась к Машине. За время после первого ее обследования Логану удалось снять еще несколько пластин, открыв доступ к десятку устройств, больших и маленьких, по большей части металлических, но не только – попадались и приборы в резиновом кожухе, и бакелитовые ручки. Все они прекрасно сохранились в герметичной атмосфере. То, чем сейчас занимались исследователи, напоминало Ким чистку луковицы: снимаешь один слой, а под ним обнаруживается другой. Включать Машину после первого опыта они больше не пытались.

Выключив камеру, Миколос подошла к той части устройства, которую считала рабочей: узкому краю, рядом с которым висели защитные костюмы.

– Мне с самого начала не давали покоя эти термины. – Она указала на две метки, ЛУЧ и ПОЛЕ, и сопутствовавшие им кнопки, счетчики и переключатели. – Что-то в них было знакомое. А вчера вечером поняла.

– И что же? – Логан подошел ближе.

– Возможно, нечто аналогичное есть в компьютерах.

Энигматолог посмотрел на контрольную панель.

– Ну так просветите меня.

Она на секунду задумалась.

– В объектно-ориентированном языке программирования, вроде Java или C Sharp, у вас – выражаясь проще – два типа переменных, локальный и глобальный.

Логан кивнул – продолжайте.

– Локальные переменные ограничены использованием в одной определенной функции, вложенной в бо́льшую программу. При вызове этой функции создается локальная переменная; когда функция завершается, локальная переменная уничтожается. С другой стороны, глобальную переменную могут видеть все функции в программе.

Ким сделала паузу.

– Жду кульминации, – напомнил через секунду Логан.

– Вообще-то, я не электрик, но подумайте вот о чем. Луч и поле. Локальное и глобальное.

– То есть вы хотите сказать… – Логан задумчиво наморщил лоб. – Вы хотите сказать, что у Машины два режима работы?

– Вот именно. Локальный режим – очень специфический и четко ориентированный: «луч». И глобальный – более широкий, более полный: «поле». Думаю, я достаточно неплохо разобралась в элементах управления и готова проверить свою теорию.

Логан ничего не сказал, только перевел взгляд с Ким на контрольную панель и обратно.

Миколос наклонилась, протянула руку к нижней части корпуса, где находились основные переключатели. Включила электропитание. Подождала пять секунд. Включила нагрузку. Выпрямилась и повернулась к контрольной панели.

– Начну с режима «луч». По-моему, он более ограниченный…

Положив ладони на корпус, Миколос ощутила легкую дрожь Машины. Она склонилась над панелью, щелкнула тумблером, обозначенным как «МОТИВАТОР», потом другим, помеченным как «КОНТАКТ», и на секунду остановилась перед поворотным переключателем с цифрами от 0 до 10. Сейчас он стоял на 0. Ким осторожно повернула ручку по часовой стрелке в положение 1.

Вибрация едва заметно усилилась.

Женщина повернула переключатель в положение 2. Ожил волюметр – стрелка качнулась на несколько делений вправо и напряженно задрожала, как пес на поводке.

После следующего, третьего, шага в недрах Машины глухо загудело.

А потом одновременно случились две странные вещи. Ким показалось, что в комнате вдруг стало светлее, причем свет шел не из одного

какого-то источника, а отовсюду сразу, как будто Бог включил солнце. И тут же в голове у нее появился чудной звук, что-то среднее между жужжанием насекомого и гулом меланхоличного хора…

Без лишних церемоний Логан оттолкнул ее в сторону и быстро вернул переключатель в исходное положение. Потом пощелкал тумблерами и, наклонившись, отключил питание. Выпрямился и посмотрел на Миколос. Непонятный холодный блеск в его глазах почти испугал ее.

– Зачем… зачем вы это сделали? – спросила она, отдышавшись.

– Я не знаю наверняка, в чем назначение этого устройства, – сказал Логан, – но точно знаю, что оно опасно. Нельзя играть кнопками и дергать за рычажки, не разобравшись в этой штуке лучше.

– Но вы же и привели меня сюда для того, чтобы я анализировала и экспериментировала, а иначе как же…

– Это было до того, как я понял кое-какие вещи, – перебил ее Логан. – Послушайте, Ким, мне придется установить два основных правила. Первое: никаких экспериментов без предварительного согласования со мной.

– Само собой разумеется. Иначе бы я вас сюда и не вызывала.

– Понимаю и ценю. Я говорю о дальнейших шагах. Второе правило: находясь в этой комнате – или даже вблизи нее, – нужно надевать вот это…

Он порылся в сумке и, отыскав что-то, протянул своей помощнице. Та с любопытством посмотрела на подарок.

Это был своего рода амулет: тонкое кольцо из какого-то металла, похоже меди, с вплетенной в него паутинкой из тонкой крученой проволоки. В паутинке запутались несколько ниточек цветных бус; крошечный фетиш, похоже из кости; и в центре половинка раковины наутилуса, разрезанная продольно и обнажающая спираль последовательно уменьшающихся камер.

– Что это? – спросила Ким, вертя вещицу в руках.

– Моя собственная придумка. Синтез нескольких религий и верований: целительные бусы, которыми пользуются спиритуалисты сантерии; африканские обереги от дурного глаза; ловец снов народа лакота. – Логан взял амулет за кожаные шнурки, привязанные к нему с обеих сторон, и повесил ей на шею.

– Попробую угадать, – сказала Миколос. – Это – ловец призраков.

– Ну, я бы так его не называл… – Логан снова заговорил нормальным голосом. Что-то – возможно прикосновение к амулету – успокоило его. – Скорее, это паранормальный вариант бронежилета. Но и «ловец призраков» – термин вполне даже подходящий.

Миколос завязала шнурочки и опустила амулет под блузку. Ощущение было не слишком приятное – ловец призраков царапался и стеснял движения, – и она, пристально и не скрывая сомнений, посмотрела на него.

– Вы же понимаете, как это… чудно́.

– Возможно. Но это также продукт многолетних исследований самых сокровенных, самых тайных знаний. По крайней мере, меня он оберегал. – Логан ослабил галстук и расстегнул пуговицу, показав, что и сам носит такой же. – Скажите мне вот что. Вам интересно работать над этой нашей маленькой загадкой?

– Вы же и сами знаете. Да, конечно.

– В таком случае считайте этот амулет ценою танца… – Он огляделся. – Я что-то немного устал. Может, продолжим завтра?

Миколос пожала плечами.

– Конечно.

– Спасибо. И за *это* – спасибо. – Логан указал пальцем на теперь уже невидимый амулет. Потом сдержанно улыбнулся, повернулся и неслышно вышел из комнаты.

30

К зданию, находившемуся в нескольких шагах от Темз-стрит, Логан подходил с большими сомнениями. Скромных размеров, выкрашенное невзрачной зеленой краской, оно почти терялось на фоне окружающих громадин. Единственное окно было закрыто шторой, а над входом висела видавшая виды вывеска с надписью: «РЕСТОРАН ДЖО».

Ресторан Джо? Логан остановился и еще раз оглядел заведение. Меню рядом с дверью не было; не было вообще ничего такого, что разогнало бы его сомнения относительно предстоящего обеда.

А потом из-за угла вышла Памела Флад. Оделась она простенько: полосатая, красная с белым, блузка и брюки-капри; под мышкой – бутылка белого вина. Увидев Логана, Памела улыбнулась.

– Как хорошо, что вы сами все нашли.

Он снова взглянул на не располагающий к оптимизму фасад.

– Вообще-то, у меня такой уверенности нет.

Женщина весело рассмеялась.

– Подождите и увидите.

Они прошли в крошечный ресторан с залом на шесть столиков, пять из которых были заняты. К ним сразу же направился средних лет бородатый мужчина в рваных «дангери».

– Мисс Флад! Рад вас видеть!

– Джо! – Она кивнула в ответ и с улыбкой протянула ему бутылку.

– Ваш столик готов и ждет. – Он подвел гостей к незанятому столику и любезно помог сесть.

Логан осмотрелся. Скромный зал был так же скромно обставлен; единственным украшением служили несколько чучел рыб на стенах. Все остальные посетители были явно местными, ни одного туриста он не заметил. *Что и неудивительно*.

Увлекшись осмотром ресторана, Логан не сразу понял, что Памела что-то говорит. Он посмотрел на нее.

– Извините?

– Я говорю, что вы сегодня выглядите немного усталым. И рассеянным.

– Да, извините. День выдался долгий.

Человек, назвавшийся Джо, вернулся к столу с откупоренной бутылкой «Пуйи-фуме». Наполнив бокалы, он отступил и выжидающе посмотрел на гостей.

– Вы уже решили, что будете? – спросила Пэм.

– Но я еще даже меню не видел.

Она снова рассмеялась.

– У Джо меню нет.

Видя замешательство гостя, хозяин поспешил вмешаться.

– Единственный продукт в меню – рыба, – объяснил он. – Выловлена сегодня, будет приготовлена в соответствии с вашими пожеланиями.

– Понятно. А какая именно рыба?

Джо устремил взгляд в потолок, мысленно составляя список.

– Черный каменный окунь, менек, палтус, пикша, скумбрия, камбала, сайда, алоза…

– О’кей, – рассмеялся Логан. Головная боль, весь день собиравшаяся вокруг висков, похоже, начала отступать. Он кивком указал на Пэм. – После вас.

– Филе пикши, пожалуйста, – тут же сказала она. – Припущенное в овощном соусе.

– Очень хорошо. – Джо повернулся к Логану.

– Вы сказали, что приготовите в соответствии с моими пожеланиями? – уточнил энигматолог.

– Жаренная на огне, жаренная на гриле, жаренная в масле, паровая, печеная, в панировке, по-провансальски, «бон фам»… – Джо пожал плечами с таким видом, словно показал лишь верхушку айсберга.

– Попробую морского окуня. Жаренного на гриле.

– Спасибо. – Джо отвернулся.

– Интересное местечко, – заметил Логан, пригубив вино. Вкус оказался отменный.

– Лучшая морская кухня в Новой Англии. Но ни в путеводителях, ни на интернет-сайтах оно не отмечено. Мы, местные, придерживаем его для себя, – объяснила Памела.

Логан сделал еще глоток.

– Кстати, над какими проектами вы работаете сейчас?

Дважды просить не пришлось. Расписав текущий проект – перепрофилирование консервного завода на Темз-стрит в кондоминиум, – Памела поведала о своей большой мечте: крупномасштабном обновлении набережной, которое сбалансировало бы потребности местных жителей, туристов, коммерсантов и рыбопромышленников. План был амбициозный и интересный, и Логан, слушая свою новую знакомую, чувствовал, как растворяются последние сгустки боли. Принесли рыбу – Логан отведал морского окуня и решил, что блюдо приготовлено идеально. Разговор сместился на него самого и обстоятельства, подтолкнувшие его к необычной, созданной им самим профессии энигматолога. Пэм не только интересно рассказывала, но и внимательно слушала, легко и заразительно смеялась, так что, только когда Джо убрал тарелки (не предложив десерта) и принес по чашечке свежего кофе, Логан вдруг понял, что обед заканчивается, а они даже не затронули тему, для обсуждения которой и договорились встретиться.

– Итак? – сказал он, поднимая чашку.

– Итак что?

– Теперь я знаю о вас все, и вы все знаете обо мне. Я весь внимание.

– Ах да. – Памела озорно улыбнулась. – Я покопалась утром в бумагах дедушки…

– И?..

– И обнаружила несколько ссылок на вашу секретную комнату.

Логан отставил чашку.

– Вот как?

– Ее добавили к особняку по просьбе Эдуарда Делаво, – объяснила Памела. – Мало того, Делаво дал очень точные указания: назвал все размеры и строительные материалы и показал ее точное расположение в Западном крыле.

– Он объяснил, для каких целей она нужна ему, что он собирается в ней делать?

– Нет. Прадедушка, похоже, спрашивал, но ответа не получил. Впрочем, Делаво славился своей эксцентричностью. Вы, конечно, знаете про его мини-Стоунхендж.

Логан кивнул.

– Вы нашли дополнительные архитектурные планы комнаты? Какие-то отдельные чертежи или планы, которые пролили бы больше света на все это дело?

– Нет, только несколько набросков. Но есть кое-что еще. – Памела подалась вперед и заговорщически прошептала: – Думаю, я знаю, как войти.

– Что? Хотите сказать, как попасть в комнату?

Она кивнула.

– И как же?

Памела замялась.

– Этого я сказать вам не могу.

– Не можете? Или не хотите?

Она ответила не сразу.

– Ну, может быть, понемногу того и другого. Но чтобы показать вам, как это делается, я намерена прийти в «Люкс» и все показать сама, лично.

– Нет-нет. Извините, но об этом не может быть и речи.

Памела посмотрела на него испытующе.

– Почему?

– «Люкс» – учреждение закрытое. Им не понравится, что этим делом занимается посторонний. Тем более в такое непростое время.

– Но я – *не* посторонняя! Стрейчи консультировался со мною по перепланировке.

– В том-то и проблема. В Стрейчи и в том, что с ним случилось.

Некоторое время оба молчали. Пэм добавила в кофе сливки. Размешала.

– Я не скрытничаю. Я просто не знаю, как именно это сделать. Наброски комнаты не дают четкого представления. Мне нужно увидеть ее собственными глазами, чтобы все понять.

– Олафсон не даст своего согласия. Он и так уже поднял шум, когда я попросил ассистента.

– А вы потяните себя за челку и примите огорченный вид. Вот так, как делаете сейчас. У вас это хорошо получается. Ничуть не сомневаюсь, что трюк сработает.

Логан с удивлением обнаружил, что и впрямь теребит прядку, и тут же убрал руку. Пэм тихонько рассмеялась.

Он покачал головой. Ум, упорство и твердость этой женщины по праву заслуживали восхищения. Не говоря уже о красоте.

– Ладно. Ничего не обещаю. Но попробую.

Они вышли из ресторана, и Логан на прощание поцеловал ее.

31

Следующим вечером, в начале десятого, залитую лунным светом зеленую лужайку, протянувшуюся от «Люкса» к океану, стремительно пересекла неясная фигура. Нырнув в отбрасываемую особняком густую тень и держась поближе к кустам, она проскользнула вдоль заднего фасада к маленькой двери, рядом с которой светилось одно-единственное окно. Здесь фигура на секунду замерла, потом тихонько постучала.

Ответ не заставил себя ждать. Джереми Логан вышел во тьму и закрыл за собой дверь.

Памела Флад подошла ближе. В руке она держала небольшой кожаный кейс.

– Ну вот. Исполнила все твои инструкции. Чувствую себя актером в плохом шпионском фильме. Так что такое ты не захотел сказать по телефону?

– Только вот это. Подумав как следует, я пришел к выводу, что Олафсон либо будет против твоего появления здесь, либо объявит, что ему надо посоветоваться с правлением.

– Говорю тебе, он знает, что я работала с доктором Стрейчи. В чем проблема?

– Я не сказал тебе вчера, но был еще один случай…

– Случай?

– Не стану вдаваться в детали, но в «Люксе» все потрясены. Для Олафсона на первом месте интересы фирмы. Нам нужно делать дело, и я не хочу тратить время, выпрашивая у него разрешение.

– Я прошла через охраняемые ворота – у них будет запись. Они узнают, что я попала сюда не через главный вход.

– Узнают, если только сравнят обе записи. Ты здесь с моего разрешения. Будут спрашивать, скажу, что мы просматривали чертежи. – Логан открыл дверь. – Идем. Если кто-то встретится, держись уверенно, как будто ты здесь своя.

– Легко сказать…

Они прошли по узкому коридору, повернули за угол, в сумрачную галерею, потом еще дальше, в центральный коридор первого этажа, и двинулись в западном направлении. Памела крепко держала кейс.

Одна из дверей открылась. В коридор вышел Теренс Маккарти, лингвист, рассказавший Логану о голосах, гнавших его к морю. Он перевел взгляд с Логана на Памелу и обратно и озадаченно нахмурился. Энигматолог ограничился кивком и задерживаться не стал. Секунду-другую он чувствовал, что лингвист смотрит ему вслед, потом услышал удаляющиеся шаги, приглушенные ковровой дорожкой.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем они достигли декоративных дверей в конце коридора. Логан остановился и с показной небрежностью оглянулся через плечо. Длинный коридор был пуст. Он быстро отомкнул замки, провел Памелу мимо бархатных канатов, а потом через арочный проход в вестибюль.

Стоило Логану закрыть двери, как они с Памелой оказались в полной темноте. Он достал из кармана два фонарика, включил один и протянул его спутнице.

– Осторожнее. Здесь много всего валяется.

– Я же архитектор, не забыл? Стройплощадка для меня место привычное.

По заваленным мусором переходам и полуразрушенным комнатам они пробрались к лестнице, поднялись по ней и продолжили путь по полутемному, напоминающему туннель боковому коридору А. Впереди забрезжил тусклый свет.

Логан остановился у завешенной брезентом стены с запретительной надписью. Из пролома через плотную ткань пробивался яркий желтый свет.

– Запомни, ты ни с кем не должна об этом говорить.

– Никому ни словечка, чтоб мне провалиться.

Подняв брезент, Логан провел Памелу через пролом в секретную комнату. Стоявшая у дальнего края Машины Ким повернулась и посмотрела на них.

– Познакомься – Ким Миколос, – обратился Логан к Памеле. – Работала ассистенткой у доктора Стрейчи.

– Мы знакомы, – сказала Ким.

– Я объяснил Ким, почему пригласил тебя, – продолжал Логан, но Памела уже вошла в комнату и теперь с любопытством осматривалась.

– Боже мой, – пробормотала она. – Что это все такое?

– Это наша проблема. Твоя – найти входную дверь.

– Хорошо. Хорошо.

Памела еще раз огляделась, словно зачарованная открывшимся ей странным зрелищем, потом шагнула к рабочему столу, поставила на него кейс, открыла и достала какие-то бумаги: старые письма, чертежи и, как показалось Логану, несколько карандашных набросков. Просмотрев первый лист, она осмотрелась, словно пытаясь сориентироваться в комнате, и взяла второй. Так продолжалось минут пять. Все это время Ким с непроницаемым выражением лица стояла в стороне, сложив руки на груди.

Наконец, отложив в сторону последний листок, Памела еще раз прошлась внимательным взглядом по стенам, потолку, полу, мебели и

оборудованию. Губы ее сложились в улыбку. Она снова повернулась к кейсу, достала блокнот и карандаш и взяла из кучки бумаг одну.

– Надо подняться наверх.

– Зачем? – удивленно спросил Логан.

– Посвети, хорошо? У меня обе руки заняты.

С этими словами Памела достала из кейса кое-что еще: небольшое устройство в защитной оплетке из ярко-желтой резины с маленьким, подсвеченным изнутри дисплеем и пятью или шестью кнопками.

– Что это? – спросил Логан.

– Лазерный дальномер. – Подняв его, Памела махнула в сторону импровизированного выхода.

Выбравшись из комнаты, они двинулись по незаконченному коридору в направлении лестницы. Шли медленно; несколько раз Памела останавливалась, измеряла расстояние и записывала что-то в блокнот. Дойдя наконец до лестницы, все трое поднялись на третий этаж. Бывать здесь Логану еще не доводилось, и он с любопытством посветил вокруг фонариком. Строители сюда не дошли – по крайней мере до той части этажа, где не было мрачных камней Делаво, – и эта часть помещения осталась более-менее нетронутой. Ни мебели, ни оборудования здесь не было – по-видимому, все вынесли перед началом работ, – и на старинных текстурированных обоях тут и там виднелись сделанные белым маркером отметки, обозначавшие, по всей вероятности, предназначенные для сноса конструкции.

Памела останавливалась здесь еще чаще, снимала с дальномера показатели и записывала их в блокнот. Заглянув туда, Логан увидел, что архитектор сделала тщательно выверенные наброски обоих, второго и третьего, этажей и теперь пыталась как бы наложить второй этаж на третий. Ким наблюдала за всем происходящим со стороны. С тех пор как они вышли из секретной комнаты, она не сказала ни слова, и Логан чувствовал, что между нею и Памелой есть некоторое напряжение.

Они уже прошли через лестничную клетку, миновали короткий переход и две большие, совершенно пустые комнаты и добрались до какого-то коридора, когда Памела наконец остановилась.

– Там. – Она указала на дверь справа.

Логан толкнул дверь – заперта.

В первую секунду он оцепенел, потом вспомнил про ключ от главных дверей Западного крыла. Ключ повернулся, и Логан открыл дверь.

Судя по всему, раньше помещение служило чем-то вроде кладовой. Поскольку оно располагалось в глубине крыла, окон здесь не было. В дальнем углу обнаружилось несколько старых, покрытых слоем пыли коробок. В центре комнаты – как ни странно – стояла громадная мраморная колонна с уже знакомым спиральным узором, характерной деталью всей архитектуры «Люкса». Должно быть, несущая конструкция, подумал Логан, а если так, то почему бы и не убрать ее в кладовую.

Памела опустила в карман дальномер и блокнот и, вооружившись фонариком, подошла к колонне. Внимательно ее осмотрев, она принялась ощупывать поверхность обеими руками. Через несколько секунд все услышали отчетливый щелчок.

Архитектор повернулась к Логану.

– Вот и ваша дверь.

Он недоуменно посмотрел на нее.

– Ты о чем?

– *Ecce signum*[16]. – Памела снова подняла руки и торжественным жестом, словно открывая старинный армуар, развела створки в стороны.

– *Tu es mira*[17], – пробормотал в изумлении Логан, направляя на колонну луч фонарика.

Он ошибался, предполагая, что она служит опорной конструкцией, простирающейся снизу доверху, от основания до крыши. Ошибся и относительно материала – колонна не была мраморной. Окрашенная снаружи под мрамор, она была металлической. За двумя изогнутыми створками, подвешенными на искусно замаскированные петли, открылась внутренность полого вертикального цилиндра с круглым полом и большим, напоминающим те, что можно обнаружить на корабельных люках, колесом на задней стенке.

Первой от изумления опомнилась Памела. Ступив внутрь, она посветила фонариком, после чего предложила спутникам присоединиться к ней.

Логан с опаской шагнул в полую колонну. Секундой позже за ним последовала Ким. Втроем им было довольно тесно.

Взявшись за небольшие металлические ручки на обеих створках, Памела с усилием свела их вместе. Потом ослабила стопорный болт на колесе и повернула.

Логан не сразу понял, откуда взялось это странное, непривычное ощущение, но потом догадался: «колонна» шла вниз, но не строго вертикально, а по спирали.

– В движение ее приводит сила тяжести, – объяснила Памела.

Спуск продолжался шестьдесят секунд и завершился мягким толчком. Памела открыла двери – ослепительно-яркий белый свет забытой комнаты ударил в глаза. Она вышла первой, Логан и Ким последовали за ней.

«Колонна» остановилась в пустой части комнаты, между Машиной и задней стеной, возле выгравированных на полу римских цифр. Памела снова закрыла двери и нажала едва заметную кнопку на боковой стене. Наблюдая за ее действиями, Логан понял, что винтовой узор на колонне не является в данном случае декоративным украшением, а работает наподобие штопора, обеспечивая подъем колонны в кладовую на третьем этаже. По завершении подъема на потолке не осталось никакого выступа, только круглый диск с декоративной чеканкой, которым, как предположил вначале Логан, кто-то скрыл дыру от висевшей здесь когда-то люстры.

С минуту он смотрел на потолок, потом повернулся к Памеле.

– Ты ведь знала об этой штуке заранее. Не верю, что все можно было просчитать только сейчас.

Она рассмеялась.

– Ты прав.

– Тогда почему раньше ничего не сказала?

– Потому что не была уверена. Схема такого устройства попалась мне в старых прадедушкиных бумагах. Но к «Темным фронтонам» они никакого отношения не имели, поэтому я и не знала, использовал Делаво такое решение или нет. Мне нужно было самой осмотреть крыло и комнату, чтобы окончательно во всем убедиться.

– И как же мы снова вызовем его вниз? – спросила Ким.

– Не знаю. Возвратное устройство должно быть где-то здесь; возможно, это какой-то пружинный механизм.

Логан снова посмотрел на потолок. Подумать только, все это время решение было рядом, буквально у него над головой. Еще одна загадка забытой комнаты.

– Спасибо, Пэм. Ты только что заслужила обед – самый лучший из возможных в Ньюпорте.

– Самый лучший у нас уже был. В ресторане Джо, помнишь?

– Ну, тогда самый дорогой. – Энигматолог благодарно пожал ей руку, заметив краем глаза, что Ким молча наблюдает за ними. – Идем. – Он шагнул к кожаному кейсу. – Собирай вещи, и я провожу тебя к машине.

32

Вернувшись в забытую комнату, Логан увидел, что Ким Миколос забралась на стремянку, которую сама же и принесла откуда-то со стройки, и внимательно изучает декоративный круг на потолке.

– Никогда бы не догадалась, что дверью в комнату окажется лифт с гравитационной подачей, – сказала она. – Да еще и замаскированный под конструктивную колонну… Надо отдать должное старушке Памеле.

– У вас с нею какие-то проблемы? – спросил Логан.

Ким ответила не сразу.

– Вообще-то, мне не нравилось, как она вела себя с Уиллардом. Во всяком случае, вначале, когда они только начали обсуждать возможные варианты перестройки крыла. У меня сложилось тогда впечатление, что Памела ко всем его дизайнерским предложениям относится скептически; мол, она – архитектор, а он – всего лишь программист.

«Так что же, все дело в этом? – спросил себя Логан. – Защищает бывшего босса и наставника вопреки всем инсинуациям Карбона?»

– Поразительно, – восхищенно прошептала Ким, продолжая рассматривать круг, образовывавший основание лифта.

Логану ничего не оставалось, как согласиться с нею. Возможно, в каком-то смысле он сам оказался не на высоте. Все это время мыслил в двух измерениях и совершенно позабыл, что есть еще и ось «зет», которую также необходимо принимать во внимание. И все это время вход был рядом, в той пыльной комнате у него над головой…

Пыль…

Ошеломленный внезапной страшной мыслью, Логан замер, словно от удара по печени.

– Ким, – резко бросил он.

Уловив в его тоне что-то особенное и непривычное, Миколос тут же повернулась.

– Что случилось?

Подождав, пока она спустится, Логан протянул ей один фонарик, а сам подобрал другой.

– Идемте со мной.

Посвечивая фонариками, они повторили знакомый маршрут: поднялись по лестнице на третий этаж и прошли через пустые комнаты. Память была еще свежа, так что путешествие получилось относительно легким. Минут через пять они снова стояли перед дверью кладовой. Логан открыл замок, но входить не стал, а, остановившись на пороге, прошел по комнате желтоватым лучом. Вот в центре внушительная декоративная колонна. Вот, у дальней стены, старые, покрытые пылью коробки.

Он посветил на пол. На участке между дверью и колонной четко проступали многочисленные отпечатки обуви, причем одни перекрывали другие.

– Господи, – едва слышно выдохнула Миколос, проследив за лучом.

– Я так внимательно наблюдал за манипуляциями Пэм, что совершенно этого не заметил.

– И что, по-вашему, означают эти следы?

Логан шагнул в комнату, взяв влево от двери и дорожки следов, и опустился на корточки. Отпечатков было слишком много, чтобы выделить какие-то отдельные, индивидуальные. Сказать он мог только одно: они свежие.

Логан выпрямился.

– Здесь кто-то проходил. И не один раз.

– Когда? Давно или недавно?

– Недавно.

Он подошел к самой колонне и, повторяя по памяти манипуляции Памелы, раздвинул створки двери, ведущей в кабину лифта. Посветил фонариком по круглому полу. Здесь тоже все было испещрено следами обуви.

– Но в комнате внизу пыли нет, – пробормотал он. – Практически ни пылинки.

– Не понимаю, – сказала Ким.

Вместо ответа Логан прошел дальше и жестом предложил ей последовать за ним. Потом, как это делала Памела, отпустил стопорный болт и повернул колесо. Механизм пришел в движение, и лифт медленно опустился в забытую комнату.

Логан открыл двери, вышел, подождал, пока то же самое сделает Ким, закрыл двери, отправил кабину вверх и внимательно осмотрел пол. Все, что ему удалось обнаружить, это едва заметные следы пыли от их собственной обуви. И ничего больше.

Он глубоко вздохнул.

– Похоже, не такая уж она и забытая, эта комната. Сюда определенно приходили, причем совсем недавно, и явно не раз и не два.

– То есть вы хотите сказать, все эти годы?.. Другими словами, о ней никогда и не забывали?

– Нет. Думаю, ее просто открыли заново. И не очень давно.

Некоторое время Ким молчала, переваривая услышанное.

– Если кто-то регулярно здесь бывал, то чем он занимался? Изучал комнату, как это делаем мы? Изучал Машину?

– Изучал… или *использовал*. – Логан огляделся. – Вам не кажется странным, если подумать, что здесь нет ни одной книги? Никаких бумаг, документов, записей? Раньше я предполагал, что документы отсюда вынесли, спрятали подальше или, не дай бог, сожгли после остановки проекта. Но теперь я готов держать пари, что, если б мы пригласили сюда бригаду экспертов-криминалистов, они установили бы, что бумаги убрали недавно. Убрали тщательно, чтобы придать комнате определенный вид, чтобы не осталось ни пятнышка, чтобы она выглядела забытой. А вот в комнате наверху, на третьем этаже, сработали не так тщательно; никто ведь не предполагал, что мы найдем *это*, – он обвел взглядом рабочий стол, пустой каталожный шкаф, голые книжные полки. – Из всего этого следует лишь один логический вывод: кто-то – один человек или некая группа – пытается воскресить старый, заброшенный исследовательский проект. И когда Стрейчи со своими рабочими подошел слишком близко и возникла угроза разоблачения, этот самый кто-то убрал из комнаты все, что могло бы его выдать.

– Вы меня пугаете, – сказала Ким. – Потому что…

– Потому что вы спрашиваете себя, удовольствовались ли они тем, что вынесли все из комнаты, – закончил за нее Логан. – Вы спрашиваете себя, не остановили ли они и доктора Стрейчи.

Ким ничего не сказала и, присев на нижнюю ступеньку стремянки, опустила голову и уставилась в пол.

– Есть еще один возможный вариант, – продолжил после долгой паузы Логан. – Доктор Стрейчи первым обнаружил эту комнату и, что не

исключено, сам продолжил исследование. Может быть, он потому и распустил рабочих так поспешно, что хотел остаться с нею один на один.

– Вряд ли. – Ким подняла голову и в упор посмотрела на энигматолога. – Уиллард совершенно не разбирался в механике. Он бы наверняка растерялся здесь. Кроме того, исходя из сказанного вами, мне представляется, что комнату он нашел – или, точнее, наткнулся на нее – перед самой своей… – Она не договорила.

– Да, я знаю, что с механикой Стрейчи не был на «ты», но это еще не значит, что он не прикасался к Машине. – «И, – добавил Логан про себя, – что его не преследовало то, что он случайно выпустил… Преследовало, пока не свело с ума».

В комнате повисло напряженное молчание: Ким сидела на лестнице, Логан, прислонившись к рабочему столу, смотрел в никуда. Внезапно, не сказав ни слова, он выпрямился и двинулся по периметру комнаты, простукивая стены.

– Что вы делаете? – спросила Ким.

– Думаю, мы искали ответы не в том месте, – ответил энигматолог. – Мы воспринимали это помещение как обычную комнату. Но она – не обычная, и, учитывая ее начинку, мне следовало понять это раньше. Я же догадался только сейчас, после открытия Пэм.

Секунду-другую Миколос только наблюдала, как бегают по стене его пальцы, нащупывая скрытый шов или потайную кнопку – что-то, что могло бы явить им новые секреты, – а потом и сама присоединилась к поискам. Обследовав дальнюю стену, а затем пол, Ким перешла к центральному устройству.

Минуту спустя к Машине подошел и Логан. А еще через минуту его старания были вознаграждены: ощупывая полированное дерево под табличками производителя, он активировал некий скрытый механизм. Что-то щелкнуло, и из корпуса выскользнул узкий пружинный лоток, облицованный, похоже, свинцом.

– Ким, взгляните-ка на это.

Миколос обошла Машину и, подойдя ближе, опустилась на колени. Логан задвинул лоток, прямоугольные линии передней панели которого практически слились с полированной деревянной поверхностью корпуса, потом снова открыл его легким нажатием пальцев.

– Загадки в загадках, – проворчал он.

Внутри лотка обнаружились четыре лотка поменьше. Два были пустыми, два других снабжены идентичными устройствами небольшого

размера и с множеством проводков, желтых и коричневых. Кроме того, в каждом находилось по три вакуумных трубки. Что-то в них показалось Логану знакомым, но что именно, он решить не смог. Сосредоточиться мешали вернувшаяся головная боль и музыка, начинавшая звучать в ушах каждый раз, когда он приближался к забытой комнате.

– Что это за штуки? Для чего они? – спросил Логан. – Есть предположения?

– Нет. Похожи на какие-то приемники, но с таким же успехом могут быть и передатчиками. Однако технология определенно очень старая.

Логан снова посмотрел на устройства. В них было что-то до безумия знакомое, но что? Что? И тут он вдруг вспомнил.

Вспомнил и, словно получив удар электрическим током, попятился. *О боже…*

Между тем Ким, не обращая внимания на Логана, взяла одно из устройств – в отличие от всего прочего в комнате оно было покрыто тонким слоем пыли – и повертела в руках.

– Не попробуешь – не узнаешь. Включим Машину и посмотрим, что будет.

Секунду-другую Логан смотрел на нее рассеянно, словно не понимая, о чем она говорит.

– Извините?

– Я имею в виду, что функция этого устройства имеет какое-то отношение к центральной Машине – в противном случае зачем ему вообще здесь находиться? Если мы активируем Машину, то, возможно, мне удастся как-то подключить устройство к генератору или ЭГФ-регистратору.

Логан покачал головой.

– Нет.

Ким выпрямилась.

– Мы можем рассуждать и спорить сколь угодно долго, до посинения, но рано или поздно нам придется перейти к экспериментам. Послушайте, давайте включим Машину и посмотрим, что из этого получится. В противном случае…

– *Нет!* – повторил Логан. Он тоже поднялся и теперь, словно услышав собственное запоздавшее эхо, понял, что кричит. – Мы не будем ничего включать!

В комнате вдруг стало тихо-тихо. Логан поднял к виску дрожащую руку. Боль пронзила голову.

– Я только хотела сказать, – ровно и спокойно продолжала Ким, – что в противном случае мне придется вернуться в офис и заняться своей, *настоящей* работой.

Логан с усилием перевел дыхание. Время… Ему нужно время… Побыть одному… обдумать все как следует.

– Хорошая мысль, – медленно сказал он. – Давайте так и сделаем. На сегодня хватит.

Ким положила устройство на лоток, и Логан торопливо его задвинул. Потом они выключили свет, выбрались из комнаты, завесили дыру брезентом и молча побрели к выходу из Западного крыла.

33

– Позволь для начала кое-что прояснить, – сказал Олафсон. – Итак, ты впустил мисс Флад в секретную комнату.

Логан кивнул. Разговор происходил утром следующего дня, в гостиной апартаментов Уилларда Стрейчи на третьем этаже. Шторы были разведены, но в комнате все равно царил полумрак: над Бермудами сформировалась тропическая область низкого давления, и небо до самого Нью-Гемпшира затянули серые облака.

– И это после того, как ты рассказал ей о комнате и Уилларде Стрейчи… После того, как тебя недвусмысленно предупредили о необходимости соблюдать осторожность… – Директор поморщился и поджал губы, выражая крайнее неодобрение.

– Я искал кое-какую информацию, и мисс Флад показалась мне самым подходящим ее источником. Подумай сам. Она – правнучка архитектора, спроектировавшего «Темные фронтоны». Она работала со Стрейчи над перепланировкой Западного крыла. И она согласилась помочь только при условии, что я покажу ей саму комнату.

– Бог мой! А ты не подумал, что она использует твою просьбу как предлог, чтобы проникнуть туда?

Логан на секунду замялся. Вообще-то, такая мысль даже не приходила ему в голову. Впрочем, оснований для беспокойства он не видел.

Олафсон покачал головой.

– Даже не знаю, Джереми… Ты сильно изменился с того времени, как сам здесь работал. Может быть, виновата пресса – о тебе так много

пишут… Я думал, что могу положиться на твою осмотрительность в этом деле. Но ты перешел установленные границы, и я, боюсь…

– И правильно сделал, что перешел, – перебил его Логан. – Мне удалось узнать кое-что. Новости весьма тревожные.

После такого заявления Олафсон умолк, а через секунду жестом предложил энигматологу продолжить.

– Мы обнаружили дверь в комнату… если, конечно, это можно назвать дверью. Я бы никогда ее не нашел, если бы не Пэм Флад. – Логан коротко рассказал о кладовой на третьем этаже и замаскированном под колонну лифте с ручным управлением. – А потом я сделал еще одно открытие: комнатой кто-то пользуется – неустановленное лицо или группа лиц, – и началось это недавно.

Новость явно повергла Олафсона в шок. Сам того не замечая, директор ухватился за узел галстука и потянул его вниз по белой, накрахмаленной рубашке.

– Недавно? А точнее?

– Точнее сказать трудно. Возможно, несколько месяцев назад. Полгода. Но, Грегори, *они знали, что мы идем*. Поэтому комнату и убрали начисто. Поэтому оттуда вынесли все книги и папки. Думаю, они воскресили проект, закрытый три четверти столетия тому назад. Воскресили и усовершенствовали.

– Это мог быть сам Уилл Стрейчи? – спросил Олафсон. – Как-никак остановить работы распорядился лично он…

– Я тоже об этом думал. Но сейчас такой вариант представляется маловероятным. Стрейчи сам руководил реконструкцией и мог придумать что-нибудь похитрее, чтобы сохранить тайну забытой комнаты. Впрочем, у меня есть доказательство того, что это был не Стрейчи.

– Доказательство… – протянул директор.

Логан кивнул. Потом опустил руку в карман, достал одно из найденных накануне устройств и протянул Олафсону. Тот взял его осторожно, словно гремучую змею, повертел в руках и вернул энигматологу.

Отвечая на немой вопрос в глазах директора, Логан положил устройство на приставной столик, поднял антикварный приемник Стрейчи и снял заднюю крышку.

– Помнишь, я спрашивал, не проводились ли в «Люксе» исследования в области радио? Загляни внутрь.

Олафсон заглянул, и на его лице промелькнуло озадаченное выражение. Но уже в следующий момент он, по-видимому, провел некую логическую связь и посмотрел на устройство уже другими глазами.

– Так и есть, – подтвердил Логан. – Они одинаковые, но то, что в приемнике, усовершенствовано, модернизировано за счет интегральной схемы и современной батарейки, которые заменили вакуумные лампы и сетевое электропитание. Ты и сам увидишь, если посмотришь в приемник. Их установили в нижней части – несомненно, для того, чтобы получше спрятать.

Олафсон сделал шаг назад.

– И что это значит?

– Я скажу, что это значит, – ответил Логан. – Но не думаю, что тебе понравится.

Директор промолчал, и тогда энигматолог взял устройство с приставного столика.

– Прошлым вечером, обследуя секретную комнату, я обнаружил выдвижной лоток, рассчитанный на четыре таких вот устройства. Двух недоставало. – Он похлопал по приемнику. – Одно из них здесь.

– Но для чего?

– Вообще-то, я не знаю, в чем их назначение, но думаю, что тот, кто проник в секретную комнату, поставил это устройство в радио и, зная про увлечение Стрейчи старинными вещами, преподнес приемник ему в подарок. Уиллард плохо разбирается в механике и во внутренностях копаться никогда бы не стал, не стал разбираться, как оно работает, как его починить. А фокус-то как раз в том, что оно работало! По крайней мере так, как на то рассчитывал неведомый доброжелатель.

– Ты же не хочешь сказать… – Олафсон снова умолк, не договорив.

– Хочу. – Логан повертел устройство. – Думаю, одной из этих штуковин воспользовались для того, чтобы помешать Стрейчи продолжить работы в Западном крыле.

– По-твоему, в том, что с ним случилось, виновата эта штука?

Логан кивнул.

– Повторяю, я пока еще не знаю, как она работает, но – да, считаю, что из-за нее у Уилларда Стрейчи случился психотический срыв. – Он опустил устройство в карман пиджака.

– Получается, у нас в «Люксе» завелся убийца, – заключил Олафсон.

– Некто, полагающий, что технические сокровища забытой комнаты стоят того, чтобы ради них убить. – Логан поставил на место заднюю крышку радио и вернул его на полку. – Думаю, виновники случившегося уже завершали свое исследование. Они знали, что через несколько дней Стрейчи и строители обнаружат комнату. Им нужно было выиграть еще какое-то время. Все остальное представляется полной бессмыслицей. Если б они не приблизились настолько, зачем бы им было избавляться от Стрейчи подобным образом? Нет, по их расчетам, им должно было хватить того времени, которое потребовалось бы «Люксу», чтобы оправиться от смерти Стрейчи и найти кого-то, кто продолжил бы начатую им работу. Они думали, что вполне успеют закончить свои дела за этот переходный период. Чего они не приняли во внимание, так это… – Он замолчал.

– Они не приняли во внимание тебя, – закончил за него Олафсон.

– Узнав о моем появлении здесь, они, должно быть, поняли, для чего меня пригласили. Вот тогда-то из комнаты и вынесли все, что можно было вынести. – Логан провел ладонью по волосам. – Пару раз во время ночных визитов туда у меня возникало ощущение, что рядом кто-то есть, что кто-то наблюдает и слушает. Теперь понятно, что это был убийца, пытавшийся определить, нашел я комнату или нет.

– Если ты прав, то не стоит ли нам взять помещение под наблюдение? – предложил после секундной паузы Олафсон. – Выставить круглосуточную охрану?

– Я уже думал об этом. Не сработает. Ему – или им – известно, что мы нашли комнату. И они, так или иначе, изыщут возможность, чтобы продолжать и дальше пользоваться попавшей в их руки технологией.

Олафсон промолчал.

– Чего я не могу понять, это как он узнал о том старом, давно закрытом проекте. Все ученые, работавшие здесь в те времена, наверняка уже умерли. Скорее всего, кто-то из нынешних сотрудников «Люкса» копался в архиве номер два и случайно обнаружил материалы по «Проекту Син».

– Невозможно, – каким-то странным голосом произнес Олафсон. – Прежде всего я сильно сомневаюсь, что в архиве номер два имеются какие-либо существенно важные, должным образом отредактированные документы. А если они и есть, до них никто не доберется. Стипендиаты имеют доступ только к файлам, непосредственно связанным с их текущей работой. В этом отношении у нас очень строгие правила.

На протяжении всего разговора лицо директора отражало самые разные эмоции: гнев, неверие, сомнение, шок. И вот теперь на нем появилась

тень чего-то такого, что даже Логан не смог распознать. Чего-то, отозвавшегося в нем тревогой и беспокойством.

– В чем дело, Грегори?

Медленно и осторожно, как немощный старик, Олафсон ухватился за подлокотники ближайшего кресла и с трудом сел.

– Есть кое-что, Джереми, о чем я обязан тебе сообщить, – сказал он, переходя на официальный тон. – Сделав это, я нарушу торжественное обещание, которое хранил несколько десятилетий. И все же, думаю, ты должен это знать. Должен, да… вот только я не знаю, с чего начать.

Логан сел напротив директора.

– Не торопись, – сказал он и замолчал, ожидая в полусумраке гостиной, пока Олафсон соберется с мыслями и заговорит.

34

Через пару минут директор заворочался и откашлялся.

– Несколько дней назад ты спросил, знал ли я о существовании той комнаты или о том, для чего она могла использоваться. Я ответил, что ничего не знаю… – Он замялся. – Ну так вот, это неправда. По крайней мере, не совсем правда.

Внезапно его взгляд, все это время блуждавший по гостиной, остановился на Логане.

– Тебе нужно кое-что понять. Когда ты появился здесь после моего звонка, я еще не оправился от шока. Случившееся с Уиллардом, то, что он сделал с собой, глубоко меня потрясло. Я не вполне сознавал, что ты говоришь, о чем спрашиваешь. А иначе, возможно, запретил бы тебе обследовать забытую комнату. Но у меня было время подумать о том, что ты сказал. Подумать и… вспомнить.

Наблюдая за Олафсоном, Логан мысленно вернулся к тому разговору перед обедом в директорском кабинете, когда он рассказал о «Проекте Син» и исчезнувших материалах, а также поделился подозрением, что в забытой комнате проводилось какое-то загадочное исследование. И тогда на лице директора появилось выражение человека, неожиданно для себя осознавшего что-то.

– Продолжай, – сказал Логан.

– Дело в том, Джереми, что ты прав. Ты даже не представляешь, насколько прав. В конце двадцатых и начале тридцатых здесь проводились секретные работы. О характере этих работ я тебе рассказать не могу, потому что и сам этого не знаю. Но я знаю, что полностью в

курсе дела была лишь небольшая группа ученых, непосредственно занятых в проекте, и тогдашний директор «Люкса». Я также знаю, что работы проводились на территории кампуса, в некоей секретной лаборатории. Можно предположить, что лаборатория размещалась в той самой комнате, которую обнаружил бедняга Уилл.

Директор рассеянно потер подбородок.

– Детали мне неизвестны, но я точно знаю, что занятые в проекте возлагали на него большие надежды, считали, что оказывают благодеяние всему человечеству. Однако в тридцатые настроение стало меняться от надежды к озабоченности. Ты, конечно, знаешь, что устав «Люкса» запрещает проводить любые исследования, которые могут в перспективе навредить человечеству.

Логан кивнул.

– Другими словами, работы пошли именно в этом направлении.

– Да. Или по крайней мере появилась *перспектива* их движения в данном направлении, и все зависело только от соответствующего решения руководства.

– Итак, исследования были надолго остановлены.

– Остановлены, да, но ненадолго. Проект, по существу, законсервировали до тех пор, когда его можно будет пересмотреть и когда технология достигнет такого уровня, что, по завершении работ, ее уже нельзя будет перенацелить на опасные для человечества задачи.

– Научная капсула времени.

– По сути, да. Капсула времени, вопрос об открытии которой предполагалось рассмотреть через сто лет.

– И, конечно, всю документацию, журналы работ и прочие материалы собрали в самой секретной комнате. Вот почему в архиве возникли пробелы.

– Похоже на то. А потом комнату запечатали.

– Нет. – Логан поднялся и прошелся по комнате. – Не думаю, что ее понадобилось запечатывать. Единственный скрытный вход находился в колонне, в неиспользовавшейся кладовой на третьем этаже. Секретная комната *уже* была фактически запечатана.

– Так или иначе, – продолжал Олафсон, – участники проекта дали торжественное обещание хранить молчание относительно проводившихся исследований и в течение нескольких месяцев после остановки работ покинули «Люкс». Вот и все, что я знаю.

– Что еще можешь рассказать?

– Немногое. У меня в офисе есть сейф, особенный сейф. В нем запечатанное досье. Открыть досье предполагается в две тысячи тридцать пятом году, и тогда же экспертная группа должна решить, можно ли, с точки зрения безопасности, возобновить работы по проекту. Восемнадцать лет назад, когда я занял эту должность, мне сообщили – помимо прочего – и о существовании вышеупомянутого досье. Вообще-то, в обязанности каждого уходящего директора «Люкса» входит информирование преемника и о досье, и об отложенном до две тысячи тридцать пятого решении.

– Примерно то же самое происходит и на самом верху, когда один президент передает дела другому вместе с государственными тайнами и ядерным чемоданчиком.

Олафсон поморщился.

– Не могу сказать, что мне по душе такая аллюзия, хотя, по сути, так оно и есть. Но, видишь ли, Джереми, за то время, что прошло с середины тридцатых годов до моего назначения, в «Люксе» сменилось четыре директора. О засекреченном проекте и досье, лежащем в особом сейфе, я узнал в ходе пятиминутного разговора, состоявшегося пять лет назад. К моменту самоубийства Уилла Стрейчи я совершенно о нем забыл, или, точнее, мне и в голову не пришло связать ту информацию с последними событиями.

– Конечно. Понимаю.

– Поэтому-то я без малейших колебаний разрешил тебе обследовать комнату и поэтому же никак не связал ее существование со смертью Уилла. Но теперь, принимая во внимание сделанные тобой открытия и наличие устройства, которое ты только что мне продемонстрировал… думаю, сомнений быть уже не может.

– Согласен. – Логан остановился посредине гостиной. – Так что давай.

Директор недоуменно нахмурился.

– Извини?

– Давай откроем сейф.

– Ты, должно быть, шутишь.

– Я абсолютно серьезен.

– Нет, Джереми, ты не понимаешь, – теперь поднялся и Олафсон. – Я уже нарушил клятву директора «Люкса», рассказав тебе обо всем этом.

– Но ответы, которые мы ищем, там, в сейфе, и…

– Джереми. Говорю тебе, я – первый после тысяча девятьсот тридцать пятого года директор, заговоривший об этом вслух. Я подтвердил твою правоту. Здесь, в секретной комнате, велись опасные работы. Знаю, ты сейчас близок к тому, чтобы найти ответ. Ты получил от меня подтверждение правильности взятого тобой курса.

Смущенный этим категорическим отказом после столь внезапного признания, Логан с трудом справился с одолевавшими его противоречивыми эмоциями.

– Грегори, твой моральный и этический долг в том и состоит, чтобы показать мне содержимое досье.

Олафсон с печальной миной покачал головой.

– Я уже нарушил клятву директора. Очень жаль, но я не могу усугублять ситуацию нарушением устава «Люкса».

– Тогда умрет кто-то еще, – тихо сказал Логан.

35

В свои апартаменты на третьем этаже Логан вернулся около часа дня, а перед этим долго расхаживал по кампусу под тяжелым, серым небом, под яростный грохот Атлантики, дополнявший его собственное внутреннее разочарование. За это время он последовательно рассмотрел и отбросил с десяток способов так или иначе – лестью или угрозами – заставить Олафсона открыть особый сейф. В конце концов Логан решил отложить решение этого вопроса и вернуться, по крайней мере на время, к работе. На ланч он не пошел – есть совсем не хотелось.

Энигматолог осмотрелся, потом поднял трубку и набрал добавочный Ким.

– Миколос.

– Ким? Это Джереми.

Короткая пауза.

– Да?

– Хочу извиниться за свой вчерашний срыв. Мне очень жаль, что вам досталось, тем более совершенно незаслуженно.

– Извинение принято – если вы объясните, из-за чего сорвались.

Логан устроился поудобнее.

– В последнее время я не очень хорошо себя чувствую.

– Да и выглядите вы не лучшим образом. Это мягко говоря. Но, думаю, дело не только в этом. Тут ведь что-то еще, верно?

– Верно… – Он помолчал. – Те устройства, что мы нашли вчера в секретной комнате… Похоже, одно из них явилось причиной смерти Стрейчи.

Миколос тихонько ахнула.

– Уверены?

– Практически да.

– Как?

– Как они это делают? Не знаю. Но вот что я знаю: именно обнаружение секретной комнаты косвенно повлекло за собой его смерть.

– Господи, – в последовавшей за этим паузе Логан практически слышал, как поскрипывают колесики в голове Миколос. – Мм… Не хотелось бы спрашивать, но если вы правы, то почему мы еще живы? Почему не спятили и не покончили с собой? Я к тому, что мы ведь тоже провели в этой комнате немало времени.

Этого-то вопроса Логан и боялся. Он и себя спрашивал о том же и теперь решил отделаться самым легким, самым безопасным ответом.

– Думаю, убийца не ожидал, что мы найдем секретную комнату или по крайней мере найдем ее так рано. Полагаю теперь, когда мы все же обнаружили ее, но о том, что тут творится, стало известно Олафсону, убийца затаится. Но если вы предпочтете отступить, я вас пойму и…

– Нет уж. Ни за что на свете. Однако вы должны позволить и мне сделать что-то… для разно-образия.

– Договорились. Вообще-то, я потому вам и звоню. Предлагаю испытать одно из устройств, которые мы вчера обнаружили. Разберите его, проверьте на осциллографе, проведите реинжиниринг. Попробуйте выяснить, от чего он работает, как взаимодействует с Машиной. Понимаю, работа та еще – ведь кто-то позаботился убрать все руководства по эксплуатации. Но вы подготовлены к ней гораздо лучше, чем я. И, Ким, будьте очень, очень осторожны. Записывайте все на камеру. Не торопитесь. Считайте, что работаете с бомбой.

– Не беспокойтесь, я буду осторожна. И, кстати, кое-какие мысли у меня уже есть.

– Например?

– Помните те металлические костюмы, что висят вдоль дальней стены? Похожие на рыцарские доспехи?

– Да, а что?

– Думаю, так оно и есть. Эти костюмы – защитные. Вполне возможно, что операторы надевали их перед тем, как включить Машину.

Теперь этот вывод представлялся само собой разумеющимся.

– Что подтолкнуло вас к такому заключению?

– Вы рассматривали их вблизи? Обратили внимание на проволочную сетку в стеклянном визоре?

– Да, заметил.

– Вот она и навела меня на мысль. Микро-волны.

– Извините?

– Глядя на микроволновку, в которой что-то готовится, вы никогда не задавались вопросом, почему она никак не действует на вас самих?

– Ну, я всегда предполагал, что там есть какой-то барьер.

– Вот именно. Причина того, что энергия в микроволновке не действует на человека – по крайней мере одна из причин, – заключается как раз в проволочной сетке в окошке. Она играет роль своего рода клетки Фарадея.

– Какой клетки?

– Клетки Фарадея. Это такое устройство из проводящего материала, сетки, благодаря которому электрическое напряжение по обе стороны остается постоянным. Она также блокирует электромагнитное излучение, например радиоволны. В общем, я думаю, что эти костюмы выполняют ту же функцию, что и обратная клетка Фарадея, не пропускают излучение – а я уверена, что мы имеем дело с каким-то излучением – *снаружи*.

Логан ненадолго задумался, потом сказал:

– Я всего лишь историк. Тем не менее это звучит правдоподобно. И мне будет спокойнее, если я буду знать, что вы защищены. Но все равно будьте осторожны. И, пожалуйста, держите уровень мощности на минимуме. Вы-то, может, и защититесь этой вашей Фарадеевой клеткой, или как ее там, но у остальных ее нет.

– Договорились. На сегодняшний вечер у меня имеются кое-какие планы, но завтра с утра приступлю к работе. Буду держать вас в курсе.

Логан положил трубку и уже отворачивался, когда заметил красный мигающий огонек – сообщение. Он снова взял трубку и набрал голосовую почту.

Сообщение было только одно.

– Джереми? Это Пэм. Мы ведь обедаем сегодня вечером? Жду с нетерпением. И, послушай, есть кое-что еще. Я покопалась в бумагах и… Ты не поверишь, что я нашла. – Пауза. – Шутка! Ничего такого я не нашла, кроме визитной карточки того жутковатого типа, который приходил ко мне домой прошлой зимой. Оказалось, я ее не выбросила. Принесу с собой вечером. Столик в Sub Rosa[18] заказан на половину десятого. Знаю, поздновато, но, не будь я местная, вообще бы ничего не получилось. Чудесное заведение, тебе понравится. А потом, может быть, заглянем ко мне на кофе? – Смущенный смешок. – Заедешь за мной в девять с четвертью, о’кей? Пока. – В трубке щелкнуло, запись закончилась.

Логан во второй раз положил трубку и, поднимаясь, ощутил головокружение – мир как будто качнулся. Пришлось даже ухватиться за спинку стула.

На протяжении последних сорока восьми часов его самочувствие постоянно ухудшалось. Голова болела уже не переставая, и в ней вместе со странным шепотом звучала какая-то демоническая музыка, временами почти заглушавшая мысли и подавлявшая волю. Накануне вечером он поймал себя на том, что сидит на краю кровати с раскрытым перочинным ножом из аптечки и последние пятнадцать минут совершенно выпали из памяти.

Что-то надо делать.

Он взял с постели подушку, положил ее посередине комнаты и, опустившись на пол, принял позу полного лотоса.

При сильном возбуждении или нервном потрясении Логан для успокоения духа всегда полагался на дзен-медитацию и свои способности эмпата.

И сейчас необходимость в этом была велика, как никогда раньше.

Он вытащил амулет, коротко взглянул на него, бережно опустил на грудь и положил руки на колени, ладонями вверх, правую на левую, приняв базовую позу для медитации. Дыхание медленное, размеренное: вдох, выдох – очистить сознание от всех посторонних мыслей, сосредоточиться исключительно на дыхании, представляя, что с каждым вдохом он вбирает в себя чистый воздух и избавляется от физических и эмоциональных ядов. Вначале Логан дышал на счет, потом, через несколько минут, необходимость в этом отпала.

Постепенно им овладевало ощущение покоя. Головная боль отступила, шепот стих, но музыка – тревожащая, дьявольская музыка – осталась.

Теперь он пытался изолировать ее, компартментализировать, чтобы рассмотреть и изучить как простой феномен, а не что-то пришлое и враждебное, чего стоит бояться. Результат стоил усилий: музыка замедлилась, и каждая нота звучала теперь отдельно, что давало возможность мысленно противопоставлять ей другую, созданную им самим. Как только в сознание вторгалась новая нота, он осторожно добавлял другую, стараясь нейтрализовать первую.

Так прошло минут, наверное, десять, и все это время Логан пытался сохранить в сердце внутренний покой. Получалось далеко не идеально – ему недоставало ментальной дисциплины, – но когда он снова поднялся, боль на время унялась, шепот притих и – что самое главное – музыка звучала не так пронзительно.

Он бросил подушку на постель, спрятал под рубашку амулет, сделал еще один глубокий, очищающий вдох и, забрав висевшую на спинке стула сумку, открыл дверь и вышел из комнаты.

36

Старый деревянный дом в викторианском стиле стоял на Перри-стрит. Сидя перед зеркалом в крохотной комнатушке наверху, которую ей нравилось называть гримеркой, Памела Флад аккуратно накладывала макияж. Вообще-то, она занималась этим нечасто и даже сейчас намеревалась обойтись минимумом, но при этом исходила из того, что раз уж взялась, то стоит постараться. Родных у нее не было, и после смерти отца дом достался ей целиком – с его странными, кривыми коридорами, задними лестницами и тихими комнатами неясного назначения. Преимущество такой ситуации – возможно, единственное – заключалось в том, что она могла распоряжаться помещениями по собственному усмотрению и в соответствии с личными прихотями. Так появилась и гардеробная.

Часы показывали без четверти девять – ее любимое время. Вечер дышал прохладой в открытые окна, за которыми спокойно – тишину нарушало лишь едва слышное жужжание насекомых – дремала улица жилого квартала. На столике, у правого локтя, стояла чашка ледяного чая с веточкой мяты; стереопроигрыватель крутил диск с записями Чарльза Мингуса.

Встречи с Джереми Логаном и, несомненно, чудесного ужина Памела ожидала с нетерпением и даже волнением, связанной с надеждой – в чем она признавалась себе в глубине души – на то, что могло последовать за этим. Пойти на свидание – дело совсем не простое в таком местечке, как Ньюпорт. В курортном городке ты всегда

чувствуешь себя жучком под увеличительным стеклом. Заводить близкие отношения с клиентами Памела себе не позволяла и, прожив всю жизнь здесь, слишком хорошо знала неженатых мужчин своего круга – одних по школе, других в качестве соседей, – чтобы даже рассматривать их как потенциальный материал для романтических отношений. Туристы или доткомовские миллионеры, прибывавшие якобы на джазовый фестиваль и выставлявшие на всеобщее обозрение свои яхты?.. Ну уж нет.

Так что пространство для маневра оставалось небольшим.

А что это за звук? Может, кто-то постучал в дверь?

Памела поднялась, уменьшила звук проигрывателя и, подойдя к лестнице, прислушалась. Ничего. Она посмотрела на часы – раньше, чем минут через двадцать, Джереми ждать не стоит.

Ты только посмотри на себя: нервничаешь, как школьница перед выпускным балом. С другой стороны, она всегда предпочитала громкую музыку, из-за чего порой пропускала телефонные звонки и не слышала, как звонят в дверь. Не самая полезная привычка для того, кто зависит от клиентов и хороших рекомендаций. Вернувшись к столу, Памела прибавила звук, но все же оставила его ниже обычного уровня.

Уже сев перед зеркалом, она напомнила себе про визитную карточку, показать которую собиралась Джереми. Карточку Памела специально положила на видное место: расползшийся во все стороны старый дом, с его горками книг, рулонов чертежной бумаги и архитектурных набросков, имел привычку поглощать и прятать вещи.

Памела взялась за губную помаду, и мысли ее снова повернули к Логану. При первой встрече ее впечатление о нем окрасилось подозрением и тревогой. Потом, узнав, кто он такой и чем занимается, она отправилась в «Синий омар» с намерением принести извинения, но не более того. Теперь, оглядываясь назад, Памела объясняла свою сдержанность реакцией на его известность: свойственный уроженке Новой Англии пуританизм никогда бы не позволил ей встречаться с человеком, чья фотография украшала обложку «Пипл» и чья профессия как нельзя более располагала к публичности. И все же вопреки всему он завоевал ее симпатии. Причем даже и не старался. Возможно, в том числе и поэтому. Джереми не пытался показать свое превосходство, был дружелюбен, скромен, немногословен в том, что касалось его работы. А еще с ним было интересно и весело. И, конечно, его приятная внешность тоже помогла ей преодолеть врожденную настороженность.

И все же только во время обеда у Джо она начала принимать его всерьез. Почему? Толкового объяснения у нее не имелось. Джереми определенно был интеллектуалом: каждый раз, когда он рассказывал о чем-то,

возникало ощущение, что мысли его не исчерпываются словами, что за ними стоит нечто большее. То, что выступало на поверхность, было лишь вершиной весьма интригующего айсберга. А еще, когда она говорила, он смотрел на нее так, словно понимал ее чувства лучше, чем она сама. И в результате за весь вечер она ни разу не почувствовала, что ее оценивают и судят – только понимают. По крайней мере так ей казалось. И Памела уже не сомневалась, что после долгого ужина при свечах в Sub Rosa будет знать наверняка…

А это что? Какой-то глухой удар? Она снова поднялась, выключила проигрыватель. Звук шел как будто снизу, но из-за музыки было не понять – возможно, с улицы.

Некоторое время Памела стояла, прислушиваясь. Еще раз взглянула на часы – около девяти. В последние месяцы по городу прокатилась волна краж, но они всегда случались под утро.

Комнату заливал мягкий золотистый свет. Замерев в нерешительности, женщина вдруг услышала еще один звук: скрип старой половицы в одной из нижних комнат.

Бросив торопливый взгляд в зеркало – вообще-то, Джереми был не из тех, кто входит в дом без приглашения, но на всякий случай лучше убедиться, что выглядишь хорошо, – Памела поискала телефон, нашла его и взяла с собой. Осторожность не помешает.

Она вернулась на площадку, спустилась до середины лестницы, остановилась.

– Джереми? Ну, знаешь ли, входить в дамский будуар без приглашения неприлично.

Никто не ответил.

Памела дошла до конца ступенек, миновала гостиную и столовую, включая по пути свет в кривых, извилистых коридорчиках, свернула наконец в кухню и остановилась. Задняя дверь была открыта. Странно. Ньюпорт – город тихий, но она всегда закрывала двери после наступления темноты.

Памела закрыла и заперла дверь. Посмотрела на сотовый. Убедилась, что быстрый вызов 911 уже наготове, и осторожно вошла в кухню и щелкнула выключателем.

Всё вроде бы в порядке: новый холодильник; старая плита, на которой мать готовила столько всякой вкуснятины; стол – с утренней почтой и прибором на одного. Все так, как и оставалось после ланча.

И тут Памела почувствовала запах дыма.

Слабый, но едкий. Этот запах она научилась принимать всерьез. Электропроводка в доме была старая, но замена обошлась бы дорого, и Памела постоянно ее откладывала. Скорее всего, расплавился один из предохранителей. Из-за того, что оборудование в кабинете потребляло много электричества, она поставила пару плавких предохранителей на 20 ампер там, где требовались 15 ампер. А поскольку предохранители были старые, типа Т, то вполне могли и перегреться. Памела знала о потенциальной опасности такого решения, но до реальной проблемы дело дошло только один раз, после чего она никогда не включала офисное оборудование при работающем кондиционере. И все же будет надежнее проверить коробку и заменить неправильные предохранители на правильные. Не стоит испытывать судьбу: на следующей неделе придется, как говорится, закусить пулю и пригласить электрика.

Занятая этими мыслями, Памела открыла дверь в подвал и уже подняла руку, чтобы открыть коробку на стене у лестницы. Но увиденное повергло ее в шок.

В подвале бушевал пожар: клубы черного дыма катились вверх по ступенькам, оранжево-желтые языки пламени тянулись ей навстречу в порыве неистовом и почти нежном. И пока она, застыв в ужасе, смотрела на все это, у дальней стены подвала, около распределительной коробки, огонь полыхнул с новой силой.

Памела повернулась и уже хотела набрать номер пожарной службы, когда из-за двери кладовой к ней метнулась темная тень. Рука в твидовом рукаве зажала ей рот, оборвав еще не родившийся крик. Памела рефлексивно вскинула руки, и телефон полетел на пол.

Незнакомец потащил ее из кухни, дальше от окон, в глубь дома. Застигнутая врасплох, она даже не сопротивлялась в первые секунды, но потом вступила в схватку по-настоящему – крича через накрывшую рот ткань, кусаясь и колотя незнакомца кулаками.

Не ожидавший столь яростной атаки, противник, похоже, опешил. Хватка его ослабла, и Памела, вывернувшись, приготовилась к наступлению. Но тут к ее лицу прижали какую-то влажную тряпицу, и в нос ударил едкий химический запах. Поле зрения начала заволакивать тьма. Она еще раз дернулась, отчаянно пнула незнакомца ногой и попыталась крикнуть, позвать на помощь, но тело ее с каждым вдохом наливалось тяжестью, а мысли путались.

Незнакомец тащил ее рывками – все дальше от задней двери… все дальше от свободы. Последним, что Памела увидела перед тем, как тьма окончательно взяла верх, был оранжевый огненный узор, змейкой бегущий по стене кухни и с невероятной скоростью поглощающий старый деревянный дом.

37

Джереми Логан вел свой винтажный «Лотус» по Оушн-авеню. Морской бриз трепал волосы. Вечер выдался чудесный: солнце уже село, но собирающиеся в темнеющем небе облака еще отсвечивали розовым сиянием. Впервые за последние дни Джереми чувствовал себя так хорошо. И благодарить за это стоило, конечно, Пэм Флад, свидания с которой он ждал с нетерпением.

– Знаешь, Карен, она бы тебе понравилась, – сказал Логан, обращаясь к умершей жене, сидевшей, в его воображении, на пассажирском месте.

Привычка разговаривать с нею время от времени, когда рядом никого не было, появилась давно, а после внезапного и шокирующего появления Карен на лужайке «Люкса» воображаемый диалог с нею стал приятной отдушиной, к которой он регулярно и с удовольствием возвращался.

Выехав на Коггсхолл-авеню, Логан повернул на север, к центру города.

– У нее нет твоей изысканности и проницательности, – продолжал он, – но есть решительность и самообладание, которые, думаю, ты бы оценила.

Где-то далеко пронзительно завыли сирены. Логан взглянул на часы – четверть десятого. Еще пара минут, и он будет на месте.

Растянувшиеся по обе стороны дороги высокие, тщательно подстриженные кусты выглядели в сгущающихся сумерках лохматыми стенами. Розовый отблеск повисших в небе облаков сменился более ярким, оранжевым.

– Я ловлю себя на том, что с нею мне легко и просто. И еще кое-что. Знаешь, она навела меня на мысль, что жизнь бывает чертовски одинокой. Даже когда пытаешься совместить две карьеры…

Логан оборвал себя на полуслове. Что именно он пытается сказать Карен и, следовательно, самому себе?

Коггсхолл-авеню влилась в Спринг, и дорога немного сузилась. Симпатичных старых домов стало больше, и стояли они плотнее. Впереди, справа, уже виднелись мягкие и величественные очертания Элмса.

Сирены звучали громче и громче; тревожные, настойчивые завывания, перекрывая друг друга, смешивались в истерическую фугу. Черный, клубящийся столб дыма поднимался к небу в конце улицы. Лишь теперь Логан понял, что ярко-оранжевое сияние в небе – не отсвет закатившегося солнца, а отражение пламени.

Позади остались Башеллер-стрит и Ли-авеню. *Уже близко…*

Внезапно Логан обнаружил, что не может проехать дальше, что движение заблокировано полицейскими машинами и автомобилями аварийной службы.

Он прижался к тротуару, вышел и зашагал вперед. К вою сирен добавились новые звуки: крики, вопли, отрывистые распоряжения.

Сам не зная почему, повинуясь какому-то инстинкту, Логан побежал.

В самом начале Перри-стрит, вход на которую был перекрыт, собралась небольшая толпа: люди ахали и охали, указывали на что-то и вытягивали шею, стараясь заглянуть за кордон патрульных машин. Тревожно забилось сердце. Логан протиснулся за каретой «Скорой помощи» и снова побежал по улице, но уже через секунду остановился.

Старый викторианский дом был объят пламенем. Огненные языки вырывались из окон первого и второго этажей. Логан сделал шаг вперед, пошатнулся… сделал еще шаг… Он слышал треск пожара и стон балок. Казалось, весь дом корчился от боли. Жар ощущался даже здесь. Три припаркованные поблизости пожарные машины поливали обреченное строение белой пеной. Пожара столь лютого и злобного ему не приходилось видеть.

Еще одно перекрытие рухнуло, и старый дом издал трескучий крик.

Неожиданно для себя Логан сорвался с места и бросился к передней двери, но, едва сделав десяток шагов, наткнулся на полицейского.

– Нет! – Он попытался оттолкнуть стража порядка.

– Вы уже ничем не поможете, – сказал коп, удерживая его за руку.

И в тот же миг крыша дома обвалилась, бросив в небо фонтан искр. Пепел, куски дерева, горящие обломки взлетели над пожаром и на секунду повисли напоминающим гриб облаком. Полицейский разжал пальцы, и Логан медленно осел на тротуар, в ужасе глядя на руины дома, смерть которого еще играла на его лице желтыми, оранжевыми и черными тенями.

38

В струях утреннего света, вливающегося в окна просторного рабочего кабинета Грегори Олафсона, плавали золотистые пылинки. Склонившись над столом, директор писал что-то дорогой чернильной ручкой на кремовом листе рифленой бумаги. Вполне уверенно чувствующий себя в общении с компьютером, он полагал, что люди придают большее значение письмам и запискам, написанным от руки.

Еще не закончив, Олафсон услышал, как дверь открылась и в кабинет кто-то вошел.

– Иен, я буду признателен, если в следующий раз, когда моей секретарши нет на месте, ты, прежде чем войти, постучишь, – сказал он, не поднимая головы.

– Иен?

Директор торопливо оглянулся. В тени, едва переступив порог и еще держа руку на дверной ручке, стоял Джереми Логан.

– Иен Олбрайт. Главный по эксплуатационной части. Должен быть здесь на совещании по поводу приближающейся бури. Метеорологи говорят об урагане, урагане «Барбара», и нам нужно принять все меры предосторожности…

Логан поднял руку.

– Нужно открыть сейф, – перебил он Олафсона.

Директор прищурился.

– Извини, что ты сказал?

– Ты слышал, Грегори. Мы должны увидеть, что там.

– По-моему, я достаточно ясно выразился на этот счет. Преждевременное вскрытие сейфа стало бы прямым нарушением устава нашей организации. Нарушением обязательства, которому мы следовали семьдесят лет.

– Думаю, *это я* выразился вполне ясно. В случае твоего отказа погибнут другие люди. – Логан шагнул к столу.

Только теперь Олафсон увидел его при полном свете. Лицо и одежда энигматолога были перепачканы сажей, глаза покраснели, как будто у него выдалась бессонная ночь. Тем не менее, хотя он и выглядел изнуренным, твердая линия рта выражала решительность. На то, чтобы связать факты и выстроить логическую цепочку, директору хватило считаных мгновений.

– Боже мой… Но ты же не хочешь сказать, что вчерашнее несчастье… этот пожар в доме Фладов… – Он замолчал, внезапно осознав, что означает сажа на одежде Логана.

– А ты считаешь это совпадением? Стрейчи, человек спокойнейшего нрава, ни с того ни с сего сходит с ума и кончает жизнь самоубийством. Сразу вслед за этим генеральный подрядчик на перестройку Западного крыла уходит в отставку и исчезает – его местонахождение неизвестно. И вот теперь Памела… Несколько месяцев назад ее пытались запугать, чтобы получить оригинальные чертежи «Люкса». Теперь она помогает

нам обнаружить вход в секретную комнату – и на следующий же вечер ее убивают.

– Это всего лишь трагический инцидент.

Логан только махнул рукой, словно отгоняя надоедливое насекомое.

– Не верю. И тебе не стоит.

Олафсон сделал глубокий, ровный вдох.

– Джереми, ты говоришь о заговоре.

Логан медленно кивнул.

– Извини, но, по-моему, это ерунда. Знаю, тебе нравилась Памела – это было очевидно, – и я искренне тебе сочувствую, но нельзя же просто переносить…

Логан наклонился к директору через стол.

– Грегори, открыть сейф – твой *моральный долг*.

Олафсон посмотрел на него, но не ответил.

– Сначала Стрейчи, потом Уилкокс и вот теперь Пэм Флад. Сколько еще жизней будет разрушено, прежде чем мы доберемся до сути дела?

– Джереми, я думаю…

– Возможно, следующий на очереди – я. В конце концов, это же полностью соответствует логике вещей. Не исключено, что одно покушение на мою жизнь уже было. Как ты будешь чувствовать себя, если следующее будет успешным?

– У нас нет никаких оснований рассчитывать, что содержимое сейфа поможет…

Логан наклонился еще ближе.

– Кровь Пэм на твоих руках. *Твоих*, Грегори. Это ты меня вызвал. Ты попросил о помощи. И сейчас мы займемся этой чертовой штукой вплотную. Я намерен узнать, что там, в этом сейфе, даже если мне придется подорвать его самому.

В кабинете стало тихо. Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга. Потом, неслышно вздохнув, Олафсон поднял трубку, набрал внутренний номер и, услышав голос с лондонским акцентом, сказал:

– Иен? Доктор Олафсон. Мы можем передвинуть совещание на час позже? Да, правильно. Спасибо.

Он положил трубку, повернулся к Логану и, опустив руку в карман, достал кольцо с ключами, из которых выбрал небольшой латунный. Ключ подошел к замку нижнего ящика письменного стола. Олафсон выдвинул его, перебрал с дюжину висевших там пластиковых папок и остановился на последней, с одним-единственным, потемневшим от времени скоросшивателем без ярлыка. Взял его, положил на стол и раскрыл.

Внутри лежал конверт, неподписанный, но запечатанный темно-красным сургучом с печатью «Люкса».

Олафсон поднял конверт и еще раз посмотрел на Логана. Энигматолог ответил ему бесстрастным, ничего не выражающим взглядом. Наконец директор вздохнул и одним движением пальцев сломал печать.

В конверте оказался листок голубой бумаги с тремя числами: 42, 17 и 54.

Олафсон повернулся вместе с креслом к задней стене кабинета. Под абстрактными экспрессионистскими картинами висела рамка темного дерева с официальной фотографией первого директора и всех стипендиатов, сделанной в 1892 году, когда организация получила свое нынешнее название. Олафсон взялся за правый край рамы и осторожно потянул на себя. Рама повернулась на невидимых петлях.

За нею открылась дверца небольшого сейфа с наборным диском.

Держа в левой руке голубой листок, Олафсон несколько раз повернул диск влево, потом медленно и осторожно подвел его так, чтобы стрелка указывала на 42. Потом повернул диск вправо и, сделав два полных оборота, остановился на 17. Затем снова покрутил влево, сделал полный оборот и остановился на 54. И, наконец, осторожно повернул вправо, пока не почувствовал, что засов отошел. Директор потянул за ручку и открыл сейф.

В небольшой, похожей на пещеру камере лежала тонкая папка, и на ней конверт. Олафсон осторожно вынул и то и другое и положил на письменный стол. Оба документа были также запечатаны сургучом.

Не говоря ни слова, Логан обошел стол и встал за спиной у директора.

Первым делом Олафсон сломал печать и открыл папку. В ней обнаружились список имен, несколько графиков и фотографий и что-то вроде памятной записки. Директор положил папку на стол и взял в руки конверт, на котором имелась следующая, сделанная твердой рукой надпись:

«ЧРЕЗВЫЧАЙНО СЕКРЕТНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО —

ОТКРЫТЬ ТОЛЬКО ДИРЕКТОРУ ЛЮКСА

В ГОДУ 2035 ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА».

Он сломал печать, достал из конверта один-единственный листок и развернул его так, чтобы прочитать мог и Логан.

Ньюпорт, Род-Айленд

30 декабря 1935

Директору «Люкса», 2035

Вам, несомненно, известны обстоятельства, при которых это письмо вместе с прилагаемым резюме и прочими секретными документами помещаются под замок. Вы также в курсе – по крайней мере в общих чертах – исследований, вызвавших необходимость такого шага и по состоянию на сей день прекращенных.

Те немногие сотрудники «Люкса», которые занимались «Проектом Синестезия», связывали с ним большие надежды. Однако со временем стало ясно, что отделить благотворные эффекты проекта от потенциально деструктивных не представляется возможным. В дурных руках эта технология могла бы привести к разрушительным последствиям. Учтя все, я, с немалым сожалением, принял решение закрыть проект.

Однако положительные результаты исследований столь интересны и многообещающи, что приказ об уничтожении собранных в ходе исследований материалов мною до сих пор не отдан. Для вас, читающего это письмо, с момента его написания прошло сто лет. За это время наука, несомненно, сделала огромный шаг вперед. Ваша задача, следовательно, состоит в том, чтобы ознакомиться с деталями «Проекта Синестезия» и решить, возможно ли довести исследования до завершения таким образом, чтобы исключить их потенциально негативный эффект для человечества.

Данное письмо и приложенные к нему документы не содержат подробного описания проекта и его целей; вся необходимая информация содержится в лаборатории Западного крыла. Скорее, оно дает базовое представление об исследовании и объясняет, как попасть в саму лабораторию.

В помощь себе вам предстоит выбрать – и сделать это очень тщательно – четырех членов правления. Желательно, чтобы они имели различную научную, философскую и психологическую подготовку. Всем вместе вам надлежит изучить хранящуюся в

лаборатории документацию, ознакомиться с полученными результатами, принять во внимание достигнутый в ваше время технологический уровень, а затем собраться, чтобы втайне обсудить и поставить на голосование вопрос о возобновлении исследований. В случае равенства голосов вы, директор, обязаны поддержать ту или иную сторону.

Если решение будет отрицательным, я настоятельно рекомендую незамедлительно и самым тщательным образом уничтожить записи, материалы, оборудование и все прочее, что имеет отношение к проекту.

Желаю удачи и Божьей помощи в решении этой наиважнейшей задачи.

Искренне ваш,

Чарльз Р. Рэнсом II

Директор «Люкса»

39

В половине третьего пополудни в дверь тихонько постучали.

Логан поднял голову от лежащих на письменном столе бумаг.

– Войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошла Ким Миколос – на плече сумка, в руках накрытая льняной салфеткой тарелка.

– Я не видела вас на ланче, вот и подумала, что сэндвич вам не помешает. – Она поставила тарелку на стол. – Жареная курица с авокадо, персиковый чатни и кресс-салат. Я и сама такой съела, так что могу рекомендовать.

Логан откинулся на спинку стула и потер глаза.

– Спасибо.

Женщина опустилась на ближайший стул и секунду-другую пристально смотрела на него.

– Я хотела сказать… мне очень жаль, что с Памелой так случилось.

Он кивнул.

– Знаете, мне было не по себе из-за того, что я нехорошо о ней отзывалась, а теперь еще хуже.

– Откуда вам было знать, что так получится.

С минуту они сидели молча.

– Вы что-нибудь слышали? – спросила неуверенно Миколос. – О пожаре?

– Предварительное следствие пришло к выводу, что имел место несчастный случай. Неисправная электропроводка, перегрузка… Вот так.

– Но вы с этим выводом не согласны.

– Не согласен. Я был там. Никогда не видел, чтобы огонь так бушевал. – Логан сглотнул. – Шансов у нее не было.

Они снова замолчали. Снаружи доносился стук молотка, завывание ленточной пилы. Особняк готовился встретить ураган «Барбара». Буквально за несколько часов тот набрал такую силу, что его перевели во вторую категорию. Сейчас «Барбара» шла от полуострова Дельмарва и, при сохранении курса, могла, согласно прогнозам, обрушиться на южное побережье Новой Англии ближе к ночи. В «Люксе» уже привели в действие план эвакуации.

– Над чем работаете? – спросила Ким, кивком указав на разбросанные по столу бумаги.

– Как раз хотел с вами поделиться…

Логан коротко рассказал о потайном сейфе Олафсона, о замороженном на сто лет проекте и о том, как ему удалось убедить директора выдать документы. Ким слушала, и выражение ее лица, в начале разговора представлявшее странное сочетание сожаления и смущения, постепенно менялось.

– Вот это новость, – выдохнула она, когда Логан закончил. – И что вы обнаружили?

– Меньше, чем хотелось бы. К сожалению, документы в сейфе не раскрывают природы самих исследований. В тысяча девятьсот тридцать пятом исходили из предположения, что через сто лет в распоряжении будущего директора окажутся все материалы, собранные в тайной комнате, которые, как мы теперь знаем, были намеренно оттуда изъяты.

– И все же что вы узнали из имеющихся документов?

– Как попасть в лабораторию – это мы выяснили сами благодаря Пэм. Имена трех ученых, непосредственно занимавшихся проектом. И – да, название предприятия: «Проект Синестезия».

Ким нахмурилась.

– Синестезия?

– Неврологический термин, обозначающий довольно необычное явление, при котором раздражение одного органа чувств вызывает также ощущения, соответствующие другому органу чувств. В начале двадцатого века научный мир проявлял к этой теме большой интерес, но он давно сошел на нет.

– Любопытно. – Ким на секунду задумалась, потом снова посмотрела на Логана. – Но при чем здесь охота на привидения?

– Вот я и себя о том же спрашиваю и уже начинаю думать, что, возможно, ошибался насчет предназначения Машины. – Он сел поудобнее. – По крайней мере, мы знаем теперь, откуда взялся «Проект Син». Скорее всего, это его кодовое обозначение или рабочее название.

– Рабочее название, – кивнула Ким. – Вы сказали, что узнали имена трех ученых. Есть кто-то, о ком я могла слышать?

– Сомневаюсь. – Логан поискал что-то взглядом и взял листок с тремя короткими параграфами. – Старшим из участников проекта был Мартин Уоткинс, ученый-физик. Насколько я смог понять, он и возглавлял работы. Умер довольно давно, в начале пятидесятых. Очевидно, совершил самоубийство. Вторым был его ассистент, инженер-механик Эдвин Рэмси. Умер четыре года назад. И третьим – Чарльз Соррел, самый младший из тройки. Медик. Специализировался на том, что в наше время называется нейробиологией. Что случилось с ним, выяснить не удалось – никаких следов я не обнаружил.

– И это всё? – разочарованно спросила Ким.

– Да, если не считать того, что я прочел между строчек. Секретность проекта объясняется, по всей видимости, сомнительным характером работ с применением современных технологий. Но о причинах остановки исследований, почему их сочли опасными, – об этом ничего не сказано.

Некоторое время оба молчали. Ким, рассеянно жуя губу, смотрела в окно. Потом повернулась к Логану.

– Почти забыла. Я поработала с теми устройствами, которые мы нашли в лаборатории. Похвастать нечем, но небольшой прогресс есть.

– Поделитесь, – оживился Логан.

– Судя по имеющимся компонентам, это могут быть генераторы тональной частоты. По крайней мере, в том числе.

– И для чего они там нужны? – удивленно спросил Логан.

Женщина пожала плечами.

– В этом я еще не разобралась.

– Как они взаимодействуют с Машиной?

– Увы, пока тоже сказать не могу.

Логан снял накрывавшую сэндвич салфетку.

– Вроде бы ничего зловещего.

– Знаю. Может, и ошибаюсь… Буду работать.

Энигматолог взял половину сэндвича.

– Звуковой генератор… – Он уже открыл рот, но, не успев откусить, отложил в сторону. – Вспомнил кое-что. Вы не дадите мне компакт-диск Алкана?

– Великие умы мыслят одинаково. У меня как раз с собой. – Порывшись в сумке, Ким бросила на стол пластиковый футляр.

Он посмотрел на обложку.

– *Grande sonate Les quatre âges*. Шарль-Валантен Алкан.

– Симфония для фортепиано из четырех частей. Жутковатая вещь. Уилларду очень нравилась.

Логан поднялся из-за стола, захватил компакт-диск и прошел в спальню. Ким последовала за ним. Возле кровати стоял будильник со встроенным CD-плеером. Логан положил диск в дисковод, подстроил звук. Секундой позже комнату заполнила столь ярко отпечатавшаяся в его памяти музыка, которую он впервые услышал в гостиной Стрейчи: буйная и романтическая, но в то же время демоническая, со сложными переходами между мажором и минором, невероятно сложная, пронизанная агрессивными порывами арпеджио и резким звучанием струнных. Логан инстинктивно сделал шаг назад.

– Что такое? – спросила Ким. – У вас такой вид… Извините за банальную фразу, но вы как будто привидение увидели.

– Так оно и есть. Эта музыка постоянно у меня в голове.

– И что это значит? При чем тут Машина? Вы же не думаете…

Логан торопливо выключил проигрыватель.

– Нет. – Он вернулся в кабинет и снова сел за стол. – Нет, не думаю. Помните, я говорил, что у меня способности эмпата? В первый раз я услышал эту музыку в кабинете доктора Стрейчи. Позволю себе

предположить, что эмпат во мне принимал то, что слышал сам Стрейчи, когда начинал заболевать. – Он помолчал. – Но есть и кое-что еще.

– Что?

– Когда я услышал эту музыку, там, в кабинете Стрейчи, я одновременно ощутил что-то. Что-то отвратительное, как запах горящей плоти.

– Музыка Алкана действовала на слушателей по-разному, иногда очень необычно. Некоторые утверждали, что, слушая ее, чувствовали запах дыма.

Логан почти не слушал ее – он думал.

– Перед самой смертью Стрейчи сказал, что его преследуют голоса. Голоса со вкусом яда. И потом доктор Уилкокс, за завтраком… Он тоже кричал что-то о голосах у него в голове. Голосах, которые делают ему больно, слишком резких…

– Меня там не было, – вставила Ким. – И слава богу.

– Я тогда предположил, что ему больно оттого, что голоса слишком пронзительные, слишком громкие. Но сейчас думаю, что он имел в виду другое. Полагаю, он *ощущал* голоса.

Ким пристально посмотрела на него.

– Вы ведь говорите о синестезии, да?

Логан кивнул.

– Чувствовать запах музыки. Вкус голосов.

Некоторое время Ким в задумчивости стояла у стола, потом негромко сказала:

– Я, пожалуй, пойду.

– Спасибо за сэндвич. – Логан проводил ее взглядом. Дверь закрылась.

Он посмотрел на сэндвич, лежавший на белой фарфоровой тарелке. Потом взял листок с короткими справками по ученым, занимавшимся проектом, и еще раз внимательно перечитал все три параграфа.

40

Пансионат для престарелых «Тонтон-ривер» размещался в трехэтажном строении кремового цвета на Миддл-стрит в городке Фолл-Ривер, штат Массачусетс. Логан заехал на парковочную площадку позади здания и, кланяясь завывающему со страшной силой ветру, вошел через главный вход в вестибюль.

Наведя справки, энигматолог минут через пять поднялся на второй этаж.

– А вот и он сам, – сообщила сиделка. – Возле окна.

– Спасибо.

– Так вы его родственник?

– Дальний, – ответил Логан. – Долго объяснять.

– Это хорошо, что заглянули, тем более в такую погоду. Детей у него нет – умерли, а внуки – стыд-то какой – ни разу и не навещали. А он ведь до сих пор в здравом уме.

– Еще раз спасибо.

Сиделка взглянула на коробку шоколадных конфет в руке посетителя.

– А вот этого ему, боюсь, нельзя.

– Я оставлю их в комнате медсестры, когда буду уходить.

Логан прошел через просторный зал. Постояльцы пансионата, мужчины и женщины преклонного возраста, смотрели телевизор, играли в карты, собирали пазлы, бормоча что-то себе под нос, или просто сидели, глядя пустыми глазами вдаль. Энигматолог остановился перед большим венецианским окном с видом на Кеннеди-парк и – дальше, за железнодорожными путями – Музей военных кораблей. У окна, в коляске, сидел мужчина. Никогда еще Логан не видел человека, на лице которого старость проставила бы столь явственную печать: болезненно-землистое, оно все было испещрено морщинами. Костяшки суставов вцепившихся в подлокотники пальцев, казалось, вот-вот прорвут тонкую, как папиросная бумага, иссохшую кожу. Сморщенное, сгорбившееся под бременем лет тело словно застыло в форме запятой. Рядом, на сиденье, лежала кислородная трубка; в носу – канюля. Но блеклые голубые глаза взирали на гостя живо и внимательно.

– Доктор Соррел?

Еще секунду старик только смотрел на него, потом едва заметно кивнул.

– Меня зовут Логан.

Взгляд старика соскользнул на коробку конфет.

– Мне не разрешают. – Его голос напоминал шорох сухих листьев, разметенных по разбитой мостовой.

– Знаю.

Соррел снова поднял глаза.

– Что вам нужно?

– Можно? – Логан подтянул стоявший неподалеку стул. – Я бы хотел поговорить с вами.

– Валяйте.

Энигматолог сел.

– Вообще-то, я предпочел бы услышать, что вы скажете.

– О чем?

Поблизости никого не было, но Логан все же слегка понизил голос:

– «Проект Син».

Старик замер. Костяшки пальцев на подлокотниках коляски побелели еще сильнее. Взгляд медленно ушел в сторону. Минуту-другую он молчал, потом облизал сухие губы. Прокашлялся.

– А гроза-то надвигается.

Логан посмотрел в венецианское окно. Передний фронт урагана приближался к городу, и деревья в парке гнулись и качались под ветром; сорванные ветки и облака зеленых листьев носились под грозно нависшим, зловещим небом. Улицы как будто вымерли.

– Да, надвигается.

– Так о чем вы говорили? – спросил старик.

– Я сказал, что хотел бы получить информацию по «Проекту Син».

– Ничем не могу помочь.

– Думаю, можете, доктор Соррел.

Глаза у старика закатились, как будто он искал взглядом помощи.

– Не беспокойтесь, – негромко сказал Логан. – Я получил официальное разрешение посетить вас.

– Мне девяносто восемь. Я стар. И память у меня уже не та, что раньше.

– Сомневаюсь, что вы забыли этот проект. Но в любом случае позвольте освежить вашу память. «Проект Син» разрабатывался в «мозговом центре» под названием «Люкс», в Ньюпорте. В девятьсот тридцатых работы были внезапно прекращены тогдашним директором, Чарльзом Рэнсомом. Исследованиями занимались трое: Мартин Уоткинс, Эдвин Рэмси и вы. Ваши коллеги умерли, так что остались только вы.

Вместо ответа старик лишь чуть заметно качнул головой, но был это жест отрицания или дрожательный паралич, Логан не понял.

– Я – или лучше сказать *мы*, поскольку я работаю по поручению «Люкса», – знаю о секретной комнате. Я был там. Видел оборудование. И мне известно, почему проект закрыли: из-за опасений, что результаты исследований могут быть использованы во вред человечеству.

Голова Соррела дернулась от непроизвольного мышечного спазма. Он закрыл глаза. Веки так истончились, что Логан почти видел сквозь них радужную оболочку.

– Недавно кто-то – мы не знаем кто – проник в лабораторию. У нас есть основания полагать, что они пытаются заново запустить старые эксперименты. Судя по их действиям, облагодетельствовать человечество они не стремятся – скорее наоборот. Проблема в том, что из лаборатории унесли все записи, все документы. Мне нужно, чтобы вы рассказали, над чем работали.

И снова никакого ответа.

Логан опустил руку в карман, достал конверт, вынул сложенный лист и, развернув, показал Соррелу. Это было письмо от Олафсона, написанное на фирменном бланке «Люкса» и дающее Соррелу разрешение ответить на любые вопросы Логана. Старик внимательно просмотрел письмо и отвернулся.

– Как вы нашли меня? – спросил он наконец.

– Не без труда.

Некоторое время Соррел лишь молча шевелил губами, потом все же вымолвил:

– Я дал клятву…

– Как и Олафсон, нынешний директор «Люкса». Но он ее нарушил – по весьма уважительной причине.

– Я дал клятву и держал ее все эти годы, – пробормотал старик себе под нос.

Логан наклонился к нему.

– Доктор Соррел… После вторжения неизвестных в секретную комнату умерли два человека. Еще несколько пострадали – в большей или меньшей степени. Кое-кто переживает состояние синестезии; люди чувствуют вкус голосов, запахи музыки. Мне нужно знать, над чем вы работали и почему работы были остановлены. Рассчитывать я могу только на вашу помощь. Больше не на кого.

Слушая Логана, старик вдруг притих, как будто затаился.

– Доктор Соррел?

Молчание.

– Ваша помощь жизненно необходима.

Ничего.

– Доктор Соррел?

Старик наконец пошевелился.

– Два восемнадцать.

– Извините?

– Два восемнадцать. Моя комната, – впервые за время разговора Соррел поднял руку и указал в направлении коридора. – Там. Поговорим там.

41

Довольно просторная комната Соррела в пансионате «Тонтон-ривер» своей спартанской обстановкой напоминала монашескую келью. Больничная кровать с несколькими работающими мониторами на стене; запасной баллон с кислородом; единственное окно с видом на штормовое, темнеющее небо. Столик на колесиках, несколько журналов, среди которых Логан с удивлением увидел недавние номера «АМА», «Лансет» и «Нейчер», все изрядно зачитанные.

Логан развернул коляску лицом к небольшой кушетке, задернул шторы – чтобы не отвлекаться – и опустился на стул.

– Покажите-ка мне еще раз то письмо, – прошептал Соррел.

Логан показал письмо.

– Расскажите о смертях. Пожалуйста.

– Первым был ученый, работавший в области компьютерных наук, давний резидент «Люкса». Ему поручили отреставрировать Западное крыло, закрытое уже много лет. Ни с того ни с сего разбушевался, впал в истерику – что совершенно не в его характере, кричал о голосах у него в голове, твердил что-то невнятное о какой-то угрозе. В конце концов не выдержал и покончил с собой.

Соррел поморщился, словно от боли.

– А другой?

– Правнучка первого архитектора «Люкса».

– И вы утверждаете, что между этими двумя смертями есть связь?

– Не могу сказать наверняка, но думаю, что есть.

– Вы упомянули других, которые тоже как-то пострадали.

Логан кивнул.

– Да. Люди слышали голоса. Испытывали опасные для жизни влечения… – Он перевел дух. – Видели людей, которых там не было.

Старик на секунду отвел взгляд.

– Не могли бы вы дать стакан воды?

Энигматолог кивнул, поднялся, вышел из комнаты и направился к комнате дежурной медсестры. Вернувшись через минуту с пластиковой бутылкой охлажденной воды, он открыл ее и поставил в держатель на подлокотнике коляски. Соррел взял бутылку и приник губами к горлышку. Рука его заметно дрожала, на иссохшей, тощей шее подпрыгивал кадык. Поставив бутылку, он чинно промокнул губы подолом халата.

– Я пришел в проект незадолго до того, как его закрыли. Совсем еще молодым. Да мы все были молоды. Я только-только закончил медицинскую школу Гарварда, был полон новых идей. Новых, во всяком случае, для того времени… – Соррел покачал головой. – Передо мной поставили задачу: определить, возможно ли неврологическим или иным медицинским способом уменьшить негативные эффекты.

– Полагаю, вам это не удалось, – мягко заметил Логан.

Минуту или две старик молчал.

– Давно это было. Я сдержал клятву, ни с кем об этом не говорил, но, конечно, следил за тем, как идут дела в биологии и психологии. Времени прошло много, и мне трудно… трудно сопоставить мои позднейшие предположения о том, что могло или должно было случиться, с тем, что случилось на самом деле.

Несмотря на возраст, Соррел сохранил замечательную ясность мысли.

– Расскажите мне о цели проекта, – попросил Логан. – Своими словами.

Старик снова кивнул, и взгляд его ушел вдаль, словно он пытался рассмотреть что-то в далеком прошлом. Наверное, так оно и было. Логан не торопил. Перед его мысленным взором проходила вереница слегка размытых образов: группа смеющихся мужчин в хлопчатобумажных костюмах и соломенных шляпах, стоящих на передней лужайке

«Люкса»; они же в лаборатории, занятые каким-то экспериментом; и снова та же троица вокруг стола, с серьезными лицами.

Старик наконец пошевелился.

– Все началось случайно. Мартин экспериментировал с эффектами высокочастотного звука. Того, что сегодня назвали бы ультразвуком. – Он посмотрел на Логана. – Вы, наверное, не в курсе того, как влияют на человека определенные инфразвуковые частоты.

– Вы имеете в виду что-то вроде Призрака Ковентри?

Соррел удивленно кивнул.

– Да. Именно это.

Честь открытия странного явления принадлежала исследователям из университета Ковентри, выяснившим, что низкочастотный звук, около 19 герц, вызывает чувство тревоги и страха. Побочным же эффектом инфразвука является глазная вибрация, вызывающая видения в форме неясных призрачных образов.

– Мы, разумеется, работали намного раньше. Мартин открыл, что некоторые высокочастотные звуки действуют на людей весьма специфически.

– Говоря о Мартине, вы имеете в виду Мартина Уоткинса, физика?

Соррел снова кивнул.

– Какой была частота ультразвука?

– Точно не помню. Но в природе такой не бывает. Где-то, думаю, в районе полутора или одного и шести десятых мегагерц. Это была епархия Мартина, а не моя. Феномен возникал только при соблюдении точных параметров частоты и уровня давления звука.

– И в чем же заключался этот феномен?

– Необычные сенсорные манифестации. Странное, непредсказуемое поведение. И даже, в крайних случаях, то, что психолог назвал бы «диссоциацией».

– Напоминает некую форму шизофрении, – заметил Логан.

– Точно. Конечно, в тридцатые термин «шизофрения» был еще относительно новым. Многие до сих пор называют это *dementia praecox*, раннее слабоумие. – Соррел невесело усмехнулся. – Знаете, люди и сегодня так же далеки от понимания шизофрении, как и мы в те времена, когда президентом был Рузвельт. Ее этиология неизвестна.

– По крайней мере, она поддается лечению. Такие средства, как торазин, клозарил…

– Да. Сначала появился торазин. – На какое-то время Соррел, похоже, ушел в воспоминания. – Приступая к исследованиям, мы исходили из того, что, если строго определенные ультразвуковые частоты могут *индуцировать* такие реакции – если звуковые волны влияют на мозг определенным образом, то логично предположить, что другие звуковые волны – возможно, гармонические, возможно, деривативные – будут производить *противоположный* эффект.

И в этот момент как будто огромная деталь невидимого пазла встала на место в голове Логана.

– Конечно. Если звук можно использовать для запуска шизоидного поведения в нормальном мозгу, то почему бы его не использовать для подавления такого поведения в шизоидном мозгу?

– По сути, именно так, молодой человек. С этого и начиналось то, что назвали «Проектом С». По очевидным причинам исследования держали в секрете – меньше всего «Люкс» хотел, чтобы произошла утечка и мир узнал, что они открыли способ репродуцировать шизофреническое поведение. И все же надежды были большие. Мартин и его напарник, Эдвин Рэмси, думали, что смогут найти способ исцеления или по крайней мере эффективного лечения заболевания, на протяжении веков сбивавшего человечество с толку. Требовалось только одно: реверсировать исходное исследование Мартина.

Старик рассказывал, и глаза его прояснялись и оживали, да и сам он заметно воодушевился. Но теперь, остановившись, снова ссутулился и поник.

– Они перепробовали всё. Разные частоты и амплитуды. Маскировку звука. Интерференцию. Они почти изобрели революционный метод шумоподавления. В конце концов им удалось добиться некоторого прогресса в смягчении шизоидного поведения у больных, но устранить негативное воздействие всех остальных у них так и не получилось… – Глаза у старика закрылись, голова склонилась. Он вздрогнул. – Я сказал «у них»? Нет, у нас. Меня привлекли как последнее средство.

– И на что они надеялись? Чего ожидали от вас? – спросил Логан.

– Некоего медицинского ключа. Биологического ответа для решения проблемы.

– А каков механизм работы звуковых волн?

– Каков механизм? Этого я вам сказать не могу. Как и не могу сказать, *что* вызывает шизофрению. Это центральная проблема. Поверьте, уж

я-то поломал над ней голову. Изучал все возможности – ради, разумеется, удовлетворения собственного интереса. – Он взглянул на лежащие на столике журналы. – Насколько я могу судить, высокочастотные звуковые волны стимулируют – говоря современным языком – серотониновые рецепторы в лобной коре мозга. Возможно, они также действуют как ядра шва. – Он вздохнул. – Как ни странно, но по мере совершенствования оборудования – источников электромагнитного излучения, усилителей, компрессоров, трансмиссионного оборудования – эффекты только усиливались. Галлюцинации становились причудливее, поведение – более непредсказуемым. Синестезия сделалась обычным побочным эффектом. К концу работ соответственно изменилось и название проекта. Понимаете, они надеялись, что в худшем случае нам удастся узнать что-то о внутреннем механизме таких состояний, как синестезия и шизофрения. Но… – Старик снова погрузился в молчание.

– Вас закрыли в тридцать пятом, – сказал Логан.

Соррел кивнул.

– Тогдашний директор, Рэнсом, очень беспокоился из-за того, что устройство, подобное нашему, провоцирующее галлюцинации и непредсказуемые реакции, может вызывать короткое замыкание мозга. Это мой термин, не Рэнсома. Он опасался, что устройство начнут использовать в дурных целях, что с его помощью людей будут заставлять видеть то, чего на самом деле нет, и слышать несуществующие голоса. Принуждать делать то, чего они не хотят. Когда у работавших поблизости от лаборатории ученых начались слуховые и зрительные галлюцинации, а за некоторыми стали замечать странности в поведении, Рэнсом заявил, что наши исследования противоречат уставу. Тем не менее он чувствовал, что у проекта имеется достаточный потенциал, чтобы не сдавать его в металлолом, а только законсервировать. Лабораторию запечатали со всем, что в ней находилось: оборудованием, книгами, документами – их хватило на несколько ящиков.

– Как к этому отнеслись остальные?

– Вы имеете в виду Мартина и Эдвина? Как и любой на их месте. Особенно тяжело пришлось Мартину. Хотя технологическим обеспечением занимался в основном Эдвин, первым разработчиком процесса был именно Мартин. После закрытия проекта мы сразу разошлись. Говорить об этом никто не хотел, даже если бы нам и разрешили. Я вернулся в Массачусетс, устроился на работу в одной местной больнице. А Мартин в результате покончил с собой.

В комнате воцарилось молчание. Логан взглянул на зашторенное окно.

– С вашего позволения, несколько уточняющих вопросов относительно оборудования. В углу лаборатории мы обнаружили несколько громоздких костюмов. Я так понимаю, что операторы надевали их, чтобы обезопасить себя от негативных эффектов при работе с оборудованием?

– Если б у нас все получилось, эти костюмы никому не понадобились бы.

– В центральном устройстве есть два установочных положения: «луч» и «поле».

– Терапевтические процедуры предполагалось проводить двумя разными способами. При первом обрабатывалась бы группа из нескольких собранных вместе пациентов.

– Понятно. Отсюда и римские числа на полу… Значит, при этом прибор устанавливался в режиме работы поля.

Соррел кивнул.

– А «луч»?

– Этот режим предназначался для индивидуального и дистанционного лечения. Радиоволна посылалась на определенной частоте и принималась одним из нескольких сконструированных устройств меньшего размера. Получая сигнал, оно, в свою очередь, испускало ультразвуковую волну.

– Эти небольшие устройства, о которых вы говорите, они хранились в лотке центральной машины?

– Да.

– Как они подключались к энергопитанию?

– Обычным способом – работали от электричества. Там все было: штепсельные вилки, соленоиды, вакуумные лампы…

Логан на секунду задумался.

– Дисплеи на лицевой панели Машины, с градуировкой от единицы до десяти.

– Верно.

– У вас была стандартная медицинская доза?

– Обычно двойка. Иногда доходило до пяти, но только в случаях ярко выраженного психоза.

– Полагаю, это случалось в режиме поля.

– Правильно.

– А если б вы перешли красную черту?

Старик нахмурился.

– Извините?

– Что было бы, если б вы установили десятку?

– А, понимаю. – Соррел провел по губам дрожащей рукой. – Мы никогда, как вы выразились, не «пересекали красную черту».

Поколебавшись, Логан все же задал последний вопрос.

– Через несколько лет карантин будет снят. Соберут экспертный совет. Станут решать, следует ли дать «Проекту С» красный свет, возможно ли при ныне достигнутом технологическом уровне обеспечить условия, при которых он не станет использоваться во зло людям. По-вашему, решение будет положительным?

Старик коротко взглянул на него и покачал головой.

– Я бы хотел так думать. Все эти годы хотел, чтобы так и случилось. Но… Нет, считаю, что этого не будет. «Проект С» – ящик Пандоры. Неприятно так говорить, но они правильно сделали, что прикрыли его. И если вы правы, молодой человек, если кто-то действительно втайне возобновил работы, то… они открывают окно в ад.

Окно в ад. Логан поднялся.

– Спасибо, доктор Соррел. За потраченное время и за откровенность.

– Удачи. – Старик поднял на прощание высохшую руку. – Похоже, она вам понадобится.

42

Пришел вечер. Дождь нещадно хлестал по фронтонам, парапетам и шпилям особняка. В скромных апартаментах в дальней секции второго этажа зазвонил сотовый.

Трубку взяли после третьего гудка.

– Привет.

– Абрамс, – произнес голос из Северной Вирджинии.

– Знаю.

– Логан в Фолл-Ривер, штат Массачусетс.

– Что он там делает?

– Навещал пансионат для престарелых. Разговаривал с последним из тройки.

Человек на втором этаже промолчал.

– Мы думаем, теперь он все знает, – сказал тот, кто называл себя Абрамсом.

– Старик наверняка страдает маразмом. Скорее всего, вывалил на Логана кучу бреда.

– Согласно имеющейся у нас информации, с памятью у него полный порядок.

– Даже если так, все, что мог выведать Логан, это лишь предыстория. Обо мне… о нас… он не знает ничего.

– Но скоро узнает. Это вопрос времени. Будем разбираться.

– Как уже «разобрались» с той женщиной, архитектором?

– Да. Время сейчас – самое главное. Мы слишком долго ждали и больше не можем позволить себе откладывать решение на потом.

– Вам уже было сказано – с Логаном справлюсь без вас.

– Шанс у вас был, – сказал Абрамс. – Теперь решают другие.

– Нет. Так не пойдет. Мы вызовем подозрения…

– Подозрения? Вы, должно быть, шутите. Посмотрите, какой ураган обрушился на Ньюпорт. Ситуация идеальная. Логан уже возвращается. У вас проводится эвакуация?

– Эвакуация добровольная, но да, многие уже уехали.

– Тем лучше. Ураган промчится, и тело Логана найдут на берегу. Люди будут опечалены, но никто ничего не заподозрит.

– Убивать его опасно.

– Оставлять в живых еще опаснее. И Логан – не единственный, кто слишком много знает. Вы удивитесь, когда увидите, какой ущерб может причинить ураган второй степени… – Абрамс помолчал, потом добавил: – Ждите. Мы обо всем позаботимся. Раз и навсегда.

43

В половине девятого вечера Ким Миколос сидела, подобрав под себя ноги, на кровати, старательно печатая что-то на лэптопе. От работы ее оторвал внезапный хлопо́к.

Ким бросила взгляд в сторону ванной, которую делила с Лесли Джексон. В ванной никого не было, как и в комнате за ней – из-за урагана соседка еще днем уехала вместе с родственниками подальше от берега. У Ким родственников поблизости не нашлось, а от предложения друга переждать непогоду в доме его родителей в Хартфорде она отказалась. Огромный каменный особняк выглядел убежищем вполне надежным, не хуже любого другого, а кроме того, ей было чем заняться.

И снова стук. Но на этот раз Ким успела заметить, что звук идет от окна, о створчатый переплет которого бьется ставень. От удара задрожали даже стоявшие на прикроватном столике рамочки с бабочками. Днем рабочие из техобслуживания проходили по комнатам, проверяя, все ли окна надежно закрыты. Должно быть, ставень оторвало ветром.

На подушке завибрировал сотовый. Ким подняла телефон, взглянула на дисплей с номером входящего звонка и нажала «прием».

– Ким? Это Джереми.

– Вы где?

– На заправочной, севернее университета Роджера Уильямса.

– Я думала, вы уже должны были давно вернуться.

– Я и сам так думал, но мост Саконнет закрыт, так что пришлось ехать кружным путем, через Уоррен и Бристоль. Погода такая, что машины на сто третьем и сто шестом едва ползут. Я так понял, вы уезжать не собираетесь?

– Нет, остаюсь.

– Раз так, можете сделать для меня кое-что?

– Что?

– Помните те два маленьких устройства, которые мы нашли в Машине?

– Помню ли? Да я уже несколько дней с ними вожусь.

– Мне нужно, чтобы вы спрятали их где-нибудь. В надежном месте. И, пожалуйста, заберите то, что находится в радио, в апартаментах Стрейчи. Его тоже спрячьте.

– Но я сейчас как раз… – Она не договорила. Помолчала. – Поняла.

– А потом, пожалуйста, сделайте вот что. Поищите в моей комнате еще одно устройство. Оно, по всей вероятности, спрятано где-то у стены, за которой комната Уилкокса. Может быть, за книжным шкафом или буфетом. Если найдете, положите вместе с остальными. Я бы и сам это сделал, но не знаю, когда вернусь, а полагаться на волю случая не хочу.

– А в чем дело? Что случилось?

– Я говорил вам, зачем собираюсь в Фолл-Ривер и кого надеюсь там увидеть. Ну так вот, Соррел рассказал о «Проекте Син». Похоже, они искали способ лечения от шизофрении с помощью высокочастотных звуковых волн.

Миколос затаила дыхание. *Неудивительно, что…*

– Им удалось репродуцировать шизофренические симптомы у нормальных людей, используя определенную звуковую частоту, и они надеялись, что другая частота будет производить противоположный эффект в случаях с настоящей шизофренией. Но у них ничего не вышло. Точнее, получилось только хуже. В результате проект законсервировали.

– А те устройства, которые мне надо спрятать?

– Похоже, вы были правы. Это звуковые генераторы. Их назначение – испускать ту самую ультразвуковую волну, которую изучали в рамках «Проекта С».

– Все сходится. Я поработала с Машиной, и, насколько смогла понять, она представляет собой своего рода усилитель. Примитивный, но тем не менее довольно сложный усилитель. – Ким ненадолго задумалась. – Но почему вы хотите, чтобы я спрятала те устройства?

– Чтобы их не смогли использовать во вред другим.

Значение его слов дошло до нее не сразу, но когда дошло, Ким замерла.

– Так вы хотите сказать…

– Я говорю, что люди, которые нашли лабораторию и возобновили исследования, испытывали устройства – сначала на Стрейчи, а потом, подозреваю, на мне.

– Получается, они намеренно свели Уилларда с ума?

– Чтобы остановить работы в Западном крыле.

– Тогда почему… Извините, но я должна спросить: почему оно не подействовало на вас так же, как на доктора Стрейчи?

– Я задавал себе этот же вопрос. Думаю, дело в наших… «ловцах призраков».

– Те штуки… ожерелья, которые мы носим?

– Да. Его центральный компонент – половинка раковины наутилуса. Я не инженер-акустик, но готов держать пари, что логарифмический дизайн камер раковины искажает звуковые волны, снижая их эффект.

Снижая, но не сводя к нулю, потому что последние несколько дней я чувствовал себя не лучшим образом.

– И вы считаете, что я найду это устройство у стены, за которой живет Уилкокс? То есть он пострадал из-за того, что у него не было такой… защиты.

– Именно так. Вывести из строя меня им не удалось, а вот Уилкокса они отправили в отделение неотложной терапии. – Логан вздохнул. – Я только сейчас это понял. До последнего времени был уверен, что Машина – это устройство для обнаружения призрачных сущностей или, может быть, общения с ними. Ошибка легко объяснимая, учитывая, какой работой я обычно занимаюсь.

– Ну, я бы сказала, что Машина и есть устройство для общения, только не того, о котором вы вначале подумали.

– Все те материалы в архивах «Люкса», касавшиеся «эктенической силы»… Кто-то определенно интересовался паранормальными феноменами, но это были не те трое. – Логан помолчал. – Послушайте, мне пора ехать. Машин стало поменьше, и ураган только крепчает – не хочу рисковать, а то ведь они вполне могут закрыть движение по шоссе сто четырнадцать. Скоро буду.

– О’кей.

– Спасибо, Ким. И, пожалуйста, будьте осторожны. Не подвергайте себя опасности.

В трубке щелкнуло – Логан дал отбой.

Ким едва успела положить телефон на подушку, как услышала еще один звук. Но теперь не хлопок и не стук, а что-то приглушенное, похожее на шаг. И донесся этот звук из комнаты соседки.

– Лесли? – позвала она. – Ты что, решила все-таки не уезжать?

Ответа не было.

Ким поднялась с кровати, вышла на середину комнаты и заглянула через общую ванную в соседнюю комнату.

– Лесли?

Тени в комнате Лесли – черные на черном – как будто сдвинулись. Или ей это только показалось? Если Лесли там, то почему не отвечает? И почему, если вернулась, не включила свет?

А если все это время там, в темноте, кто-то был? И этот кто-то слышал, о чем она говорила по телефону?

Внезапно и в первый раз Ким почувствовала, *поняла* полную меру опасности, которой они с Джереми Логан подвергли себя. Если кто-то воскресил «Проект C» и ради сохранения этого секрета позволил Уилларду Стрейчи покончить с собой, то что будет, если они раскроют ее роль?

«Будьте осторожны, – сказал Логан. – *Не подвергайте себя опасности»*.

Ким инстинктивно повернула к двери, поскользнулась на ковре и, падая, стукнулась головой об обшивку стены. Звук от удара кости о дерево получился ужасный, а в следующий момент она грохнулась на пол.

Прошла секунда… другая…

Из погруженной в темноту комнаты Лесли Джексон появился высокий худощавый мужчина. Равнодушные глаза обозрели сцену. Он опустил тяжелую дубинку в карман твидового пиджака и затащил Ким в ближайший встроенный шкаф. Затем незнакомец взял подушку и, вытерев кровь, бросил ее в тот же шкаф.

– Я скоро за тобою вернусь, – пробормотал он и снова растворился в темноте.

44

Через полчаса Логан свернул на длинную подъездную дорогу, которая вела к парковочной зоне «Люкса». Зеленая лужайка, обычно аккуратно постриженная и ухоженная, была усеяна ветками, листьями и – как ни странно – водорослями и клочьями пены, принесенными ветром с моря, бушующего за четверть мили отсюда. Осторожно ведя «Лотус» между разметанными по дорожке тяжелыми сучьями, Логан заметил с полдесятка деревьев, вырванных с корнем из земли и брошенных к окружающей особняк кирпичной стене. Главный корпус «Люкса» высился на фоне черного, кипящего неба, и его зубцы грозно поблескивали от вспышек молний.

Добравшись до почти пустой парковочной площадки, защищенной от ветра Восточным крылом, Логан выключил двигатель, но вышел не сразу, задержавшись, чтобы перевести дух. Поездка из Фолл-Ривер получилась нелегкая – пробки на дороге, завывающий ветер, бьющий в стекло дождь, но тяжелее всего дались последние десять минут. На финальном отрезке пути, когда он свернул на Оушн-авеню, ураган обрушил на него всю свою мощь: потоки воды и ревущий с отчаянием банши[19] ветер; казалось, стихия вот-вот подхватит купе и швырнет в бушующий прибой. Не раз и не два Логан благодарил автомобильных богов за то, что купил купе с жесткой крышей – брезентовая не выдержала бы еще пару часов назад. Да и вернулся он вовремя:

охранник на въезде сообщил, что губернатор только что объявил чрезвычайное положение, ввел комендантский час и распорядился мобилизовать Национальную гвардию.

Логан выждал еще секунду, а потом, оторвав пальцы от рулевого колеса и глубоко вздохнув, взялся за ручку и открыл дверцу. Резкий порыв ветра тут же бросил дверцу назад, и ему пришлось приложить все силы, чтобы снова толкнуть ее вперед. Потом, склонившись так, что голова оказалась едва ли не на уровне пояса, он зашагал к боковому входу, пробиваясь через густой от морской воды воздух и едва ли не плывя в нем.

Логан почти добрался до двери, когда до его слуха, прорезав ветер, донесся звук мотора. За спиной появился свет, и, обернувшись, он увидел едущего на большом гольф-карте Иена Олбрайта. Позади него сидели двое мужчин. Машина остановилась, и все трое, одетые в одинаковые зюйдвестки, вышли.

– Доктор Логан? – Олбрайт уставился на него, как на пришельца с другой планеты. – Давно прибыли? Только не говорите, что пустились в путь в такую непогоду!

– Были дела, которые не могли ждать. – Логан кивком указал на гольф-карт. – А вас что сюда привело?

– С крыши на кухне сорвало десяток черепиц, протек потолок. Попробуем закрыть брезентом до… – Конец предложения утонул в раскатистом грохоте грома и треске падающего дерева. – Ну, раз уж вы здесь, не стойте – заходите, – продолжал Олбрайт. – Доктор Олафсон и доктор Мейнард уехали несколько часов назад, как и почти все остальные. Остался минимальный штат, с полдюжины охранников, ремонтная бригада да пара упрямцев, отказавшихся уезжать. Но ураган переквалифицировали в третью категорию, и самое худшее…

Внезапный удар ветра опрокинул набок гольф-карт и едва не свалил с ног четырех мужчин.

– Чтоб тебя!.. – выругался Олбрайт, направляясь к машине и одновременно подталкивая энигматолога к двери.

Толстые стены особняка приглушили рев урагана до несмолкающего утробного стона. По пути к своим комнатам Логан проходил непривычно пустынными коридорами. Не считая бесконечного гула урагана, все здание настороженно притихло, словно укрылось пологом молчания. Он положил сумку на стол, сел и перенес на лэптоп записи, сделанные за время разговора с Соррелом, вместе с кое-какими наблюдениями и вопросами, пришедшими в голову на обратном пути.

Посмотрел на часы. Почти полдесятого. Он закрыл лэптоп и поднялся со стула. Пора проверить, как там Ким.

Уже на выходе из комнаты его догнал звонок внутреннего телефона. Логан оглянулся – на дисплее высветился четырехзначный номер звонящего. Незнакомый номер.

– Да?

– Доктор Логан? – спросил запыхавшийся голос на другом конце линии. – Доктор Логан, это вы?

– Да. Кто говорит?

– Слава богу, вы не уехали… Это Лора Бенедикт. Мы встречались с вами несколько дней назад в моем кабинете. Вы, может быть, не помните меня…

Молодая, немного застенчивая женщина, специалист по квантовым вычислениям.

– Конечно, я вас помню. А вы еще здесь…

– Поверьте, я уже жалею, что не уехала. «Люкс» забронировал несколько номеров в отеле «Пантакет», но все места заняли и ехать было некуда. – Она помолчала. – Но раз уж я здесь… Мне нужно поговорить с вами кое о чем.

Логан снова сел за стол.

– Продолжайте.

– Это касается Роджера. – Бенедикт понизила голос почти до шепота. – Роджера Карбона.

– И что Роджер?

– Я знаю, почему вы здесь. Вы расследуете смерть Уилларда Стрейчи. Я поняла это, когда вы расспрашивали меня. Вы ведь думаете… думаете, что это было что-то другое, не самоубийство.

Логан напрягся.

– Почему вы так говорите?

– В таком месте, как «Люкс», трудно сохранить что-то в секрете. Никто толком не понимает, что происходит, но слухи ходят… – Бенедикт на секунду замолчала. – Дело в том, что в последние день-два Карбон ведет себя немного… пугающе.

– Пугающе?

– Ну, может быть, лучше сказать «подозрительно». Я слышала несколько раз его разговоры по телефону – через стену. Он такое говорил… намекал… Меня это очень встревожило.

– Почему вы не пришли ко мне раньше?

– Я хотела, но дело в том… – Снова пауза. – Понимаете, я его *боюсь*. Все, на что меня хватило, это позвонить вам. Но сегодня я Роджера здесь не видела. Может быть, он уехал с острова. Если то, что я подозреваю, правда, то молчать об этом нельзя. Я должна все вам рассказать, потому что опасность может угрожать и вам.

– Опасность может угрожать *мне*? – повторил Логан.

– Думаю, что да.

– Тогда приходите в мой кабинет, и мы там поговорим, хорошо?

– Нет! – вырвалось у нее испуганным вскриком. – Нет, этот ураган… Давайте встретимся в подвале. Пожалуйста. У меня там лаборатория. Мы будем в безопасности.

Логан потер подбородок. Все-таки надо бы проверить Ким.

Опасность может угрожать и вам…

– Пожалуйста, *пожалуйста,* – умоляюще повторила Бенедикт. – Пока я еще держусь.

– Хорошо. Как мне вас найти?

– Вы знакомы с расположением подвальных помещений?

– Не очень хорошо. Я был только в архиве.

– Этого достаточно. Спуститесь на лифте или по главной лестнице и идите в противоположном направлении. Я буду ждать вас у барьера.

– Сейчас буду.

– Спасибо, доктор Логан. – И она положила трубку.

45

К основанию центральной лестницы Логан спустился, не встретив ни одной живой души. Повернув налево, он уже во второй раз прошел по длинному, тускло освещенному коридору, облицованному необработанным камнем, в направлении сверкающей металлической двери, за которой находились подвальные лаборатории. Только на этот раз по другую сторону перфорированного плексигласового окошечка виднелось тонкое, с мелкими, птичьими чертами лицо Лоры Бенедикт. Увидев Логана, она набрала код на настенной клавишной панели –

очевидно, дверь запиралась с обеих сторон. Короткий гудок, отчетливо слышный щелчок, и дверь со вздохом открылась.

Заглянув гостю через плечо и убедившись, что они одни, Лора потянула дверь на себя. Здесь было прохладно, в воздухе ощущался слабый запах аммиака.

– Спасибо, что пришли, – сказала она.

Логан кивнул. Снова, как и при первой встрече, его поразила ее бросающаяся в глаза молодость. Лора повела его по сверкающему коридору, и он опять-таки отметил про себя резкость, порывистость ее движений. Но если в прошлый раз молодая женщина несла, словно траурное одеяние, ауру печали, то теперь энигматолог ощущал другие эмоции: волнение, беспокойство, даже страх.

– Мы можем поговорить в моей лаборатории, – бросила она на ходу. – Это недалеко. Я уже проверила – здесь никого больше нет.

– Мне казалось, вы собрали все компьютеры у себя в кабинете.

Лора невесело улыбнулась.

– Так и есть. Я, наверное, могла бы обойтись и без лаборатории. Но зато у меня есть тихое местечко, где можно побыть одной, спокойно поработать над какой-то особенно трудной задачей или просто отдохнуть от Роджера.

Следуя за своей провожатой, Логан с любопытством оглядывался по сторонам. Почти все двери были закрыты и демонстрировали лишь скромные именные таблички, но несколько оказались открытыми и позволяли увидеть современные лаборатории со сложным оборудованием, о назначении которого постороннему оставалось только догадываться. В отличие от прочих отделов «Люкса» флуоресцентный свет здесь был ярким и даже резал глаза. От верхнего мира, с его дорогой кожей и полированным деревом, подвальные лаборатории отличались так же разительно, как какой-нибудь лондонский клуб для джентльменов от комплекса биозащиты четвертого уровня.

Они свернули за угол, потом еще раз и – коридор уже начал напоминать некий лабиринт из стекла и хрома – остановились перед открытой дверью с нанесенной краскопультом надписью: «БЕНЕДИКТ». Лора провела гостя в приличных размеров помещение со столом из нержавеющей стали, окруженным несколькими темно-серыми компьютерными стульями; белой доской без каких-либо надписей; двумя компьютерами, соединенными с цифровым проектором; и полкой с блейд-серверами, похожей на ту, что находилась в ее кабинете наверху.

Лора закрыла дверь, опустилась на стул и жестом предложила Логану сделать то же самое. Лицо ее было бледным от беспокойства.

– Итак… – Энигматолог занял предложенное место и положил на пол свою сумку. – А теперь, пожалуйста, расскажите о своих подозрениях в отношении Роджера Карбона и почему вы считаете, что мне может угрожать опасность.

Лора с усилием сглотнула.

– Даже не знаю, с чего начать… Честно говоря, мне трудно сказать, когда именно это началось. Знаете, Роджер такой агрессивный, такой задиристый, постоянно с кем-нибудь ругается и спорит… – Она вздохнула. – Примерно месяца три назад я как-то вдруг заметила, что он изменился, стал скрытничать. Вообще-то, такое не в его характере – обычно ему совершенно наплевать, кто слышит, что он говорит. Но тут Роджер ни с того ни с сего начал закрывать дверь в своем офисе. Поначалу это выглядело случайностью, но постепенно стало нормой. Причем, закрыв дверь, он почти каждый раз звонил по телефону – понимаете, мне ведь через стену слышно… А за пару дней до смерти Уилла Стрейчи они ужасно поругались в кабинете Роджера.

– Вы говорите о Стрейчи и Карбоне? Из-за чего они поругались?

– Не уверена, но это как-то касалось Западного крыла. Знаете, Роджер был за то, чтобы куратором перестройки назначили именно Уилларда.

– Да, и мне это всегда казалось странным, – перебил ее Логан. – Если Карбон хотел, чтобы работу сделали побыстрее, было бы логично требовать назначения человека более опытного.

– Так получилось, что из разговора я уловила только пару реплик. Уилл сказал что-то вроде «нравится тебе или нет, но я буду продолжать». А Роджер ответил в том же духе, что этому не бывать и что он скорее отправит его в ад. Должна сказать, таким – буквально багровым от гнева – я Уилла Стрейчи еще не видела.

– Продолжайте.

– Потом, буквально несколько дней назад, Роджер сделал еще один свой секретный звонок. Вот только дверь закрылась неплотно, и я кое-что услышала. Речь шла о какой-то задержке… временной задержке. Мне показалось, он пытался убедить кого-то воздержаться от крайних мер.

– А какие-нибудь подробности вспомнить можете?

– Извините, но я не прислушивалась и только позже, услышав какие-то реплики и сопоставив их с другими, поняла, что… в общем, мне стало не по себе.

– Почему вы решили, что мне может угрожать опасность? – спросил Логан.

– Это же очевидно! Вы расследуете обстоятельства смерти Уилла. Вы проводите какие-то изыскания в Западном крыле. Если Роджер имеет отношение к случившемуся, то одно лишь ваше присутствие здесь уже угроза для него.

– Понятно.

– Три дня назад, – продолжила после паузы Бенедикт, – я видела, как он выходит из вашей комнаты.

– В самом деле?

– По-моему, он никак не ожидал встретить меня там и даже занервничал, что совершенно не в его характере. Потом сказал, что забыл сказать вам кое-что, о чем вы должны знать, но вас не застал и попробует поискать в другом месте. – Она с любопытством посмотрела на него. – Он тогда нашел вас?

– Нет, не нашел.

– Ну, теперь понимаете? Ясно же, что оставаться здесь вам небезопасно.

– Там тоже небезопасно.

– Из-за урагана? Но вы можете остановиться в одном из номеров, зарезервированных «Люксом» в «Пантакет Хилтон». Я к тому, что теперь, когда здесь почти никого не осталось, всякое может случиться. Если ваша жизнь под угрозой, то не лучше ли уехать прямо сейчас, не откладывая?

Логан рассеянно, словно думая о чем-то другом, кивнул, потом, поколебавшись, медленно потянулся через стол и положил ладонь на руку Лоры Бенедикт. Она посмотрела на него удивленно, но убирать руку не стала. Так прошло секунд десять, и за это время он уловил несколько эмоций: страх, неуверенность, сомнение и… что-то еще.

Логан убрал руку.

– Вы ведь не очень давно в «Люксе», да, доктор Бенедикт?

– Чуть больше двух лет.

– Ага. И, если я правильно помню, вы упоминали, что на первых порах Уилл Стрейчи был вашим наставником.

– Он отнесся ко мне по-доброму, и в то время это много для меня значило.

– В «Люксе» мне предоставили небольшое досье на вас, как и на всех, кому я задавал вопросы. Если не ошибаюсь, до приезда сюда вы преподавали в Техническом университете в Провиденсе?

– Совершенно верно. Около четырех лет.

– Квантовую механику, да?

Бенедикт кивнула.

– Но не квантовые вычисления? Не то, чем вы занимаетесь здесь?

Она нахмурилась, явно не понимая, к чему он ведет.

– Эти две области очень близки.

– Вот как? Я не знал. Ладно. Вы защитили докторскую по технологии машиностроения. Извините за невежество, это тоже родственная дисциплина?

Бенедикт снова кивнула.

Логан подался вперед.

– Провиденс – ваш родной город?

– Да. Это чуть восточнее Колледж-Хилл.

– Ага. Там ведь неподалеку большая исследовательская лаборатория… э… как ее там…

– «Айронхенд».

– «Айронхенд», точно. Если я правильно помню, у них довольно сомнительная репутация: работают в серых областях науки, иногда выполняют военные исследования для тех, кто больше предложит…

– Зачем вы задаете мне эти вопросы? Разве для вас не важнее…

– Почему вы предлагаете, чтобы я отправился сейчас в «Пантакет Хилтон»?

– Почему?.. – Она смутилась еще больше. – Да потому что «Люкс», узнав, что ураган набирает силу, забронировал там несколько номеров. Для вас сейчас это самое безопасное место.

– Но вы же сами сказали по телефону, что все номера заняты и свободных мест не осталось.

– Я так сказала? – растерянно отозвалась Бенедикт. – Ну, учитывая ваши давние связи с «Люксом», в отеле, несомненно, предложили бы вам что-то и…

Но Логан снова не дал ей договорить.

– Доктор Бенедикт, я задам вопрос, который может показаться вам странным. Надеюсь, вы не будете возражать. Ваша девичья фамилия – Уоткинс?

Лора замерла.

– Извините?

– Ваша девичья фамилия случайно не Уоткинс?

Черты ее лица вдруг отразили необычную композицию эмоций: шок, непонимание, даже раздражение.

– Конечно, нет. Почему вы об этом спрашиваете?

Логан развел руками.

– Просто… интуиция подсказала.

– В таком случае ваша интуиция вас подвела. – Молодая женщина медленно поднялась со стула. – Моя девичья фамилия – Рэмси.

46

Несколько секунд оба молча смотрели друг на друга. Верхний свет мигнул, потускнел и снова вспыхнул.

– Ну конечно, – сказал Логан. – Соррел говорил мне, что технологическим обеспечением «Проекта Син» занимался главным образом доктор Рэмси.

Лора Бенедикт не ответила. Тревога и беспокойство не оставили ее, но теперь, готовясь защищаться, она упрямо выставила вперед подбородок.

– Зачем вы завлекли меня сюда? К чему эти зловещие намеки на Карбона? Почему вы так заботитесь о моей безопасности и хотите, чтобы я уехал из «Люкса»?

– Потому что так оно и есть. Вы *должны* уехать… немедленно. Если не уедете, если останетесь здесь, они вас убьют. Я этого не хочу.

– Как не хотели, чтобы умер доктор Стрейчи.

Бенедикт ничего не сказала, но отвернулась, пряча глаза.

– Он действительно был вам дорог. Извините. Вы ничего не выдумали, когда говорили, что глубоко опечалены его смертью.

По-прежнему не глядя на него, она покачала головой.

– Кто именно собирается меня убить?

– Думаю, вы и сами знаете, – ответила Лора после короткой паузы.

– «Айронхенд», – сказал Логан, скорее отвечая на свой же вопрос, чем ища подтверждения.

Бенедикт снова промолчала.

– Как вы узнали о «Проекте С»? – мягко спросил энигматолог.

И опять ничего. Наконец она со вздохом повернулась к нему.

– Я узнала о проекте от моего дедушки.

– Доктора Рэмси?

– За месяц до его смерти. Почти четыре года назад. К тому времени мои родители уже умерли. Дедушка всю жизнь об этом молчал, но тайна снедала его, как рак, от которого он и умер. – Голос ее окреп и зазвучал увереннее. – На самом деле все основные исследования провел он, и для него было жизненно важно, чтобы единственная наследница знала правду. Доктор Мартин сделал свое открытие случайно. По-настоящему весь проект двигал дедушка. Он ничего никому не рассказал, но сохранил некоторые бумаги. Личные бумаги.

Логан кивнул – продолжайте.

– Полного представления об исследованиях они не давали, но объясняли суть проекта, его потенциал. Дедушка очень сожалел, что работы так внезапно прекратили. Из этих бумаг я узнала также, где находится лаборатория. История примечательная и в то же время безумная. Но все, конечно, осталось в прошлом. Ко мне это не имело никакого отношения – я жила своей жизнью. А потом... умер мой муж.

Лора снова вздохнула – глубоко, прерывисто. Логан же, воспользовавшись моментом, небрежно опустил руку в свою сумку и осторожно включил цифровой рекордер.

– Получить место в «Люксе» с моей квалификацией оказалось не так уж и трудно. С дедушкой меня никто не связал, а если б и связали, это ровным счетом ничего бы не значило. Я с головой ушла в собственное новое исследование – занялась квантовыми вычислениями – и ждала своего часа. Какое-то время даже не знала, стоит ли отвлекаться на «Проект С». В конце концов у меня появилась собственная интересная работа. Но чем дольше я оставалась в «Люксе», тем настойчивее звучал голос дедушки, взывавший ко мне из могилы. Требовавший восстановить справедливость. В Западном крыле никого больше не было – его закрыли. Вот тогда я и... отыскала лабораторию.

– И нашли все бумаги, дневники, лабораторные записи, описания опытов...

– Да. Все было тщательно задокументировано.

– Я так полагаю, после этого вам уже не составляло труда возобновить замороженную работу.

Прежде чем ответить, Бенедикт коротко взглянула на него.

– Там были очень сложные вычисления. Оборудование в значительной части устарело и к работе не годилось – пришлось заменять на современное. Обошлось недешево.

– Другими словами, вам понадобился спонсор. Вот тут они и появились – «Айронхенд».

– А как вы вообще о них узнали?

– Они подкатывали к покойной Памеле Флад, правнучке первого архитектора особняка. Назвались, как ей показалось, «Айронфист»[20]. Я неплохо знаю район Провиденса, откуда вы приехали, так что вычислить было нетрудно. – Логан секунду помолчал. – Для чего им потребовались чертежи?

– Хотели выяснить, есть ли другой способ попасть в секретную комнату. Чтобы я могла работать, не опасаясь внезапного вторжения. Поначалу они довольствовались малым. Их бизнес – финансирование стартапов с таким расчетом, что один из двадцати окажется золотой жилой. На такой же основе строились и мои отношения с ними. Они хорошо понимали, что в этом деле необходима секретность.

– Но со временем их роль возросла.

– Да. Когда они начали понимать истинные возможности моей работы.

Моей работы. Дыхание ее участилось, язык тела выдавал возрастающее волнение, и Логан опасался, что она вот-вот не выдержит, сорвется, и тогда он ничего больше от нее не узнает.

– Но у вас должны были иметься и другие проблемы. Сдвинуть дело с мертвой точки.

– Ничего особенного. Так обычно и бывает.

– Позвольте высказать предположение. Некоторые из здешних стипендиатов, работающих или живущих неподалеку от Западного крыла, стали поговаривать о всяких странных вещах. Отмечены случаи, когда люди вели себя весьма и весьма странно.

Бенедикт пожала плечами.

– Ничего особенного. Просто требовалось настроить дальность действия луча.

– Да. Насколько я понимаю, устройство работает в двух режимах: генератора поля и узкоограниченного сигнала, луча. Пострадавшие, должно быть, попали в зону действия устройства, работавшего в полевом режиме.

Бенедикт повернулась и внимательно взглянула на него.

– Как я и говорила, все было просто.

– Но у вас появилась и более серьезная проблема. Руководство «Люкса» решило перестроить Западное крыло.

Лора нахмурилась.

И тут Логан вдруг понял кое-что.

– Вы сказали мне, что Карбон предлагал назначить Стрейчи ответственным за перестройку. И это ведь правда? Но вы забыли упомянуть, что сами же и убедили Карбона выдвинуть Уилларда. Как там вы сказали о Роджере… «Уж не знаю почему, но со мной он – лапочка». А теперь утверждаете, что вы его боитесь… Одно с другим не сходится. Мне стоило заметить это раньше. Вы ставили на то, что у Стрейчи дело затянется, что перестройка займет больше времени. Что забытую лабораторию – теперь уже *вашу* лабораторию – никто больше не отыщет. Но работы шли быстрее, чем вы ожидали…

– Мне оставалось совсем немного, чтобы сделать установку транспортабельной. – Бенедикт снова отвернулась. – При таком варианте центральный усилитель стал бы не нужен, и мы перевезли бы оборудование из «Люкса» в безопасные лаборатории «Айронхенда».

– Вам нужно было выиграть еще несколько дней, и это время дала смерть Стрейчи.

– *Он не должен был умереть!* – Она резко обернулась, и из ее глаз брызнули слезы.

– И надо же, какая ирония – меня пригласили в «Люкс» расследовать его смерть, я нашел комнату и опять-таки помешал вам закончить.

Бенедикт не ответила.

– Тогда вы попытались остановить меня так же, как остановили Стрейчи. Вот только со мной не сработало или по крайней мере сработало не так, как вы планировали. Вам, наверное, интересно, почему так получилось.

Она снова посмотрела на него, но ничего не сказала.

– А как же Памела Флад? Она должна была умереть? Ведь ваши друзья из «Айронхенда» именно так и работают. Неужели для вас это ничего не значит? Кстати, как они узнали о Пэм – прослушивали мой телефон?

Бенедикт смогла лишь покачать головой. Логан положил руки на стол, одну поверх другой.

– Ладно, тогда расскажите мне о ваших исследованиях. Удалось ли вам сделать то, чего не удалось достичь вашим предшественникам: получить надежный и безопасный способ излечения от шизофрении, исключив возможность злоупотребления?

– Я старалась. Правда. Поначалу. Но потом поняла, что с тридцатых годов, в общем-то, ничего не изменилось. А если и изменилось, то не в лучшую сторону. Об остальном можете догадаться сами.

– Не понимаю.

– Вот только этого не надо, доктор Логан. Не притворяйтесь наивным. Вы же виделись с Соррелом.

Логан задумчиво кивнул. Итак, она знала о его поездке в Фолл-Ривер, поездке, из которой он только лишь вернулся.

– Иначе говоря, технологический прогресс решение проблемы не облегчил, а только лишь затруднил. И вы, как можно предположить, поставили крест на попытках усилить благотворные эффекты изобретения и предпочли сосредоточиться на пагубных. То есть переключились на разработку военного потенциала открытия.

– Вы представили ситуацию в упрощенном виде, но в принципе все верно.

– Интересно… – Логан ненадолго задумался. – Если, отказавшись от всех попыток использовать звуковые волны для излечения шизофрении, сосредоточиться единственно на тех эффектах, которые эти волны производят естественным образом, и усилить их, – реакции могут быть в высшей степени неприятными.

– Галлюцинации. Паракузия. Бред. И это было только начало.

– Начало чего?

– Моих настроек.

– Каких именно?

Сжав спинку стула, Бенедикт наклонилась к Логану.

– Знаете, мне даже легче от того, что я могу поговорить об этом с кем-то, кто понимает и даже, может быть, ценит мои усилия. Людей из

«Айронхенда» в первую очередь интересовал конечный результат. Мне удалось добиться результатов по двум направлениям: расширить воспринимаемый эффект луча и улучшить его функциональные возможности.

Логан не стал ее останавливать.

– Ни мой дедушка, ни другие участники проекта не исследовали возможности усиления шизоидных эффектов, – продолжала Бенедикт. – Их это не интересовало. Не интересовало и меня… поначалу… до того, как я поняла, что единственное действенное использование устройства – это эксплуатация его так называемых негативных эффектов. На первых порах звуковые волны воздействовали лишь на определенные серотониновые 5-HT2A-рецепторы в лобной коре.

Логан кивнул. На это же намекал и Соррел.

– Мне удалось создать не просто одиночную волну, но гармоническую серию, которая не только производила дополнительный триггерный эффект на мозг, но также усиливала эффекты начальной несущей волны.

– Дьявольский интервал, – пробормотал Логан.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Извините?

– Музыкальный интервал в три тона. Был запрещен в церковной музыке в эпоху Ренессанса из-за его предполагаемого дурного, дьявольского влияния.

– В самом деле?.. В общем, эта синергетическая волна – из двух гиперзвуковых импульсов – вызывала, по сути, перегрузку более широкого спектра серотониновых рецепторов. Эффект сохранялся довольно значительное время и после прекращения сигнала – я сама была свидетелем продолжения серотонинергических аномалий в течение восьми и даже двенадцати часов. Теоретически при начальном импульсе достаточной силы их можно было бы импринтировать бесконечно долго.

Бесконечно. По спине у Логана пробежал холодок.

– Вы сказали, что были свидетелем этих аномалий – у кого?

Бенедикт осеклась. Помолчала.

– У подопытных животных.

– А также у Стрейчи. И, возможно, у других – вольных или невольных участников эксперимента – в «Айронхенде»? – Ответа не последовало. – И что это были за аномалии?

– Некоторые я уже перечислила. – Бенедикт вздохнула. – Также, например, перцептивные искажения.

– Как при синестезии.

Она кивнула.

– Всевозможные ложные сенсорные сигналы. Зрительные, звуковые, вкусовые – в сочетании с галлюцинаторными факторами. Эйдетические образы. Смерть эго. Измененное ощущение времени. Катастрофические когнитивные искажения. Полный отрыв от реальности…

– Боже мой! – не выдержал Логан, прерывая это перечисление ужасов. – То, о чем вы здесь говорите, это уже не просто полный психоз – это худший за все времена кислотный трип![21]

– Было время, когда ученые считали, что ЛСД и шизофрения связаны, – как ни в чем не бывало пожала плечами Бенедикт. – В лаборатории сохранились записи о проводившихся на раннем этапе опытов с производными эрготамина – и это за несколько лет до того, как сам ЛСД был синтезирован из эрготамина. Но мой гиперзвуковой интервал намного чище.

– Чище. – Логан с отвращением покачал головой.

– Разумеется, чище. – Голос Бенедикт окреп, глаза ее сияли – она явно гордилась своими достижениями. – Разве не это нам нужно – чистое, эффективное оружие? Самое чистое из ныне существующих.

– Лора, как… – Логан остановился, на секунду сбитый с толку ее логикой. – Неужели вы не понимаете, насколько это все неправильно?

– Неправильно? Я помогаю своей стране.

– Чем? Как?

– Я даю ей новые возможности защищаться. Вы посмотрите, о чем ежедневно рассказывают в новостях, что творится в мире. Нас атакуют – и не на одном фронте, а на нескольких фронтах. Можно сколько угодно требовать честной драки, но наши враги никогда на это не согласятся. Так что без вот этой новой технологии мы просто проиграем войну.

– Но разве у нас уже сейчас не достаточно оружия? А это… это ваше *устройство*, оно… зло. Немыслимое зло. Свести с ума целую армию или отправить людей в путешествие без надежды на возвращение… Лора, поймите, химическое оружие запрещено не просто так – на то

существуют свои причины. Представьте, что произойдет в случае развертывания вашего оружия. Рано или поздно технология перестанет быть тайной, и тогда это дьявольское средство будет применено против наших с вами соотечественников.

Логан замолчал. Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Свет снова замигал, но восстановился. Наконец Бенедикт повернулась, открыла дверь лаборатории и вышла в коридор. Логан тут же вскочил, выключил рекордер, сунул его в сумку и последовал за ней.

– Послушайте, я понимаю, – заговорил он, шагая рядом с Бенедикт по длинному переходу. – Отрицание – обычная человеческая реакция. Вы считали – и это понятно, – что с вашим дедушкой обошлись несправедливо. И что оружие с таким огромным потенциалом… ну, оно стоит ваших усилий. И немалых денег.

– Естественно, оно стоит немалых денег. – Бенедикт остановилась и посмотрела на него в упор. – Мой дедушка был блестящим ученым. Он практически в одиночку создал эту технологию. И что? Величайшее творение всей его жизни спрятали, убрали в дальний ящик. Его достижения так и остались непризнанными. А он достоин признания. Он должен быть вознагражден. Моя семья должна получить компенсацию. Это мое, – бросила она, отвернувшись, через плечо. – Я имею на него полное право.

– Что именно вы хотите унаследовать? Руины, безумие, смерть?.. Послушайте, я готов держать пари, что вы еще не задумывались о том, чем это все кончится, о том зле, которое принесет ваше открытие, если попадет в плохие руки. Да, вы – ваш предок и вы сами – сделали большое дело. Но если вы только сделаете шаг в сторону и взглянете на всю ситуацию с этической точки зрения, то поймете, что выбрали неверный путь.

Они уже подходили к двери. Бенедикт замедлила шаг, а потом и остановилась.

– Я ошибалась, – спокойно, не оглядываясь, сказала она и пошла дальше.

– Да, – согласился Логан. Быстро пробежав пальцами по кнопкам панели, Бенедикт открыла дверь. – Но, принимая во внимание все случившееся с вашим дедушкой, я могу вас понять. С ним и с остальными обошлись несправедливо, ужасно и постыдно. Однако же «Люкс» имел полное право остановить их работу. Теперь вы понимаете, что продолжать эти исследования нельзя? Понимаете, что эксперименты нужно прекратить? Понимаете, что эти секреты не должны стать достоянием «Айронхенда»?

Бенедикт переступила порог.

– Я имела в виду, – сказала она, набирая код на панели с другой стороны двери, – что ошиблась насчет вас.

Прежде чем Логан успел как-то отреагировать, тяжелая дверь захлопнулась, отрезав его от мира.

– Я ошибалась, когда пыталась спасти вас, – сказала она через вентиляционную трубу.

Логан ухватился за дверь и потянул на себя, но та не поддавалась. По другую сторону Бенедикт сняла трубку внутреннего телефона и набрала номер.

– Где вы? – спросила она. – В библиотеке на первом этаже? Я этажом ниже. У двери в лабораторное отделение. Логан остался там. – Пауза. – Да. Приходите прямо сейчас. Я встречу вас у лестницы и дам код. Делайте что должно, но я ничего не хочу об этом знать.

Она вернула на место трубку, посмотрела на энигматолога и с сожалением улыбнулась.

– Жаль, что все так заканчивается, доктор Логан. Вы казались хорошим человеком. Я хотела, чтобы вы уехали, но теперь вижу, что этот план никогда не сработал бы. – Она понизила голос. – К сожалению, единственный реальный путь – это их путь.

Бенедикт повернулась и торопливо зашагала по коридору в направлении центральной лестницы.

47

Совершенно ошеломленный случившимся, Логан несколько секунд просто смотрел через плексигласовое окошечко вслед удаляющейся Лоре Бенедикт. Потом, словно инстинкт вырвал его из оцепенения, резко развернулся и помчался назад по холодному, закованному в сталь коридору.

На середине коридора Логан остановился. Носиться вслепую туда-сюда бессмысленно. Уже шагом он пошел дальше, дергая по пути ручки дверей, открывая те, что остались незапертыми, и включая свет. Время играло против него, и ему нужно было выиграть его как можно больше.

Подходя к развилке в конце коридора, Логан услышал далеко позади негромкий гудок – дверь открыли. Он нырнул за угол, чувствуя себя крысой в лабиринте под безжалостным сиянием флуоресцентных ламп. Издалека донеслись приглушенные голоса и потрескивание рации.

Задержав дыхание, Логан прижался к стене и осторожно выглянул. Ярдах в тридцати от него по коридору медленно шли, заглядывая в открытые двери, трое мужчин. В одной руке каждый держал рацию, в другой что-то очень похожее на тазер. Один из тройки был в твидовом пиджаке, под полой которого, когда он повернулся, блеснул металл пистолета.

Логан отпрянул за угол. *Трое.*

Он осторожно двинулся по новому коридору, открывая двери и включая свет, а потом нырнул за очередной поворот. Отсюда было рукой подать до лаборатории Бенедикт. Впереди, справа, Логан заметил приоткрытую дверь с надписью: «КАРИШМА», быстро проскользнул внутрь и огляделся. Лаборатория – похоже, химическая – была заставлена рабочими столами. На деревянных полках теснились стеклянные емкости, масс-спектрометры, газовые хроматографы и другое, незнакомое ему оборудование; на стене висела белая доска, а в центре стояли длинный стол и несколько стульев «аэрон», таких же, какие он видел в офисе Лоры Бенедикт.

Закрыв и заперев дверь, Логан еще раз огляделся, запоминая обстановку. Потом выключил свет и прошел в дальний угол, где укрылся за двумя металлическими стеллажами.

Бегать и дальше, как лиса от гончих, он больше не мог. Нужно было как следует все обдумать.

Их трое. Может быть, секьюрити из «Айронхенда» или просто наемные громилы. Несомненно, это они заживо сожгли Памелу Флад в ее собственном доме. И это они сидели в том внедорожнике, который пытался столкнуть в океан его «Лотус» – теперь у Логана уже не осталось сомнений, что в тот раз произошло покушение. И сюда они пришли, чтобы убить его.

Тогда почему у них с собой тазеры? Чтобы меньше было вопросов, когда тело найдут не нашпигованным пулями? Энигматолог отогнал эту мысль.

Он сбросил с плеча сумку и стал рыться в ней в поисках чего-нибудь, что могло бы пригодиться. Нащупав маленький, но мощный фонарик, сунул его в карман пиджака. В другой, брючный, карман опустил сотовый телефон. Прихватил цифровой рекордер с неосторожным признанием Бенедикт и швейцарский нож с полудюжиной ни разу не опробованных инструментов. Все остальное – камеры, записные книжки, детекторы электромагнитного поля – представлялось бесполезным. Пистолет у него был, но только, к сожалению, лежал сейчас в оружейном сейфе дома, в Стоуни-Крик – ненужный, как ему казалось, аксессуар для поездки в почтенный научный центр.

Почти пустую сумку Логан по привычке повесил на правое плечо. И тут же замер – за стеклянной дверью лаборатории появилась тень, а следом и первый из тройки громил. На нем была вощеная водонепроницаемая куртка, на голове – натянутая на уши шапка. Остановившись у двери, он поднял рацию, что-то негромко сказал, выслушал ответ и убрал рацию в карман. Потом, держа наготове тазер, подергал дверь и, обнаружив, что та заперта, двинулся дальше по коридору.

Логан медленно выдохнул. Троица, должно быть, разделилась на развилке коридора.

Притаившись в темноте, он попытался проанализировать ситуацию. Всего лишь двадцать минут назад они с Лорой Бенедикт шли по этим самым коридорам, но ничего похожего на запасной выход он не заметил…

Сотовый. Можно позвонить в полицию. Или, что еще лучше, в службу безопасности «Люкса» – номер забит в телефоне, и они должны быть здесь, на месте.

Логан достал из кармана сотовый и уже нажал кнопку, но увидел на дисплее сообщение: «ВНЕ ЗОНЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ». Глубокий подвал плюс толстые стены – сигнал просто не проходил.

Но ведь Бенедикт звонила ему отсюда. Вероятно, подумал он, в каждой лаборатории есть телефон, подключенный к наземной линии. Можно попробовать…

Логан выбрался из своего убежища, достал из кармана фонарик и, прикрывая его ладонью, посветил вокруг. Есть! Справа от двери, на столике, стоял телефон с десятком кнопок на лицевой панели.

Немного подождав и убедившись, что в коридоре тихо, Логан выключил фонарик и, ориентируясь на светлый стеклянный прямоугольник двери, прокрался к телефону и протянул руку к трубке.

Внезапно его правый локоть коснулся большой пустой мензурки, стоявшей в деревянном штативе. Дерево протестующе скрипнуло, мензурка качнулась и – прежде чем он успел что-то предпринять – рухнула на пол с грохотом, который мог бы заглушить удар грома.

Господи. Логан застыл как вкопанный. Потом, опомнившись, открыл дверь, выскочил в коридор, закрыл дверь и метнулся в лабораторию напротив. Свет здесь горел, и выключать его он не рискнул. Помещение оказалось практически пустым – два-три книжных шкафа и компьютер, но по крайней мере здесь не было ничего стеклянного, и Логан нырнул под центральный стол.

Секундой позже из коридора донесся топот – это возвращался громила, прошедший здесь минутой раньше. Из-под стола были видны только его ноги. Громила остановился у двери, повернулся туда-сюда, и Логан затаил дыхание.

Запищала рация.

– Центральный Первому, доложи обстановку, – прокаркал мужской голос.

– Это Первый, – сказал громила в коридоре. – Я возле источника звука.

– И что там?

– Ничего.

– Продолжай поиски. Он должен быть где-то близко. Стрелять только в крайнем случае.

– Понял.

Металлический щелчок. Секунду или две, показавшиеся Логану вечностью, громила стоял на месте, выжидая, вслушиваясь в тишину. Потом – медленно, крадучись – двинулся по коридору в направлении Т-образной развилки.

Логан остался под столом. Прошла минута… две… пять… Ждать больше было нельзя – охотник мог вот-вот вернуться. И даже не один.

Энигматолог выполз из-под стола, прокрался к двери и остановился. Прислушался. Выглянул в коридор – пусто. Выскользнув из лаборатории, он прошмыгнул мимо офиса Бенедикт и быстро прошел к развилке. Тоже никого. Ему стало не по себе. Если все коридоры взаимосвязаны, то шансы нарваться на одного из преследователей на развилке резко увеличиваются.

Логан метнулся влево и побежал по коридору, открывая двери и включая свет. На следующем повороте он снова остановился, выглянул – пусто – и двинулся дальше.

Вот оно! Впереди, ярдах в двадцати, коридор заканчивался еще одной стальной дверью со светящейся красными буквами панелью над ней – ВЫХОД.

Не скрываясь и не маскируя свое присутствие, Логан во весь дух бросился к двери. Он был уже близко, когда за спиной послышался шум погони. Сорвав с плеча сумку, ученый швырнул ее в открытую дверь ближайшей компьютерной лаборатории – там что-то загремело, – но отвлекающий маневр не сработал. Оглянувшись через плечо, он увидел

выскочившего из-за поворота мужчину в водонепроницаемой куртке – тот на бегу кричал что-то в рацию.

В конце коридора Логан распахнул дверь с надписью: «БРОНШТЕЙН» и панелью ВЫХОД над ней, влетел в комнату, закрыл дверь, запер ее за собой и быстро огляделся. Лаборатория была физическая – на столах спектроскопы, цифровые стробоскопы, микрогорелки и что-то причудливое, похожее на увеличенный молоток для литавр в проволочной сетке.

В дальнем конце лаборатории была еще одна дверь. И тоже с красной панелью ВЫХОД.

За спиной у него уже дергали дверную ручку. Потом в дверь ударили чем-то тяжелым.

Огибая рабочие столы и полки с оборудованием, Логан пролетел через лабораторию и открыл дальнюю дверь. Перед ним лежал короткий коридор с голыми, если не считать большой вентиляционной решетки над полом, стенами. В дальнем конце – еще одна стальная дверь.

И возле нее, на стене, клавишная панель.

Зная, что рассчитывать не на что, Логан тем не менее подбежал к двери, дернул за ручку…

Дверь была надежно заперта.

Потрясенный неудачей, он отступил на шаг, потом еще… Оглянулся через плечо – мужчина в водонепроницаемой куртке упрямо штурмовал дверь, снова и снова бросаясь на нее. Вместо тазера он держал в руке пистолет с накрученным на ствол глушителем.

Пока Логан стоял в оцепенении, к первому громиле присоединились двое других. Все трое кричали, и их голоса накладывались один на другой. А он не мог сдвинуться с места.

Выхода не было. Он попал в западню.

48

Логан стоял в дверном проеме, оглядывая лабораторию. В дальнем ее конце, за противоположной стеной, трое мужчин пытались взломать застекленную дверь. Еще несколько секунд, и они ворвутся в комнату…

Верхний свет заморгал, померк, вспыхнул с прежней силой и снова померк – должно быть, наверху ураган набрал полную силу. Снова стало светло, и Логан в последний раз пробежал по лаборатории взглядом. Телефон… Телефон на дальней стене. Возле двери, которую он только

что запер. И за дверью трое громил, отчаянно пытающихся преодолеть последнюю преграду.

Рискнуть?

Пока Логан, парализованный нерешительностью, стоял на месте, один из преследователей достал пистолет и наставил на дверной замок. Звук выстрела напомнил резкий, короткий хруст.

И в этот же момент взгляд энигматолога снова наткнулся на непонятное устройство, которое он заметил раньше и которое напоминало увеличенный молоток для литавр. Теперь Логан присмотрелся к нему внимательнее. Устройство состояло из металлического шара на красной пластиковой ленте, напоминающей резиновый кабель персонального компьютера с чем-то похожим на гребенчатый электрод в конце. Вся эта штуковина была заключена в проволочную клетку.

Что-то знакомое. Нечто подобное или очень похожее ему уже попадалось…

Второй выстрел.

И за ним третий. Пуля взвизгнула и срикошетила, сдвинув частично замок и оставив в двери рваную дырочку.

Логан постарался не обращать внимания на происходящее, сосредоточившись на другом: где, где он это видел?

И ответ пришел. На первом году в Йеле, при вступлении в братство. Электротехнический клуб представил тогда именно такое вот устройство: металлический шар, стрелявший во все стороны искрами. Зрелище сопровождалось визгом и воплями, а у любопытных волосы вставали дыбом.

Электростатический генератор ван дер Граафа. Вот как называлась эта штука. А проволочная оболочка весьма походила на клетку Фарадея в лицевых панелях висевших в забытой комнате металлических костюмов, о которой рассказывала Ким Миколос. Как она говорила? *Это такое устройство из проводящего материала, сетки, благодаря которому электрическое напряжение по обе стороны остается постоянным.*

Четвертый выстрел. Замок наконец вылетел с треском из двери и заскользил по гладкому полу лаборатории.

Думай, думай, подгонял себя Логан. Сам виноват – не надо было спать на лекциях доктора Уолласа, читавшего курс физики. Клетка, окружавшая электростатический генератор ван дер Граафа, играла роль

защитного устройства. Если клетку убрать, а генератор включить, он моментально создаст напряжение…

Логан рванулся к лабораторному столу и отбросил проволочную сетку. В основании устройства он увидел перекидной переключатель и два белых проводка, которые вели к стандартной штепсельной вилке. Логан схватил вилку и воткнул в розетку на боковой стороне лабораторного стола. Ничего. Он щелкнул тумблером. Генератор моментально ожил, загудел и завибрировал. Логан тут же отступил к двери и на всякий случай пригнулся. В ту же секунду дверь в дальнем конце лаборатории с грохотом распахнулась.

Едва трое громил ворвались в комнату, как генератор ван дер Граафа словно сорвался с цепи. Освободившись от металлической сетки, он принялся метать во все стороны стрелы молний, которые отскакивали от металлических стульев, столов и полок с оборудованием; голубые и желтые языки лихорадочно забегали вверх по стенам.

Троица на мгновение застыла в дверях, с ужасом взирая на шоу разыгравшегося электричества, сотней зазубренных дротиков разлетавшегося от металлической сферы. Потом один из троицы – верзила в водонепроницаемой куртке – осторожно шагнул вперед. В то же мгновение быстрый, как атакующая змея, электрический заряд выскочил из генератора и почти окружил смельчака. Оказавшись под током, верзила задергался, а потом, временно парализованный, рухнул на пол.

Логан отступил еще на шаг, вышел из лаборатории и оказался в коротком коридоре. Все вышло так, как он и рассчитывал: при включенном генераторе постоянный поток вырабатываемых им электронов устремлялся к любому проводнику. В частности, такому, как человеческое тело.

– Спасибо, доктор Уоллас, – пробормотал Логан. *Один вне игры, осталось двое…*

И тут весь свет погас, бесшумно и внезапно.

Энигматолог на секунду замер, не понимая, что случилось. Ответ пришел почти сразу: судя по всему, ураган повредил идущую к особняку линию электропередачи.

Сориентировавшись на ощупь в полнейшем мраке, он похлопал себя по карманам и нашел сначала фонарик, потом – нож. Теперь можно вернуться, воспользовавшись темнотой, подобраться к преследователям, завладеть пистолетом, а потом…

Первым включилось вспомогательное освещение – приглушенное красноватое мерцание. Потом – не разом, но постепенно – основное.

Это что же, подачу восстановили так быстро? Но нет, свет остался маломощным, неуверенным. Должно быть, электропитание перешло на запасной генератор «Люкса».

Из дальнего конца лаборатории донесся натужный стон, как будто кто-то пытался подняться на ноги.

Логан выглянул из-за дверного косяка. Генератор, как и следовало ожидать, отключился. Чтобы снова его включить, требовалось щелкнуть тумблером. Попытка приблизиться к нему была бы безумием – ученый просто оказался бы в зоне поражения, подставился бы под пули.

Логан повернулся, окинул взглядом короткий коридор и задержался на вентиляционной решетке над полом.

Может быть…

Он подбежал к вентиляции, упал на колени, выкинул лезвие швейцарского ножа, с силой загнал его под край решетки и попытался оторвать ее от стены. Решетка сдвинулась на дюйм, потом другой.

Из-за угла донеслись приближающиеся мужские голоса. Логан передвинул лезвие на другой край, нажал…

Лезвие чуть слышно щелкнуло и отломилось у самого основания.

Господи, этого только не хватало! Логан сунул бесполезный нож в карман, ухватился за решетку обеими руками и, захрипев от напряжения, потянул. Один за другим шурупы выскочили наружу, и решетка отвалилась. Он отшвырнул ее подальше. Шаги преследователей быстро приближались.

В приглушенном свете Логан не без труда разглядел канал принудительной вентиляции, начинавшийся за квадратным отверстием, которое прикрывала сорванная решетка. Труба из нержавеющей стали выглядела вполне надежной и достаточно широкой. Первые три фута она шла строго вперед, потом начинала уходить вверх, к первому этажу.

Опустившись на четвереньки, энигматолог влез в нее, и стальная обшивка задрожала, а стены угрожающе покачнулись. Только бы добраться до первого этажа, сказал себе Логан. Только бы добраться…

Металл вдруг пронзительно взвизгнул, захрустели не выдержавшие нагрузки заклепки, труба сорвалась, и Логан полетел в неведомую тьму.

49

Он падал сквозь густую чернильную черноту. А потом, совершенно неожиданно, ударился обо что-то твердое и жесткое. В голове вспыхнул яркий белый свет, и в следующую секунду он лишился чувств.

…Логан приходил в себя медленно, с усилием, как пловец, поднимающийся к поверхности из глубины. Казалось, это продолжалось вечность. Чувства возвращались постепенно, одно за другим. Первым делом Логан ощутил боль – она пульсировала в спине, в правом колене, в голове – и везде по-своему, с разными тошнотворными модуляциями. Потом восстановилось зрение. В окружающем мраке он различил пятнышко – нет, два пятнышка – света.

Следующим был слух. Логан слышал чей-то шепот, разные голоса, звучащие где-то над ним, возле пятнышек света.

Он моргнул, раз и другой, и попытался сесть. Острая боль пронзила правое колено, и ему пришлось прикусить губу, чтобы удержать рванувшийся из горла крик. В глазах немного прояснилось. Присмотревшись, Логан понял, что пятнышки света – на самом деле лучи фонариков. Они прыгали туда и сюда, рыская в руинах обвалившейся вентиляционной трубы.

Очевидно – как бы ему ни казалось – без сознания он пробыл совсем недолго, буквально считаные секунды. Его преследователи остались в коридоре наверху и, собравшись у начала вентиляционного канала, пытались обнаружить его внизу, в каком-то подвале под подвалом.

Логан снова постарался встать и только теперь обнаружил, что лежит в нескольких дюймах от холодной, солоноватой воды. Скорее всего, вода была грунтовая и сюда просочилась из почвы, пропитавшейся ливневыми потоками. На этот раз попытка закончилась относительным успехом: ему удалось кое-как переместиться из лежачего положения в сидячее.

Некоторое время Логан только сидел, отдуваясь, дожидаясь, пока утихнет боль и прояснится сознание. Лучи фонариков все еще шарили по обломкам воздуховода, но он, должно быть, попал в какой-то тупик, стены которого защищали его от света.

Наверху о чем-то шепотом посовещались, и один из тройки – в луче фонарика блеснули стекла очков – начал осторожно заползать в поврежденный воздуховод. Труба прогнулась. Он замер, распростершись так, чтобы по возможности распределить вес по большей площади. Труба недовольно заскрипела и застонала, но смельчак все же добрался до нижнего края и, свесившись, приготовился спрыгнуть.

Логан понял, что пора убираться. Стараясь не шуметь и опираясь на кирпичную кладку, он поднялся и выпрямился. В голове зашумело, мир качнулся, и ему пришлось прислониться к стене.

Немного погодя головокружение прошло и боль стихла. Включить фонарик – если, конечно, тот не разбился при падении – он не решился,

но сориентироваться помог слабый отсвет фонарика второго из преследователей, который помогал спуститься первому.

Место, где оказался Логан, напоминало катакомбы: стены старой каменной кладки; низкие потолки с арками в романском стиле; основательные соломоновы колонны с витым узором, характерные для всего особняка. Повсюду висела паутина, в темноте попискивали невидимые насекомые. Тяжелый, спертый воздух отдавал плесенью. Выглядело все так, словно нога человека не ступала здесь по крайней мере лет сто.

Слабый плеск воды – первый из преследователей наконец спустился. Пока он подсказывал что-то второму, Логан двинулся дальше, касаясь пальцами сырого камня.

Отражения фонариков в холодной воде понемногу меркли, но энигматолог уже успел заметить, что нижний подвал ведет в лабиринт тесных помещений. Впереди и справа зияла черная дыра, дышавшая мертвенностью склепа, но тем не менее именно к ней за сомнительной защитой направился, оберегая правую ногу и ведя рукой по стене, Логан.

Снова плеснула вода – к первому преследователю присоединился второй. Стоило поторапливаться. Логан прибавил шагу, нырнул под арку, повернул за угол и шагнул в беспроглядную тьму. Вот теперь можно попробовать воспользоваться фонариком. Он скрестил пальцы и нажал на кнопку, прикрыв луч ладонью.

Ничего.

Логан тихонько выругался и яростно потряс фонарик. Тот испустил немощный луч, высветивший раздваивающийся впереди туннель.

Голоса позади стали громче. Логан огляделся, откладывая в памяти картину, выключил свет и, прихрамывая, побрел в темноту. Шаг, другой, третий… Нога зацепилась за что-то, и он тяжело, всем весом, бухнулся в воду.

В следующую секунду Логан, не слушая яростных протестов ушибленного колена, был уже на ногах. Преследователи кричали, лучи метались по каменной кладке, брызги разлетались в стороны. И он рванул вперед – уже не скрываясь, не маскируясь. Вытянув вперед руку, щелкая через каждые несколько секунд фонариком, чтобы успеть сориентироваться, Логан то бежал, то брел по запутанному лабиринту коридоров, клетей и погребов. Преследователи, похоже, разделились, но теперь, убедившись, что жертва здесь, переговаривались открыто: плеск… вспышка… глухие вздохи выстрелов и шумный рикошет.

Стреляли наугад, вслепую, однако пули с визгом проносились в пугающей близости.

Внезапно резкая боль обожгла ногу над поврежденным коленом. Логан инстинктивно охнул и подался в сторону, чтобы не попасть под следующие пули. Укрывшись в темноте, он ждал, жадно хватая воздух, прислушиваясь к голосам, которые сделались сначала громче, а потом затихли – очевидно, преследователи удалялись в другом направлении. И снова тишина. Какое-то время казалось, что они все же потеряли его в этой подвальной неразберихе.

Потеряли, успев, однако, подстрелить.

Логан посветил на рану. Пуля лишь зацепила внешнюю сторону бедра, прошив брючину, которая постепенно напитывалась кровью, сочащейся из глубокой царапины. Опасаться того, что преследователи заметят на черной воде кровавый след, не приходилось, но кровотечение следовало так или иначе остановить, пока еще есть силы. Ученый снял пиджак, оторвал рукав хлопчатобумажной рубашки, перевязал рану и крепко затянул узел. Потом надел пиджак и побрел дальше, уже медленнее, чем раньше, из-за дважды пострадавшей ноги.

Через какое-то время Логан наткнулся на бывший винный подвал. По обе стороны поднимались стеллажи из потемневшего от времени дерева. Все пустые. Густая паутина свисала с них гирляндами, похожими на веревочные.

За винным погребом начинался каменный переход с зияющими пустотой помещениями по обе стороны; судя по расположению полок, они использовались когда-то в качестве кладовых для продуктов. В конце перехода, за низкой аркой, обнаружилась комната, такая большая, что луч фонарика не достигал дальней стены. В самом начале истории особняка здесь определенно помещалась кухня: вдоль одной стены – плиты, у другой – огромный камин с чугунным горшком, висящим над треножником на ржавой цепи.

Логан на секунду замер, вслушиваясь в тишину. Но ни плеска воды, ни голосов позади себя не услышал.

Морщась от боли, он побрел через комнату. Вода здесь доходила ему до щиколотки. В центре стоял большой дубовый стол с оставленными на нем давным-давно кухонными принадлежностями: увесистыми секачами, молотками для отбивания мяса, разносортными деревянными ложками. Логан выбрал из представленного ассортимента филейный нож, осторожно сунул его за пояс брюк и двинулся дальше.

Вот наконец и дальняя стена. Он надеялся найти коридор или даже лестницу, которая вывела бы его на подвальный уровень, но не

обнаружил ничего, кроме вделанного в стену необычного на вид металлического буфета. Логан медленно повернулся, посветил во все стороны фонариком, но убедился лишь в том, что выйти из комнаты можно лишь тем же путем, которым он только что вошел. Оптимизма это открытие не добавило.

Завершая обход, энигматолог снова высветил встроенный в стену буфет. Присмотревшись внимательнее, он пришел к выводу, что никогда в жизни не видел похожего буфета. Логан взялся за ручку, потянул на себя и вдруг понял, что перед ним кухонный лифт.

Он посветил внутрь – в обложенной кирпичом шахте, как в дымоходе огромного камина, висел деревянный каркас размером примерно три на четыре фута. На полу, покрытом толстым слоем пыли, лежало несколько пустых тарелок. Логан собрал их и опустил под воду.

Перед лифтом, между его деревянной рамой и кирпичной стеной, висела толстая веревка. Логан взял ее одной рукой и потянул.

Ничего.

Он зажал фонарик между зубами, ухватился за веревку обеими руками и потянул сильнее. Деревянная тележка дрогнула и чуточку поднялась.

Логан оглянулся через плечо – голоса послышались снова, и на этот раз они приближались.

Он снова посмотрел на кухонный лифт. Места в нем было достаточно. Но как, находясь в тележке, поднять ее вверх по шахте?

В потолке такого лифта должен быть люк. Логан взглянул на самодельную повязку и с удовлетворением отметил, что кровотечение почти прекратилось. Стараясь не обращать внимания на боль, он забрался в кабинку, толкнул крышку люка, посмотрел вверх и включил фонарик. Шахта уходила вверх примерно на двадцать пять футов и заканчивалась у кирпичной крыши желобчатым шкивом, к которому крепилась веревка.

Двадцать пять футов. Получалось, что он мог подняться на уровень не подвального, а первого этажа.

Голоса приближались, и Логан закрыл дверцу лифта. Затем он подтянулся, выбрался через люк в потолке и опустил крышку прежде, чем на пол упала хотя бы капля крови.

Голоса сделались тише.

Логан осторожно потянул за веревку. Толстая и грубая, она была еще и скользкая. Он посмотрел на свои ладони. Подняться на двадцать пять

футов по этой скользкой от жира веревке? Ни малейшего шанса. Тем более с больной ногой.

А если есть другой способ? Положив фонарик у ног и направив его вверх, Логан привстал на цыпочки, снова ухватился за веревку обеими руками и со всей силой потянул.

Далеко вверху что-то негромко скрипнуло, и лифт медленно, словно нехотя, пошел вверх.

Потянуть – закрепить веревку понадежнее – отдышаться – и снова потянуть. Логан поднялся на пять футов, потом на десять. Постанывая и поскрипывая, лифт полз внутри кирпичной шахты. После десяти футов Логан взял паузу. Непривычные к такого рода напряжению, мышцы рук и спины мелко подрагивали; кожа на ладонях покраснела и начала стираться.

Он снова взялся за дело и тянул, пока не увидел футах в десяти над собой, у самой вершины шахты, дверцу, через которую продукты передавались из кабинки в кухню. Поравнявшись наконец с дверцей, Логан закрепил веревку, перекинув ее через крюк в потолке. И, выпустив веревку из рук, едва не застонал от облегчения.

Он осторожно опустился на колени, толкнул дверцу и тут же замер, услышав стук. Дверца наткнулась на какое-то препятствие. Что это было, Логан не знал, но не мог допустить, чтобы оно опрокинулось. Оставалось только попытаться сдвинуть его – понемногу, дюйм за дюймом.

Со всей осторожностью, на которую был способен, он надавил на нижнюю часть дверцы. Препятствие качнулось, но, насколько Логан мог судить по сопротивлению, немного сдвинулось. После нескольких волнительных попыток дверца открылась достаточно широко, чтобы он смог протиснуться в щель.

Тьма. Логан высунул голову, плечо, потом выскользнул из шахты и осторожно выпрямился. Повернулся, нащупал дверцу лифта, закрыл ее, потом отодвинул к стене стоявший перед ней предмет – судя по очертаниям, это был какой-то стенд – и, прикрыв ладонью, снова включил фонарик.

Место было знакомое – когда-то давно он забрел сюда по ошибке, решив, что идет в мужской туалет. На самом деле это была тесная комнатушка, расположенная напротив столовой и используемая теперь официантами и официантками для хранения белья. Логан вытер испачканные жиром и сажей ладони. Во времена Эдуарда Делаво комната, вероятно, служила буфетной, где горничная и дворецкий принимали и расставляли доставленные из кухни блюда.

Он медленно подошел к двери, приоткрыл ее – она тихонько скрипнула – и выглянул. За коротким боковым переходом, на другой стороне застеленного дорогим ковром главного коридора, находился вход в столовую, а чуть дальше виднелась лестница, уходившая на второй этаж.

Надо проверить Ким Миколос. Если на него охотились, то весьма вероятно, что опасность угрожала и ей. Логан вышел в коридор и направился к лестнице, но, едва сделав пару шагов, остановился и попятился. В нескольких ярдах от него в коридоре топтался один из тройки преследователей – человек в твидовом пиджаке. Он стоял спиной к Логану и разговаривал по рации – за толстыми стенами «Люкса» радио работало лучше сотовых.

Какие варианты? Даже если ему удастся прокрасться к лестнице и подняться наверх, кто даст гарантию, что там нет двух других громил? Но ему обязательно нужно добраться до Ким.

Логан в отчаянии огляделся. Что же делать? Куда теперь? Куда?

Но задавая себе этот вопрос, энигматолог наткнулся взглядом еще на одну дверь. Она находилась в конце бокового коридора, и в отраженном свете ее маленькие стеклянные панели выглядели мрачными черными прямоугольниками.

Запасной выход.

Логан больше не колебался. Отвернувшись от главного коридора, он направился к двери, убедился, что она не подключена к сигнализации, осторожно открыл ее и выскользнул в объятия бушующей непогоды.

50

Безудержная, первобытная ярость стихии застала Логана врасплох. За то время, что прошло после возвращения в «Люкс», сила урагана как будто удвоилась. Ветер прижал его к облицовочному камню фасада, задрал и принялся срывать с плеч пиджак, грозя расшвырять содержимое карманов. Всего лишь за несколько секунд он промок до костей.

Продвинувшись к выходу, Логан приник к маленькому окошечку возле дверной ручки. Короткий коридор, по которому он только что прошел, был пуст, по нему не бежали вооруженные люди. Следовательно, ему удалось выбраться из особняка незамеченным.

Логан прижался спиной к стене здания. Но что дальше?

Взгляд его скользнул по серой лужайке к океану. Волны налетали и бились о скалистый берег с безумным неистовством, видеть которое ему еще не доводилось. Словно брошенные рукой рассерженного великана,

пена и брызги взлетали вверх, смешиваясь с хлещущими струями ливня, так что понять, где дождь, а где море, было невозможно.

Логан посмотрел влево, где за водяной завесой проступали очертания Восточного крыла, Гибралтарской скалой противостоящего бешеной злобе урагана. Лишь в нескольких окнах трех его этажей мерцал тусклый свет. Можно дойти до угла, прошмыгнуть на парковочную площадку и…

И что? За машиной вполне могут наблюдать. Правда, по прибытии ничего подозрительного он не заметил – а если бы заметил, то вел бы себя осторожнее, когда отправился на встречу с Лорой Бенедикт в ее подвальный кабинет, – но это ни о чем еще не говорило. Его противники – профессионалы, и прислали их сюда вовсе не просто так.

И даже если ему повезет добраться до машины и уехать отсюда, что потом? Как быть с Ким Миколос? Убегая от преследователей по лабиринту подземных лабораторий и бродя потом по старинным катакомбам, Логан не раз и не два проклинал себя за то, что не позаботился о ее безопасности. Нужно было приказать, настоять на том, чтобы она уехала куда-нибудь, в любое место, где можно было бы спрятаться. Но его больше интересовала сохранность передающих устройств.

С другой стороны, Ким – женщина умная и сообразительная. Увидев посторонних, она могла понять, что к чему, и где-нибудь затаиться…

Но на это успокоительное рассуждение тут же последовал ответ: «*Памела Флад тоже была умная и сообразительная…*»

Логан по мере сил отгонял тревожные мысли. Было еще кое-что, о чем следовало подумать: Машина. Если он просто сбежит, то уже никто не помешает Лоре Бенедикт и присланной «Айронхендом» команде головорезов демонтировать и увезти оборудование под прикрытием урагана. Ведь в «Люксе» практически никого не осталось. Она, правда, говорила, что не довела работу до конца, что ей нужно еще несколько дней, чтобы приспособить оборудование для транспортировки, но теперь, после их разговора начистоту, такая мелочь ее не остановит. Бенедикт заберет все, что только сможет, и исчезнет.

Размышляя обо всем этом в черной тени особняка, он вспомнил слова, сказанные им самим Лоре в лаборатории. «*Это ваше устройство, оно… зло. Немыслимое зло. Свести с ума целую армию или отправить людей в путешествие без надежды на возвращение… Лора, поймите, химическое оружие запрещено не просто так – на то существуют свои причины. Представьте, что произойдет в случае развертывания вашего оружия. Рано или поздно технология перестанет быть*

тайной, и тогда это дьявольское средство будет применено против наших с вами соотечественников».

Устройство необходимо уничтожить. Оно нужно ей для завершения работы – Лора сама так сказала. Но что он может сделать? Безоружный против троицы тренированных профессионалов-убийц… Логан похлопал себя по карманам, хотя и знал, что ничего нового там не обнаружит. Фонарик. Кухонный нож. Цифровой рекордер. Телефон…

Рука задержалась на сотовом, а в голове уже начали вырисовываться неясные очертания некоего плана. Откликаясь на мысли, быстрее застучало сердце. Логан сделал глубокий вдох, потом еще один и огляделся. Никого. Ни одной живой души. Только он сам да злобно воющий ураган.

Оттолкнувшись от защищавшей его стены, Логан в полной мере испытал на себе гнев стихии. Он повернулся спиной к Восточному крылу и побрел вперед – вопреки урагану, с дикой силой пытавшемуся развернуть его, остановить, не пустить. Каждый шаг давался с трудом, вопреки ужасающей мощи природы. И словно разъяренный брошенным ему вызовом, ураган взвыл громче. Усилие не далось даром, отозвавшись пульсирующей болью в раненой ноге и ушибленной голове. В какой-то момент Логан поскользнулся и упал лицом вперед в мокрую траву. Воды на земле было так много, что ему даже показалось – безумная мысль, – будто он лежит на краю озера. Так легко закрыть глаза и уснуть… Нет. Он встряхнулся, заставил себя подняться, но почти сразу же снова упал, сбитый с ног ураганом. Ветер выл в ушах со всей злобой отчаявшейся банши. Буря не только не стихала, но, наоборот, набирала силу.

Логан понял – в борьбе со стихией шансов нет. Шторм вымотает его еще раньше, чем он достигнет цели, и не оставит сил на то, что предстоит сделать.

Вывернувшись из цепких когтей урагана, он вернулся под защиту особняка, нависшего над ним казавшейся бесконечной стеной, чьи зубцы и фронтоны терялись в разбушевавшейся ночи. Но здесь, под карнизами, буря немного присмирела. Не сильно, но по крайней мере она не валила с ног.

Шаг, другой, третий… Вскоре он потерял счет времени и, отупев от усталости, не мог сообразить даже, сколько прошел и сколько осталось. Переставляя ноги, он вел правой рукой по кирпичной кладке и только так получал ощущение движения…

А потом из темноты впереди выступило что-то огромное, черное на черном. Поначалу Логан даже не увидел его, а только ощутил. Сделав

еще шаг, ослепленный ливнем, он вытянул вперед руки, пытаясь на ощупь понять, что встало у него на пути.

Это была еще одна стена, облицованная камнем. Высокая – Логан не мог даже примерно оценить ее высоту, – перпендикулярная той, вдоль которой он шел, темная, неосвещенная, она тянулась вдаль слева от него и исчезала во мраке.

Западное крыло.

Повернув на девяносто градусов к югу и прислонившись к новой опоре, Логан двинулся вперед, пока не нашел то, что искал: невысокое, на уровне колена, окошечко. Не обращая внимания на боль в ноге, он вцепился онемевшими пальцами в оконную раму и попытался ее поднять.

Не получилось.

Отдуваясь, сплевывая дождевую воду, постоянно лезшую в рот, глаза и уши, Логан стащил пиджак, наложил его на стекло и ударил – сначала кулаком, потом левой ногой. После третьей попытки окно не выдержало.

Обернув кисть пиджаком, чтобы не пораниться, он осторожно выбрал застрявшие в раме осколки стекла. Потом пролез в окно – из предосторожности ногами вперед – и соскользнул на пол.

Логан отряхнул от стекла пиджак. Поводив по сторонам фонариком, определил, что попал в небольшую кладовую, вероятно, использовавшуюся занятыми перестройкой рабочими. Деревянные козлы, аккуратно составленные банки с краской, коробки с какими-то тубами, бережно сложенные полотна брезента, покрытые напоминающими картины Поллока разноцветными каплями и потеками краски.

На дальней стороне комнаты – открытая дверь. Логан стащил полотно брезента, забил им дырку в окне и, выйдя из комнаты, закрыл за собой дверь, приглушив звук бури и замаскировав факт своего проникновения в крыло.

Вышел и остановился в нерешительности. Нет, сказал он себе. Сначала нужно кое-что сделать.

51

Отложив в сторону фонарик, Логан сунул руку в карман промокших насквозь брюк. Достав телефон, стряхнул собравшиеся на дисплее капельки воды и нажал кнопку.

Впавший в спячку аппарат пробудился: внизу, под кнопками, появились бледные полоски оранжевого света – хороший знак.

Логан потрогал повязку на правом бедре. Она тоже, как и все остальное, промокла, но свое назначение – остановить кровотечение, – похоже, выполнила.

Энигматолог набрал номер Ким Миколос. Ответа не было. Попробовал еще раз – тот же результат.

Застыв в темноте с телефоном в руке, Логан ненадолго задумался, решая, что делать дальше. Потом по памяти набрал другой номер, дополнительный, тот, что высветился на экране примерно час назад, когда Лора Бенедикт звонила ему в комнату.

Ждать пришлось долго – трубку взяли только после пятого звонка.

– Алло? – Голос на другом конце линии прозвучал напряженно.

– Алло, Лора. – Логан передвинулся поближе к разбитому окну – теперь за его спиной явственно слышался рев урагана.

– Кто это?

– А вы как думаете? – хрипло выдавил энигматолог, добавив пронзительную нотку безумного отчаяния.

– Доктор Логан? – недоверчиво и не вполне уверенно спросила Бенедикт. Услышать его голос она определенно не ожидала.

– Угадали. С первого раза. Не хотите выйти, поиграть? Водичка чудесная.

Пауза.

– Что случилось? – спросила она наконец, справившись с замешательством.

– Что случилось? Ваши знакомые устроили веселые догонялки. Пришлось постараться, побегать, но они все же остались с пустыми руками.

– Где вы сейчас?

Логан усмехнулся, надеясь, что это не прозвучало слишком истерично.

– Возле Восточного крыла, рядом с парковочной площадкой.

– Рядом с парковочной площадкой? – забеспокоилась Лора.

– О, не тревожьтесь. Я никуда не собираюсь. Хотя нет, кое-куда все же собираюсь.

Молчание.

– Попробуете угадать куда, доктор Бенедикт?

Она снова промолчала.

– Нет? Ну, тогда я вам сам скажу. Почему бы и нет? Может, вы меня еще и застанете, только к тому времени будет уже слишком поздно.

– Слишком поздно…

– Я пытался вас вразумить, но вы и слушать не желали. Мало того, отправили каких-то головорезов убить меня… Что ж, теперь я сам это сделаю.

Короткая пауза.

– Что сделаете? Покончите с собой?

Логан угрюмо усмехнулся.

– Уничтожу секретную комнату.

– Доктор Логан… Джереми…

– Вы сами сказали, что работа не закончена. Так вот, я позабочусь, чтобы вы никогда ее не закончили. Я сожгу всю эту чертову комнату и, если придется, целое крыло вместе с ней. Сожгу, как ваши наемники сожгли Памелу Флад. А потом отыщу старые документы, записи, дневники, лабораторные отчеты – они где-то здесь, может быть, в вашей лаборатории, может быть, в комнате – и тоже сожгу.

– Джереми, послушайте…

– Нет! Это вы послушайте! – крикнул Логан, перекрывая шум бури. – Ее не должно быть! Слышите? Я позабочусь о том, чтобы это оружие никогда не появилось на свет – *даже если это последнее, что я успею сделать*.

Он дал отбой. Опустил в карман телефон. Снова затолкал в разбитое окно брезент. Потом поднял с пола фонарик, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Рев урагана проникал сюда, но уже заметно слабее.

Почти все сотрудники «Люкса» эвакуировались еще до начала бури, и, следовательно, в крыле никого не было.

Лора Бенедикт считала, что он находится у Восточного крыла, возле парковки. На этот раз время было на его стороне.

Но сначала ему предстояло вернуться на более знакомую территорию. И пусть у него есть некоторый запас времени, медлить нельзя – Бенедикт,

несомненно, уже связалась со своими громилами и дает им указания, где его искать. По крайней мере, можно надеяться, что им сейчас не до Ким. Ничего не поделаешь, приходится рисковать.

Логан отряхнул воду с туфель, отжал брюки и, держа фонарик перед собой, зашагал по коридору в направлении входа в Западное крыло. Судя по расположению окна, через которое он проник в здание, он находился этажом ниже главного уровня. Коридор – ничего примечательного, только голые оштукатуренные стены – повернул влево, потом еще раз влево. Стараясь не отвлекаться на боль в ноге и голове, Логан попытался сосредоточиться и определить свое нынешнее положение. Приближается ли он к главному входу или уже заплутал в лабиринте узких коридорчиков и комнат, которых предостаточно в этой части крыла?

Коридор закончился возле винтовой металлической лестницы, на чьих треугольных ступеньках, покрытых толстым слоем пыли, сохранились отпечатки обуви. Логан посветил вверх, потом осторожно, волоча за собой больную ногу, поднялся на три ступеньки. Ему открылся незнакомый боковой коридор, заваленный досками, рейками и мусором. Задержавшись на минуту, он отжал пропитавшуюся водой и кровью повязку, снова наложил ее на рану и двинулся дальше.

Некоторое время луч фонарика скользил лишь по стенам и потолку, но потом коридор расширился. Это место энигматолог узнал сразу: слева была лестница, которая вела на второй этаж, а за ней пересекающиеся беспорядочно переходы и комнаты. Вдалеке темнела громада стоящего камня – молчаливый, угрюмый страж этого мрачного, отдающегося эхом зала.

Логан выключил на секунду фонарик и замер, вслушиваясь в обступившую его со всех сторон темноту. Здесь было тихо, если не считать стонов беснующейся за стенами стихии. Ждать наемников Бенедикт еще рано, но скоро появятся и они. Надо поторапливаться.

Поглядывая под ноги и стараясь не оставлять следов, Логан поднялся по лестнице, прошел мимо порушенных офисов, куч мусора и осыпавшейся штукатурки, снесенных наполовину стен и перегородок и добрался до проложенного Стрейчи бокового коридора А.

Он двинулся дальше, ориентируясь по памяти и посвечивая фонариком, и вскоре увидел самодельный предупреждающий знак: «ОПАСНАЯ ЗОНА» и брезентовый полог за ним.

Энигматолог сделал еще одну короткую остановку – огляделся и прислушался, потом нырнул в им же проделанную дыру – неужели с тех пор не прошло и двух недель? – и оказался в забытой комнате.

Включать свет Логан не стал, но воспользовался фонариком. Машина с ее панелями управления, тяжелые, напоминающие доспехи защитные костюмы вдоль задней стены – все было на своих местах, кроме странного подъемного устройства, существование которого выдавал лишь едва заметный круг на потолке.

Хорошо.

Настороженную тишину Западного крыла нарушили пока еще слабые, едва слышные голоса.

Логан быстро шагнул к стойке с металлическими костюмами. Проведя здесь немало времени, он так и не удосужился рассмотреть их повнимательнее, примерить и теперь ругал себя за небрежность.

Пройдясь лучом по висящим в ряд громоздким доспехам, Логан быстро выбрал тот, что показался подходящим по размеру, и, положив фонарик на ближайшую полку, снял костюм со штанги.

Костюм оказался на удивление тяжелым. Дизайн его не отличался какими-то особенностями – похоже, их все делали по единому образцу, но в первые секунды Логан никак не мог понять, как напялить эту штуку на себя. Потом все же обнаружил несколько крючков и петелек, почти незаметных и идущих ровной линией от правой подмышки к бедру. Торопливо, насколько это позволяли неуклюжие, посиневшие от холода пальцы, он расстегнул крючки и увидел, что внутренние швы укреплены подложкой из фетра и кожи. Вытащив из-за пояса кухонный нож, Логан положил его на пол, распахнул костюм, разулся и осторожно сунул в штанину раненую ногу.

Размер оказался немного маловат; ногу сжало, и служившие обувью металлические колодки до боли стиснули стопу, но времени искать что-то более подходящее уже не оставалось. Логан просунул руки в металлические рукава и протолкнул пальцы в эластичные, гармошкообразные отростки перчаток.

Он не стал надевать шлем. Затолкал на место фетр и взялся за застежки, крючки и петли. В перчатках застегнуть их оказалось еще труднее, чем расстегнуть.

Голоса приближались. Различить их было пока невозможно, но один определенно принадлежал женщине. Она говорила больше остальных, по-видимому отдавая какие-то указания.

Ну конечно. Лора Бенедикт знала путь к секретной комнате гораздо лучше всех остальных, включая его самого. Сейчас она хотела заранее разместить своих людей на позиции и подготовить западню до появления противника.

Справившись с последним крючком, Логан шагнул вперед. Передвигаться в тяжелом костюме было непросто, и поначалу ему с трудом удавалось сохранять равновесие. Посветив на Машину фонариком, он нашел главные переключатели на боковой стороне корпуса и неуклюже склонился над ними. Согнул палец, щелкнул переключателем «СЕТЬ». Подождал несколько секунд, затем повернул ручку «НАГРУЗКА».

И Машина загудела – тихо, почти неслышно.

Шаги раздавались уже над головой. Все шло так, как он и рассчитывал: Бенедикт вела своих людей тем же путем, которым ходила сама, рассчитывая воспользоваться тем же привычным методом – спиральным лифтом, приводимым в движение весом пассажира, – которым пользовалась сама, чтобы попасть в секретную комнату. Голоса звучали все ближе, и Логан уже слышал, что именно она говорит.

– Закройте створчатые двери. И поверните оба колеса, вот те, по часовой стрелке. Одного поворота вполне достаточно.

– Вы не с нами? – спросил мужской голос, принадлежавший одному из той троицы, что преследовала Логана в подвале.

– Я подожду здесь, – ответила Бенедикт.

Логан отступил к фронтальной панели Машины, где находились панели оперативного управления, и пригнулся, чтобы его заметили не сразу. Потом взял болтавшийся под горлом шлем, напялил на голову и повернул.

В комнате, и без того темной, стало еще темнее. Тихий гул Машины и звуки наверху почти стихли. Под визором шлема находилось небольшое отверстие для дыхания, обшитое изнутри фетром. Из-за проволочной паутинки в окошечке Логан едва различал надписи на контрольной панели. Все прочее слилось в расплывчатое, неясное пятно.

Все, кроме одного: декоративный круг на потолке, обозначавший основание лифта, начал движение вниз и, медленно вращаясь, бесшумно опустился. За плотно сомкнутыми створками дверей мерцали желтые пятна света.

52

Логан пробежал взглядом по контрольной панели. Что там говорила Ким? «*Локальный режим – очень специфический и четко ориентированный: «луч». И глобальный – более широкий, более полный: «поле»*. Вот что ему нужно – регулятор поля. И направить его следует в сторону оставленных на полу меток. Туда, где остановится уже спускающийся лифт.

Ким сказала, что, проверяя свою теорию, достаточно хорошо изучила панель управления. Но получится ли у него точно воспроизвести то, что она делала? Был ли он внимателен, когда наблюдал за ее манипуляциями?

Лифт прошел уже полпути и продолжал снижаться. Логан слышал доносящиеся из кабины приглушенные голоса и видел мутные пятна света включенных фонариков. Они даже не пытались маскироваться, рассчитывая, наверное, что он все еще где-то там, пробирается от парковки к Западному крылу.

Притаившись за Машиной, Логан убедился, что главный переключатель установлен в режиме «поле», и, щурясь в темноте, прошелся глазами по панели, стараясь разобрать подписи под тумблерами и кнопками. Вот и оно – тумблер, обозначенный как «МОТИВАТОР». Ким щелкала им после включения устройства.

Он установил переключатель в нужное положение.

Лифт мягко и бесшумно опустился на пол комнаты. В кабине о чем-то совещались. Этажом выше, там, где осталась Лора Бенедикт, было тихо.

Следующее действие – «ВКЛЮЧИТЬ».

Створки лифта разошлись в стороны, и Логан щелкнул тумблером.

Лучи фонариков осветили комнату, и он пригнулся, прячась за Машиной. Прибывших было трое, и Логан узнал всех: один – в очках, тот, что первым спустился за ним на нижний уровень подвала; другой – в вощеной куртке; третий – с хищным носом и жестоким выражением лица, в твидовом пиджаке. Все трое держали фонарики в левой и оружие в правой руке.

Логан снова переключил внимание на контрольную панель. Над активированным тумблером находился шаговый переключатель с цифрами от 0 до 10. Аналоговая стрелка расположенного рядом волюметра отдыхала в крайнем левом положении.

Припомнив, что делала Ким, Логан повернул ручку в положение 1.

Машина загудела чуть сильнее. И, словно в ответ, он услышал голоса: мужчины переговаривались между собой – негромко, неуверенно.

В его распоряжении оставалось несколько секунд, чтобы выполнить задуманное. Если его обнаружат сейчас, то просто-напросто расстреляют.

Логан перевел ручку в положение 2. Стрелка волюметра ожила, словно очнулась от сна, и задергалась между отметками на левом краю индикатора.

Троица притихла. Один, похоже, встревожился и что-то сказал, но другой – тот, что в пиджаке, определенно главарь – тотчас цыкнул на него, и он замолчал.

Логан помнил, что, когда они с Ким тестировали Машину, она работала в режиме «луч», при котором ультразвуковой импульс был направлен на конкретную, точно выбранную цель. Тем не менее эффект ощущался и тогда. Сейчас, когда устройство действовало в режиме «поле» и импульс шел во все стороны, он мог только лишь догадываться, что испытывают его преследователи.

Пора.

Логан глубоко вдохнул.

– Я управляю Машиной, – громко объявил он, – и сейчас нацеливаю ее на вас.

Возгласы удивления… шорох… металлические щелчки…

– Ради бога, – пробормотал кто-то. – Поосторожнее здесь. Смотрите, куда стреляете.

– Вы знаете, на что способна эта штука, – продолжал Логан. – И я использую ее против вас, если понадобится.

Его противники снова о чем-то зашептались. Потом… осторожные, едва слышные шаги.

В ответ он повернул ручку в положение 3, и Машина запела, изрыгнув из своего металлического чрева густой басовитый звук. Кто-то охнул.

– На место, – сказал Логан. – Больше предупреждать не буду.

И тут же между светящими в его сторону фонариками что-то вспыхнуло, словно взорвалось, а рядом с ухом взвизгнула, срикошетив, пуля. Он переключил Машину на 4 и тут же на 5.

Все трое взвыли.

Логан рискнул выглянуть из-за Машины. Один из трех громил – в вощеной куртке – стоял наклонившись вперед, зажав пальцами уши, с перекошенным от боли лицом. Второй – в очках – возился с пистолетом, который, похоже, заклинило. А вот третий – в твидовом пиджаке и с хищным носом – целился прямо в него.

Логан едва успел снова спрятаться за Машину, как над головой просвистела вторая пуля. Неуклюже выгнув шею, он протянул руку к панели и повернул переключатель на 7.

Крик боли сменился воплем агонии. Логан прислонился к Машине. Она подрагивала и вибрировала, как живое существо, заполняя своим присутствием всю комнату.

Логан снова отважился поднять голову. Человек в вощеной куртке стоял в той же позе, согнувшись вдвое. Зато второй, в очках, похоже, устранил неисправность в своем пистолете и уже поднимал оружие. Из носа и ушей текла кровь, но он словно не замечал этого и только вытирал глаза тыльной стороной ладони. И наконец третий, в твидовом пиджаке, не только целился в Логана, но и шел вперед.

Логан снова присел. Сердце колотилось. Он знал, что должен действовать незамедлительно, а иначе его просто убьют.

Ручка стояла в положении 7, и стрелка волюметра прыгала в полукруге как сумасшедшая. Ему вспомнились слова Соррела: «*Мы никогда не пересекали красную черту…*»

Коротко выругавшись, Логан протянул руку и повернул переключатель до упора – в положение 10.

Эффект проявился незамедлительно. Глубокое басовое пение Машины переросло в натужный рев, словно она силилась сорваться с креплений. Стрелка волюметра прыгнула вправо и застыла в углу. Доносившиеся со стороны лифта крики боли сменились сначала воплями, потом пронзительным визгом и, наконец, странными гортанными, животными звуками. Что-то грохнулось и тяжело свалилось на пол.

Логан опасливо приподнялся и бросил взгляд поверх Машины.

Первый из троицы, в вощеной куртке, упал на колени; изо рта и носа лилась кровь. Второй, в очках, вертелся на месте с жуткими воплями, словно пытался подпевать Машине. Из ноздрей, ушей и рта разлетались во все стороны, словно под действием центробежной силы, капли крови, образуя что-то вроде жуткой красной короны. Третий, в твидовом пиджаке, опрокинул лабораторный стол и кружил по комнате, как неисправный автомат. Врезавшись сослепу в стену, он с трудом повернулся и побрел в другом направлении.

Про оружие все трое забыли, и оно валялось на полу лаборатории.

Осторожно, не спуская глаз с троицы, Логан вышел из-за Машины, собрал пистолеты, вернулся к панели управления и лишь затем перевел ручку сначала в положение 5, потом – в положение 2 и наконец на 0.

Гул Машины постепенно стих, страшная животная дрожь прекратилась. Но человек в вощеной куртке продолжал издавать странные горловые звуки.

Немного подождав, Логан выпрямился. Не торопясь, осторожно снял шлем, расстегнул крючки защитного костюма и неуклюже выбрался из него. Потом, держа в руке пистолет и сунув за пояс два других, включил свет и вышел из-за Машины.

Секунду-другую энигматолог смотрел на троицу безумцев. Потом отвернулся, поднял брезентовый полог и нырнул в дыру. Пройдя по замусоренному коридору, быстро нашел то, что искал: пожарный шкаф с огнетушителем и топором. Он сунул за пояс третий пистолет, взял топор, помахал им и вернулся в комнату.

Двое из троицы остались там же, где и были. Мужчина в очках больше не вертелся, брызгая кровью, а лежал на полу. Главарь – тот, что в твиде, – все еще бродил как заведенный, натыкаясь на всевозможные преграды, разворачиваясь и ковыляя в противоположном направлении. У всех троих из носа, ушей и – что самое страшное – из глаз сочилась кровь.

Понаблюдав за ними недолго, Логан подошел к Машине и, наклонившись, отключил ее от электропитания. Потом поднял топор и, замерев на мгновение, обрушил его на массивный корпус. Сталь врезалась в металл с пронзительным звуком, напоминающим крик боли. Он высвободил лезвие, снова занес топор над головой и нанес второй рубящий удар, которым снес переднюю панель и контрольные механизмы. Затем их судьбу разделили причудливые футуристические устройства, ответвлявшиеся от боковых наростов, генератор электромагнитного поля и воспринимающая катушка. Снова и снова Логан рубил и рубил Машину, как будто все страхи, неуверенность и боль последних двух недель спрессовались и вылились в этот конвульсивный акт, и после каждого удара какие-то куски жуткого механизма – металлические, стеклянные, бакелитовые – разлетались в стороны. Наконец, исчерпав силы и дух, он опустил топор и посмотрел на своих врагов.

Человек в вощеной куртке лежал, распростершись, на полу в неподвижной позе, лишь иногда вздрагивая от непроизвольного спазма, и под головой у него растекалась лужа крови. Второй, в очках, сидел, съежившись, в углу, с окровавленным лицом. При этом он совершал странные жесты руками, как будто отмахивался от невидимых противников, и издавал булькающие звуки, словно в горле у него что-то застряло. Третий, главарь в твидовом пиджаке и с хищным лицом, теперь сидел неуклюже на полу и методично рвал на голове волосы. Вырвав очередной клок, он тупо уставился на окровавленные ошметки скальпа, повертел их с любопытством и сунул в рот.

Логан осторожно прошел на середину комнаты, к тому месту, где остановился лифт. После того как пассажиры вышли, кабина беззвучно

поднялась, ушла в потолок и теперь ожидала в комнате на третьем этаже, когда кому-то понадобится воспользоваться ею.

Вверху кто-то тихонько плакал. Или ему это только показалось?

Логан посмотрел на декоративный круг, обозначавший основание лифта. Потом откашлялся и, повысив голос, произнес:

– Доктор Бенедикт? Можете спускаться.

Эпилог

Через высокие створные окна в офис директора «Люкса» лился солнечный свет. Внизу, за освинцованными стеклами, зеленая лужайка неторопливо сбегала к скалистому берегу и Атлантическому океану, непривычно тихому в этот день, словно кающемуся за устроенное недавно бурное представление. Мужчины и женщины, в ветровках и легких куртках, прогуливались, в одиночку и парами, по чисто подметенным дорожкам, а ниже, у береговой линии, какой-то художник уже установил мольберт. Тут и там одни рабочие собирали ветки, водоросли и прочий мусор, а другие ликвидировали последствия урагана «Барбара». Но, хотя сияло солнце и вокруг царили тишина и покой, в самой пронзительности лазурного неба было что-то такое, отчего люди то и дело инстинктивно поеживались от малейшего дуновения ветерка, напоминавшего о зиме.

Оберегая правую ногу, Джереми Логан прошел по ковру и опустился на один из стоящих напротив стола стульев.

Директор, разговаривавший при его появлении по телефону, положил трубку и кивнул.

– Как нога?

– Спасибо, уже лучше.

Секунду-другую мужчины молчали. Так много всего было сказано и сделано в последние дни, что сейчас разговоры казались излишними.

– Уже собрался? – спросил Олафсон.

– Перенес вещи в машину.

– Что ж, тогда мне ничего не остается, как только поблагодарить тебя за все. – Олафсон нерешительно помолчал. – Наверное, это прозвучало немного легковесно – не обращай внимания. Думаю, я имею полное право сказать, что ты спас «Люкс» от него самого и заодно весь мир от весьма серьезной опасности.

– Спас мир, – повторил Логан, словно пробуя фразу на вкус. – Знаешь, мне это нравится. И, может быть, ты не станешь возражать, если я удвою гонорар?

Олафсон улыбнулся.

– Возражений будет предостаточно.

В комнате снова стало тихо. Олафсон посерьезнел и уже не улыбался.

– Знаешь, сейчас все это представляется почти невероятным. Когда я вернулся после урагана и увидел, как ты бредешь от Западного крыла и тащишь с собой Лору… сцена словно из кошмара.

– Как она? – спросил Логан.

– Реагирует на раздражители. Доктора объясняют это сильнейшим нервным шоком. Прогнозируют полное выздоровление, но не раньше чем через шесть-восемь месяцев. Однако ее кратковременная память утрачена безвозвратно.

– Значит, она все же получила значительную дозу ультразвука. Досадно.

– Сделать ничего было нельзя. В любом случае доклад подготовлен и возвращаться к нему нет никаких оснований. Ты сделал то, что должен был сделать.

– Наверное. Быть может, потеря памяти только пойдет ей на пользу. – Логан посмотрел в окно, скользнул рассеянным взглядом по лужайке и снова повернулся к директору: – А что с другими, теми тремя из «Айронхенда»?

Лицо Олафсона омрачилось. Он пробежал глазами по лежащему на столе листку.

– Хорошего мало. У одного – «ярко выраженный психоз, проявляющийся в параноидальном стремлении к убийству, галлюцинациях, неуправляемой мании». Другой пребывает в состоянии, которого, как признались эксперты психиатрического отделения ньюпортской больницы, они еще не видели. Аналога ему в «Диагностическом и статистическом руководстве по психиатрическим расстройствам» не обнаружено. Один из докторов охарактеризовал его так… – Директор снова заглянул в листок: – «Впечатление такое, как будто потенциал действия серотониновых рецепторов постоянно находится в режиме передачи». Проще говоря, его мозг переполнен сенсорными сигналами – невероятно усиленными, искаженными и непредотвратимыми, обработать которые, в силу их интенсивности, невозможно. Как лечить его, они не представляют, а потому на какое-то время беднягу просто ввели в состояние медикаментозной комы.

– Долговременный прогноз?

– Они не говорят. Но неофициально дают понять, состояние это, если не случится чудо, необратимо.

Логан ненадолго задумался.

– А третий?

– «Острое кататоническое расстройство, сопровождающееся ступором и оцепенением». И опять-таки у врачей нет внятного объяснения. Томографическое сканирование не показывает повреждений лимбической системы, базального ганглия или лобной коры, что обычно является причиной кататонической шизофрении.

Логан глубоко вздохнул и снова устремил взгляд в окно.

– Превратности войны, – негромко сказал Олафсон. – Они были плохими людьми. Прямо или косвенно, они несут ответственность за смерть Уилла Стрейчи.

– И Памелы Флад, – угрюмо добавил Логан.

– Да. Если б не твои решительные действия, подобная участь грозила бы десяткам тысяч людей.

– Знаю, – Логан коротко взглянул на директора. – Кстати, что там? Угроза нейтрализована?

– Когда буря стихла, я поручил Иену Олбрайту взять надежных ребят и вынести все из лаборатории. Они демонтировали главный аппарат – хотя, надо отметить, ты хорошо над ним поработал – и перевезли все в Уэйкфилд, где и уничтожили в печах литейного завода.

– Работы Бенедикт?

– Пришлось опять-таки обратиться за помощью к Олбрайту. Офис, подвальную лабораторию, личные апартаменты – всё зачистили. Все материалы сожгли. Помогли и местные власти – с их разрешения обыскали фамильный дом, доставшийся ей в наследство. Там, кстати, нашли большую часть документов из лаборатории.

– Местные власти? – повторил Логан.

– На побережье Новой Англии не так уж много больших городов, которые не обязаны чем-то «Люксу»... – Олафсон помолчал. – Мы и сами приняли определенные меры предосторожности: уничтожили наши архивные документы, имевшие отношение к «Проекту Син». Я имею в виду не только бумаги в моем сейфе – я говорю о более ранней работе, из которой проект и родился в конце двадцатых. Все, так или

иначе, прямо и косвенно, с ним связанное. – Директор посмотрел на Логана. – Надеюсь, ты не возражаешь.

– Всячески поддерживаю. Но что с «Айронхендом»?

Олафсон снова помрачнел.

– Ведем неофициальные переговоры с федералами. Все улики, до которых смогли добраться, мы уничтожили, а сами работы Бенедикт сейчас под негласным запретом. – Директор выжидающе посмотрел на Логана: – Ты что думаешь?

– Думаю, если бы у нее была возможность продолжить свои исследования вне кампуса, допустим, в лабораториях «Айронхенда», она не прибегла бы к таким отчаянным мерам – не стала бы нейтрализовывать Стрейчи, пытаться убить меня и делать все возможное, чтобы выиграть время и подготовить оборудование для вывоза с территории «Люкса». – Энигматолог медленно покачал головой. – Нет, если вы сожгли все документы и уничтожили все оборудование, «Айронхенд» возобновить работу не сможет.

– Своими силами, наверное, не сможет, – согласился Олафсон. – Но это их не остановит. Я бы соврал, если б сказал, что они сдадутся так легко.

Слова эти повисли в воздухе. Наконец Логан поднялся. Директор сделал то же самое.

– Я провожу тебя до машины? – предложил Олафсон.

– Спасибо, но у меня осталось еще одно небольшое дело.

– В таком случае – до свидания, – директор тепло пожал Логану руку. – Мы перед тобою в неоплатном долгу. Если я могу сделать что-то лично, как руководитель «Люкса», ты только дай знать.

Энигматолог на секунду задумался.

– Кое-что можешь.

– Говори.

– Когда я приеду сюда в следующий раз – возможно, заняться каким-нибудь свободным, без временных ограничений, проектом, – сделай так, чтобы Роджер Карбон отправился в длительный отпуск, желательно подальше от «Люкса».

Олафсон улыбнулся.

– Считай, договорились.

Выйдя из директорского коридора, Логан неторопливо побрел по отделанным со вкусом коридорам и широким лестницам «мозгового центра». За три дня, прошедших после урагана, «Люкс» вернулся к нормальной жизни – попадавшиеся по пути ученые о чем-то переговаривались вполголоса, пораженные увиденным клиенты ожидали приема в великолепной главной библиотеке. Миновав столовую – из-за закрытых дверей доносился звон столовых приборов и фарфора, означавший, что там уже готовились к ланчу, – он свернул в боковой коридор, прошел через двойные двери и оказался на задней лужайке.

Его встретили яркое солнце и явственно ощущавшийся в воздухе холодок. Логан прошел мимо прогуливающихся небольшими группками ученых и техников, художницы у мольберта и остановился у разбросанных словно каким-то бездельником-великаном вдоль берега камней, отмечавших верхний предел прилива. На одном из камней, засунув руки в карманы серого тренча и глядя на море, сидела Ким Миколос. На виске у нее желтел только начавший сходить жуткий синяк.

– Привет, – сказал Логан, садясь рядом.

– И вам тоже.

– Говорят, морской воздух помогает поправлять здоровье.

– Мне не воздух надо благодарить, а вас, доктор Логан.

– Пожалуйста… Джереми.

– Ладно, пусть Джереми.

– А почему вы должны меня благодарить?

– Вы пришли мне на помощь. Позвонили девять-один-один. Практически сами довезли до больницы.

– Ну, прежде всего я должен извиниться за то, что втянул вас во все это.

– Да, самое волнительное приключение за много лет… – Она вдруг отбросила шутливый тон. – Нет, Джереми, правда. После всего случившегося с Уиллом Стрейчи… это вы помогли мне понять, что и как, взглянуть на вещи с правильной стороны. Я бы хотела сделать что-то для вас.

– Можете. Вы их принесли?

Ким кивнула и, пошарив в карманах, достала несколько завернутых в косметическую бумагу предметов.

Логан взял те, что были в ее левой руке, – два миниатюрных передатчика из обнаруженных в Машине, радиоприемнике Стрейчи и за книжным шкафом в кабинете Логана.

– Не забыли. Спасибо.

Она посмотрела на него.

– Всё в порядке? «Люкс» разобрался с этой чертовщиной?

– Да, в меру своих возможностей.

– Тогда осталось только одно.

Словно по команде, они поднялись. Логан развернул бумагу, сунул ее в карман и одно за другим швырнул оба устройства в море. Ким последовала его примеру.

Секунду-другую они стояли молча, наблюдая за тем, как море жадно пожирает добычу – всплеск… набежавшая волна… и вот уже ничего не осталось.

– «О дух любви, – негромко продекламировал Логан, – как легок ты и свеж! Хоть ты вмещаешь все подобно морю, Ничто в твою не сходит глубину, Как ни было б оно высокоценно, Не обесценясь в тот же миг!»[22]

Они еще долго стояли, глядя на безграничный синий океан.

– Ну, вот и всё, – тихо сказала Ким.

– Проводите меня к машине, – попросил Логан.

Через пять минут они подошли к парковочной площадке, укрывшейся тенью Восточного крыла. Ветер пошевелил ворот рубашки Ким, и Логан увидел краешек амулета.

– Если хотите, сниму с вас эту штуку, – сказал он.

Она покачала головой.

– Вообще-то, я к ней уже привыкла.

Они помолчали.

– Чем будете заниматься? – спросил Логан.

– Как я вам и говорила при первой встрече, закончу работу доктора Стрейчи, оформлю его наследство. А потом продолжу свою – по разработке стратегического проектирования программного обеспечения. Вице-директор Перри Мейнард говорит, такая работа полностью соответствует будущим планам «Люкса».

– Что ж, когда отыщете следующего Оракула, подскажите мне варианты с акциями.

Они обнялись.

– Еще раз спасибо, Ким. За все.

Она улыбнулась немного грустно.

– Берегите себя.

Выезжая с парковочной стоянки, Логан заметил, как сразу же вслед за ним на усыпанную гравием дорожку выкатился темный седан последней модели. Неторопливо пробираясь по кривым улочкам центра Ньюпорта, энигматолог видел, что седан идет у него на хвосте, но при этом держится на приличном расстоянии.

– Не знаю, Кит, – обратился он к духу своей мертвой жены, которая, в его воображении, сидела рядом. – Как думаешь, они потащатся за нами до самого Нью-Хейвена?

Кит благоразумно предпочла не отвечать.

– Надеюсь, эти оперативники «Айронхенда» не слишком зациклены на слежке, – продолжал Логан. – Мне надо готовиться к занятиям по теме средневековых купеческих гильдий Сиены, и такого рода внимание совсем некстати.

И с этими словами он повернул к мосту Клейборна Пелла.

В Коннектикут.

Домой.

Примечания

1

В данном случае апертура (также раскрыв) – условная плоская излучающая или принимающая излучение поверхность антенн.

2

Образ действия (*лат.*).

3

Бетти Буп (*англ.* Betty Boop) – персонаж американских рисованных мультфильмов, созданный М. Флейшером в начале 1930-х гг.

4

Клодетт Колбер (1903–1996 г. Спайтстаун) – американская актриса, одна из ведущих исполнительниц комедийных ролей в 1930-е гг.

5

Система управления реляционной базой данных.

6

Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель и мемуарист, написавший двухтомную «Жизнь Сэмюэла Джонсона».

7

Знаменитая американская торговая марка фортепиано.

8

Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест; финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований. Основана в 1895 г.

9

В оригинале Project Sin, что можно понимать как «Проект Грех».

10

Тромплёй (или обманка, *фр.* trompe-l’œil – «обман зрения») – технический прием в искусстве, целью которого является создание оптической иллюзии того, что изображенный объект находится в трехмерном пространстве, в то время как в действительности нарисован в двухмерной плоскости.

11

Букв. «время, после которого» (*лат.*).

12

Birth of the Cool – альбом Майлза Дэвиса (1957).

13

Цитата из фильма О. Премингера «Лора» (1944).

14

Название знаменитого альбома, записанного в 1962 г. в стиле босанова джазовыми музыкантами С. Гетцем и Ч. Бёрдом.

15

Булочка с шоколадом (*фр.*).

16

Вот знак (*лат.*).

17

Ты – чудо (*лат.*).

18

«Под розой» (*лат.*).

19

Банши – фигура ирландского фольклора; женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными воплями, стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

20

«Айронхенд» переводится с английского как «Железная рука», «Айронфист» – как «Железный кулак».

21

Кислотный трип – состояние наркотического опьянения при употреблении ЛСД. Буквально – «кислотное путешествие».

22

Шекспир У., «Двенадцатая ночь», *пер. Д.С. Самойлова.*